

Франсуаза Дольто

СОБРАНИЕ ТРУДОВ

**ПСИХОАНАЛИЗ
И ПЕДИАТРИЯ**

ТОМ I

ERGO

Франсуаза Дольто

ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕДИАТРИЯ.

ГЛАВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОАНАЛИЗА.

ШЕСТНАДЦАТЬ ДЕТСКИХ СЛУЧАЕВ.

Перевод с французского

УДК 159.922+159.9:61
ББК 88.37+88.48
Д655

Издание выходит с 2006 года

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой

Дольто, Франсуаза

Д655 Собрание сочинений. / Франсуаза Дольто. — Пер. с фр. под на-
уч. ред. С.Ф. Сироткина. — Ижевск: ERGO, 2006 — .
ISBN-10: 5-98904-033-4
ISBN-13: 978-5-98904-033-9

Т. I: Психоанализ и педиатрия / Пер. с фр. И.Б. Ворожцовой. —
2008. — VIII+288 с.
ISBN-13: 978-5-98904-033-9

УДК 159.922+159.9:61
ББК 88.37+88.48

ISBN 5-98904-033-4
ISBN 978-5-98904-033-9 (Т. I: Психоанализ и педиатрия)

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые по-
пытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Editions du Semi, 1971,1976,1981
© И.Б. Ворожцова, пер. с фр., 2008
© Издательский дом «ERGO», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ VII

ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕДИАТРИЯ (1939)

1 Предисловие к настоящему изданию [1971]..... 3
Введение..... 5

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I. НОМЕНКЛАТУРА..... 15
Инстанции личности во фрейдовском психоанализе..... 16
Сознательное, бессознательное, предсознательное..... 17
Последствия для психоаналитической техники..... 23
II. Эволюция инстинктов..... 25
1. Различные стадии..... 25
Оральная стадия..... 27
Анальная стадия..... 30
Фаллическая стадия..... 38
Фаза латентности..... 47
Генитальная стадия..... 49
2. Роль сексуальности в развитии личности..... 54
3. Важность фаллического периода в патологии невротиков..... 60
4. Распространенные запреты при мастурбации..... 64
III. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС..... 69
Борьба против страха кастрации..... 75
Мальчик..... 76
Девочка..... 96
IV. ЭНУРЕЗ..... 119
V. СТРАХ СМЕРТИ И СТРАХ КАСТРАЦИИ..... 125

КЛИНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I. ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТОДА..... 135
II. НАБЛЮДЕНИЯ..... 162
1. Сновидение..... 162

2. Сновидение.....	162
3. Рисунки.....	163
4. Гюстав.....	175
5. Себастьян.....	179
6. Бернар.....	187
7. Патрис.....	191
8. Ролан.....	196
9. Ален.....	200
10. Дидье.....	202
11. Марсель.....	213
Заметки, касающиеся Марселя.....	223
12. Тот.....	225
13. Дениз.....	229
14. Клодин.....	234
15. Фабьенн.....	242
16. Моник.....	254
Заключение.....	263

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

APPENDIX

БИБЛИОГРАФИЯ.....	267
Лист СОКРАЩЕНИЙ.....	268
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	269
УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	270
Лист ПАЦИЕНТОВ И УПОМЯНУТЫХ ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ.....	271
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	273

*

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ

Издания на французском:

Dolto, Françoise. Psychanalyse et pediatrie : Le complexe de castration : etude generale, cas cliniques / Dr Françoise Murette ; [Preface de Edouard Pichon.] — Paris : A. Legrand, 1940. — VIII—274 p. : ill.

Dolto, Françoise. Psychanalyse et pediatrie, les grandes notions de la psychanalyse, seize observations d'enfants... [2e edition.] — Paris : Editions de la Parole (Blois, impr. R. Sille), 1961. — 287 p. — Bibliotheque d'information medico-sociale Theophraste Renaudot.

Dolto, Françoise. Psychanalyse et pediatrie : les grandes notions de la psychanalyse : seize observations d'enfants. — [4e ed.] — Paris : Editions du Seuil, 1971. — 287 p. : ill.

Dolto, Françoise. Psychanalyse et pediatrie : les grandes notions de la psychanalyse, seize observations d'enfants / Françoise Dolto. — Paris : Editions du Seuil, 1976. — 282 p. : ill. — Points ; 69. Sciences humaines

Dolto, Françoise. Psychanalyse et pediatrie : les grandes notions de la psychanalyse, seize observations d'enfants / Françoise Dolto. — Paris : Ed. du Seuil, 1988. — 282 p. : ill.

Издания на немецком:

Dolto, Françoise. Psychoanalyse und Kinderheilkunde : die grossen Begriffe d. Psychoanalyse; 16 Kinderbeobachtungen / Françoise Dolto. [Aus d. Franz. von Eva Moldenhauer]. — 1. Aufl. — Frankfurt (am Main) : Suhrkamp, 1973. — 300 s.

Dolto, Françoise. Psychoanalyse und Kinderheilkunde : die grossen Begriffe der Psychoanalyse ; 16 Kinderbeobachtungen / Françoise Dolto. Übers. von Eva Moldenhauer. — 1. Aufl. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. — 304 s.

ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕДИАТРИЯ

Главные понятия психоанализа
Шестнадцать детских случаев

(1939а)

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ [1971]

Несмотря на множество лакун, я думаю, что в таком виде эта книга дает возможность врачам, родителям и воспитателям понять соотношения психоанализа с развитием интеллекта и характера; она позволяет понять, как обстоит дело с общим здоровьем людей перед лицом эволюции сексуальности. За тридцать лет психоаналитические исследования позволили глубже понять многие из поднятых здесь вопросов. Интерференция между органическими, функциональными или вызывающими повреждения заболеваниями и развитием сексуальности была обнаружена врачами, некоторые из которых специализируются в т. н. психосоматической медицине. Общество в целом с 1939 года переживает глубокие изменения. В педагогике перед лицом растущего числа детей с трудным характером и проблемами в школе и проявлениями неадаптированное™ разного рода используются более тонкие методы преподавания и «работы с отстающими». Медико-педагогические консультации, возникшие повсеместно, отвечают на беспокойство родителей, касающееся трудностей их детей: трудности в речи, в письме, чтении, двигательности, школьном обучении, в адаптации к закону. В этот период условия городской жизни таковы, что сжимаются время и пространство для жизни. Осознание ответственности за себя пробуждается, с другой стороны, у молодых: с их точки зрения, они не умеют или не могут более слушать родителей с доверием. Семья, в прошлом поддержка и убежище, — не более чем временное место роста, куда проникают через глаза и уши все отзвуки мира. Более чем когда-либо каждое человеческое существо, тело, которое не подвержено последствиям любых нарушений здоровья, замечает, что его аффективные и психические немощи подвергают его опасности утратить психическое равновесие. Ему нужно взять в реальной жизни ответственность за сексуальность, которую он ощущает в своем воображении как причину своих страхов, взять ответственность за плодovitость, которую

он ощущает как единственного гаранта своей смерти. Разум людей XX века открылся не только энергии материи и поиску овладения ею, но также энергии бессознательной мощности либидо. Чувство ответственности за это усиливается.

Я посвящаю эту книгу педиатрам.

Париж 1971 г.

ВВЕДЕНИЕ

... 7 < v ... "7, >7«(7.); -<-;i" .:;i. -7>7 7' /, '•', '!' - .7 r) ' 777 77;.

недостаточно известно, что Фрейд, еще не будучи философом оригинальных и революционных взглядов, был еще до того, как стал психиатром, человеком лаборатории. Он был подготовлен к строгой дисциплине научных экспериментов и работе с микроскопом. Следуя объективности, развитой этим первым образованием, Фрейд с усердием изучал психологические явления. Его теории были в его глазах лишь рабочими гипотезами столь долго, пока не были подтверждены рядом его клинических исследований. Это причина того, что мы присутствовали при эволюции его теоретических концепций. Перед лицом проблем, которым он не находил объяснения, имея набор первоначальных постулатов, он вновь приступал к исследованию, основываясь всегда на терапии, чтобы подтвердить или опровергнуть правомерность своих воззрений.

Фрейд будет таким образом последовательно разрабатывать и доносить до публики, покоренной или невосприимчивой, в основном оригинальную доктрину.

Он был врачом, прежде всего. Он хотел лечить, он стремился излечить. Так же, как в химии, его первые исследования имели практическую цель — и дальнейшее открытие кокаина должно было их увенчать, — таким же образом его терпеливые исследования в области психологии были движимы заботой врача, желающего вылечить душевные заболевания, а обычная терапия его оставляла безоружным.

Мы часто слышали, как честные собратья отказывают психоаналитическим теориям в каком бы то ни было реальном основании, относятся к детской сексуальности как чистому вымыслу, к их проявлениям — как, если не неподобающим, то, по крайней мере, не представляющим интереса для того, чтобы понять глубже. Даже комплекс Эдипа обвиняется некоторыми как умствование или монструозный конфликт, присущий отдельным аномальным индивидам.

Что касается тех, кто живет в постоянном контакте с детьми, если они с искренностью регистрируют все, что видят, они многими своими наблюдениями подкрепляют открытия психоанализа.

Однако если бы речь шла только об исключительно спекулятивной радости по поводу подтверждения гипотез, можно было бы допустить, что проблема оставляет безразличными тех, кого социальная роль практически удаляет от рабочего стола, а именно — воспитателей и врачей.

Но в этих полемиках иногда забывают, что если психоанализ открывает новые пути исследования историку, социологу, психологу, его самый большой интерес, к которому ни один врач не может остаться безразличным, это то, что психоаналитический метод, вышедший из клиники, имеет терапевтическую цель.

Вооруженные научными системами наблюдения и необычайно развитым и тонким терапевтическим арсеналом, идущим сегодня вплоть до психохимии, мы встречаемся с многочисленными случаями, не поддающимися нашему лечению. Сталкиваясь с бессонницей, физическими депрессиями, астенией, спазмами, страхами, выраженными пищеварительными и сердечными заболеваниями, врач в затруднении запускает свои медикаментозные ресурсы, но чаще всего лишь с преходящим успехом.

Допускаются физиологические реакции страха, волнения, морального страдания, беспокойства и все функциональные расстройства, имеющие психологическую отправную точку в связи с известной объективной причиной и исчезающие вместе с ней; но для расстройств того же порядка, причина которых не имеет объективного характера, больным — ибо это люди, которые страдают и которым требуется лечение — говорят: «Это ерунда — это нервное».

Тому, что аффективные конфликты могут повлечь серьезные расстройства в общем здоровье, мы приведем в качестве доказательства лишь один пример.

Это случай девочки трех с половиной лет, Жозетты, которую привели в консультацию доктора Даррэ больницы «Озанфан малад» по поводу общего состояния, вызывающего беспокойство: потеря веса, бледность, анорексия, безразличие к играм, нервность, бессонница или кошмары при пробуждении, из-за которых ребенок был подвержен нервным припадкам.

По словам матери, расстройства начались две недели назад; поначалу она не придавала этому значения, но, видя ухудшение состояния и упадок сил ребенка между нервными приступами, она решила проконсультироваться с врачом.

Соматическое обследование было отрицательным, врач назначил гарденал и лекарство для стимуляции аппетита.

Спустя неделю привели Жозетту; вес уменьшился на полкилограмма М неделю. Она была по-прежнему без сил, температуры не было; ребенок, опрятный в течение больше года, вновь стал писать в кровать.

Благодаря симптому энуреза, о котором знали, что я им интересуюсь с психологической точки зрения, мой товарищ мне позвонил и сказал: «Она нуждается, возможно, в вашем лечении». Я вновь опросила мать, чтобы уточнить конкретнее даты.

Нам становится известно, что кошмары начались три недели назад. Характер ребенка изменился в это же время; из веселой и живой она стала молчаливой и безразличной. Из-за ночных пробуждений ее ругали родители, за этим следовали настоящие нервные припадки, и вследствие ухудшения состояния Жозетту привели в больницу.

Внешне ничего не было в окружении девочки, что могло бы оказать на нее такое впечатление. Я спросила, где спит Жозетта. В комнате родителей.

— Но, — добавила мать, — мы считаем, мой муж и я, что она теперь слишком большая, и мы решили некоторое время назад купить ей диван, чтобы класть ее спать в столовой.

Я попросила уточнить даты.

— Примерно три недели назад было принято решение, и мы даже купили диван, но, конечно, мы пока ничего не поменяли, жду, когда она выздоровеет.

Я обратила внимание на совпадение трех недель.

— Что вы, — мне отвечает мать, — она еще слишком маленькая, чтобы понять. Она даже об этом не знала. Мы ей об этом не сказали ни слова, и чтобы вас убедить, представьте, доктор, что она даже не обратила внимания на новый диван, который стоит в столовой. Это настоящий младенец.

Я видела, как ребенок, сидя на коленях у матери, смотрел на нее с начала разговора с немного отупелым видом; она принялась внимательно смотреть на меня, как только я заговорила о совпадении расстройств с покупкой дивана.

Посредством этих симптомов, мотив которых был для нее бессознательным, ребенок выражал отказ покинуть комнату родителей, оставить мать отцу.

Мы не стали входить в определение каждого из симптомов: кошмары, ночные ужасы, анорексия, энурез, потеря интересов своего возраста. Все выражали страх, влекущий регрессивные невротические симптомы.

Понимая конфликт, разыгрывающийся у ребенка, мы объяснили матери в присутствии Жозетты, что ее ребенок страдает морально, что ему нужно помочь пережить идею отделения от родителей, отношения к ней как большой девочке, — что вызывало у нее страх.

Я объяснила Жозетте, что она хочет остаться младенцем, чтобы не покидать свою маму. Может, она думала, что ее любят меньше, что папа хочет избавиться от нее? Малышка очень внимательно слушала и молча плакала. Родители отменили лекарства и последовали нашим советам.

В тот же вечер папа и мама поговорили с Жозеттой о предстоящей перемене. Папа был более ласков с ней, чем обычно, он ей представил новое будущее, он ей описал, какой она станет большой девочкой и как он будет этим гордиться; школу, куда она скоро пойдет с другими детьми.

Спустя четыре дня мать пришла снова и сказала мне, что ребенок более спокойный. Без гарденала она засыпала легким сном, но без кошмаров, энурез в две первые ночи держался, ребенка не ругали. Вот уже два дня, как прекратилось ночное недержание, аппетит вернулся, и девочка веселая днем. Она задала много вопросов. (Страх исчез и ребенок обрел свой нормальный аффективный уровень.)

Я предлагаю, чтобы теперь она ложилась спать в другой комнате, и я объясняю это Жозетте, та соглашается. Я советую отцу приходить к малышке поцеловать ее, когда она в кровати, и добавляю, что ни под каким предлогом родители не должны ее забирать в свою комнату.

Через неделю мать пришла еще раз со смеющейся и гордой Жозеттой. Все идет хорошо. Аппетит, сон и веселость вернулись. Ребенок ведет себя, как девочка, и она сама попросила мать пойти сказать докторше, что она выздоровела¹.

¹ См. С. 141.

Это всего лишь один из случаев более морального порядка, чем психического, перед лицом которых обычная терапия оказывается неэффективной, и это случаи, с которыми никогда не встречается психиатр, а врач общей медицины. Только органические симптомы вызывают тревогу у родителей. Но детальный опрос, ведущийся со знанием невротических механизмов, приводит к их причине: психологической травме.

Однако так же, как при проведении анамнеза соматического случая, нужно предвидеть, что искать, внимательно слушая, о чем нам сообщает больной, точно так же при изучении нарушений самочувствия нужно знать общее функционирование психизма.

И всем врачам необходимо иметь точные представления о подводных камнях, которые встречает индивид в течение своего психологического развития; это имеет значение главным образом для детских врачей: на них возлагается в сотрудничестве с воспитателями профилактика неврозов. Но также для всех других врачей, оказывающихся перед лицом некоторых органически необъяснимых манифестаций безоружными, но в этом не признающихся больному, и он теряет надежду, ходит от одного врача к другому, и они его так или иначе выпроваживают. Однако это люди, которые страдают, и психоаналитическое лечение могло бы улучшить их состояние, если не вылечить.

Врач, лишенный знания психической физиологии, напоминает хирурга, который перед лицом горячего абсцесса, попытался бы скрыть тумесценцию и наложил бы повязку анальгетиков вместо того, чтобы вскрыть абсцесс; таковы «нервные успокоительные», «перемена климата».

Природа, скажут, может сделать сама работу, откуда эти «со временем», «наберитесь терпения», что говорят больным с функциональными расстройствами. Да, но нагноение будет долгим, и шов будет некрасивым. Абсцесс может также инкапсулироваться, и, затухший внешне, очаг инфекции пробудится в момент меньшего общего сопротивления или травмы в чувствительной точке: страхи, наваждение, депрессия, бессонница, сердечные или пищеварительные нарушения, неожиданно появляющиеся у взрослого по поводу эмоции или несчастливого события, на которые он мог бы

отреагировать, если бы не было детского невротического очага, готового пробудиться.

Нам, таким образом, показалось интересным привлечь внимание к случаям больных, какие ежедневно бывают у врачей, а не у психиатров, для которых диагноз, так же как и лечение, находятся в ведении психоанализа.

Важность детских травм во всех трудах, толкующих о психоанализе, иногда удивляет. Однако каждый знает, что у всех индивидов самые тяжелые болезни и самые травмирующие удары — это те, что поражают орган в зародыше, орган меньшего сопротивления или орган, имеющий старое поражение, выздоровление которого еще не обеспечено. Что верно для области физической, верно также для области психической.

Случаи, о которых мы будем говорить, относятся к наиболее простым, и они не были искусственно упрощены.

Что касается случаев, по поводу которых обращались сразу же за консультацией к психиатру, мы лишь сделаем некоторые отсылки, потому что мы их намеренно удалили из этой работы.

Симптоматология взрослых более богата, различные реакции более вpletены, но на самом деле в основе всегда одни и те же механизмы. Таким образом, за исключением нескольких клинических общих мест, границы этой работы не позволят нам изложить наблюдения за взрослыми. У любого взрослого, даже если он психически здоров, можно обнаружить по случаю некоторых трудностей, встреченных в течение существования, следы комплекса кастрации, по меньшей мере в таком свидетеле бессознательной деятельности, как сновидение.

Впрочем, посредством процедур психоанализа, не будем этого забывать, смогли установить универсальность конфликтов в ходе человеческого развития и в особенности эдипова конфликта, который окончательно отмечает субъекта, в зависимости от способа, каким тот на это отреагировал.

Главы I, II и III — теоретическое изложение; читатель может перейти прямо ко второй части (с. 133), несомненно, более конкретной и клинической; он может вернуться к предыдущим главам, если что-то ему покажется неясным при обсуждении случаев.

¹ Ср. *Lagache, [Daniel.] La Psychanalyse.* — Paris: P.U.F., [1955]; *Berge, [Andre.] Education sexuelle et affective.* — [Paris:] Scarabee, [1948]; *Favez[-Boutonier, J.] La Psychotherapie // C. P. M. [Psychologie de l'enfant, de la naissance a l'adolescence, sous la direction de Maurice Debesse, ... par D. Anzieu, A. Berge, Ch. Bried, H. Brule, J. Chateau, R. Cousinet, ... {etc.} — Paris:] Bourrelier, [1956].*

І. НОМЕНКЛАТУРА

мы попытаемся изложить как можно короче и яснее смысл некоторых выражений.

Каков смысл выражения «комплекс кастрации», которое будет связывать все наше изложение?

Комплекс — это неразрывная связь между:

- с одной стороны, *влечениями* с разными целями, иногда противоречивыми, каждое из которых претендует на управление;
- и, с другой стороны, *запретами* культурного порядка, противодействующими реализации некоторых из этих влечений.

Влечения («толчок») являются первыми порывами физиологического происхождения к цели; они требуют удовлетворения.

Некоторые влечения наталкиваются на *запреты*.

Поскольку эти влечения и эти запреты являются бессознательными, их связь — комплекс — бессознательна.

Но реакции, порожденные этой бессознательной конфликтной ситуацией манифестируются в поведении. Субъект думает и действует тогда, следуя мотивам, вытекающим без его ведома из бессознательных детерминаций, в то время как его потребности в логике всегда удается оправдать себя в собственных глазах. Он может еще присутствовать, столь же не имея возможности изменить, при соматических манифестациях, также вытекающих из бессознательных детерминаций, а вегетативная нервная система служит посредником, чтобы экстериоризировать бессознательные аффективные состояния, как она экстериоризирует сознательные состояния, например: в слезах, при покраснении кожи, гусиной коже.

Кастрация означает в обычной речи «разрушение» генитальных желез, устранение сексуальных потребностей и сопутствующего поведения; но для Фрейда и психоаналитиков термин «сексуальный» не означает только манифестации в связи с генитальным актом про-

креации; он охватывает все, что имеет отношение к гедонической деятельности, т. е. все то, что имеет отношение к поиску удовольствия.

Кастрация в психоаналитическом смысле означает тогда «фрустрацию гедонических возможностей», фрустрацию возможностей поиска удовольствия.

Мы увидим, что гедонизм центрирован не на одних и тех же телесных зонах на разных стадиях развития, и глава II будет посвящена изложению этой эволюции.

Настоящая глава посвящена изложению, если нам будет позволено выражение, механизма и винтикам взрослого психизма.

Несмотря на наше желание употреблять как можно меньше научных терминов, дело обстоит так, что мы не можем этого избежать, не утяжеляя свой текст до такой степени, чтобы сделать его непонятным, повторяя постоянно перифразы. Добавлю, что лично я часто употребляю выражения, которые не являются классическими, но которые мне кажутся полезными, чтобы дополнить смысл привычных выражений, которые они проясняют, не устранив их.

ИНСТАНЦИИ ЛИЧНОСТИ

ВО ФРЕЙДОВСКОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ

Мы дадим короткое описание личности, но не надо забывать, что речь идет об искусственной и удобной схеме для изучения, и поостережемся видеть непроницаемые отсеки и реальные сущности.

Различают Оно, Я и Сверх-Я.

Оно. Источник влечений, слепая сила либидо, которой необходимо, как реке, найти свое течение. Либидо относится к сексуальности, как голод к питанию.

Я. Вместилище сознательных удовлетворений и недугов. Ядро личности, имеющее границы, организованное, когерентное и здоровое. Именно через его посредство Оно входит в контакт с внешним миром. Буфер между Оно и внешним миром вначале, затем с 6 — 7 лет между Оно и Сверх-Я.

Сверх-Я. Своего рода ментор сформированного интеграцией опытов, разрешенных и запрещенных, как они были прожиты в первые годы. Вместилище тормозящей силы, которая действует так же слепо, Сверх-Я неспособно эволюционировать чувствительным образом само по себе после 8 лет, даже если условия жизни полностью изменяют требования внешнего мира.

Когда мы говорим, что Оно и Сверх-Я являются вместилищем слепых сил, мы хотим сказать, что их функционирование бессознательно. Я, впрочем, лишь отчасти сознательно¹.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, ПРЕДСОЗНАТЕЛЬНОЕ

Совокупность мыслей, которые мы себе представляем в определенный момент, составляет *сознательное*. Обо всех тех, которые в этот момент находятся вне нашего сознательного поля, говорят, что они *бессознательные*. Но в этом наборе нужно различать те, что мы сможем вызвать по своему желанию (*предсознательное*), и, с другой стороны, *бессознательное* в собственном смысле, которое остается навсегда практически неизвестным.

Но бессознательное не есть неясное вместилище бесполезных и немых психических представлений.

Изучив феномен постгипнотических действий у Бернхейма, Фрейд констатировал, что действие по приказу под гипнозом навязывалось сознанию в то время, когда ни полученное от врача приказание, ни воспоминание о гипнозе не припоминались. И более того, когда спрашивали у субъекта, выполнившего абсурдный приказ, о причине его действия, он всегда приводил оправдание, достаточное на его взгляд, в то время как оно часто шло вопреки всякой логике:

¹ Повторяем, что речь идет о схеме; что важно понимать, так это то, что в целом бессознательное, источник аффективной силы, очень рано «разделено против себя самого» (Оно и Сверх-Я).

² Например, субъект, который открыл зонтик в середине заседания в соответствии с приказом, полученным во время гипноза, отвечал на вопросы окружения: «Я хочу увидеть, в хорошем ли состоянии мой зонтик».

идея действия, которое надо совершить, перешла из бессознательного в сознательное с побуждением действовать; но идея полученного приказа не перешла в сознательное, однако именно она была действенной.

Психический феномен может быть, следовательно, бессознательным и действенным.

Наблюдение за истериками должно было привести Фрейда к заключению, что внешнее внушение гипнотизма и внутреннее внушение истерии являются примерно идентичными феноменами.

Для других форм невроза и даже для психологии здорового человека психоанализ показывает доминирующую роль активных бессознательных идей; называют *рационализациями* мотивы, которые индивид приводит, чтобы оправдать действия, настоящий мотив которых ему остается неизвестным.

Однако необходимо заметить различие: приказанное под гипнозом действие, осуществившись однажды, не играет более никакой роли в бессознательном субъекта; в то время как бессознательный толчок, исходящий от самого субъекта, имеет тенденцию бесконечно повторяться в соответствии с ритмом, варьирующимся для каждого индивида. Вот мотив, из-за которого невроз спонтанно не может прекратиться.

Фрейд выдвигает гипотезу, что любой психический феномен стремится стать сознательным.

Он останавливается на пути, лишь если наталкивается на сопротивление, и это не обман, это *игра сил*.

Но как только процесс запущен, аффективная нагрузка, которая его поддерживает, должна найти использование; она является частью проявлений либидо, которое так же, как «жизнь», не может незаметно скрыться. Мы можем изменить проявления жизни; но как только жизнь запущена, она останавливается лишь смертью, т. е. разрушением целостности живущего. Аналогично либидо не дает себя ни аннулировать, ни уменьшить в своем динамическом количестве.

Если случается, что со своего появления давление либидо наталкивается на запреты во внешнем мире, представление подавляется; но аффективная нагрузка, которая его поддерживала, сохраняется; она становится *страхом*.

У страха, невыразимого недуга, интенсивность зависит от двух факторов: с одной стороны, значительности аффективной нагрузки отдельно от своей первоначальной опоры; с другой стороны, более-менее тотальной, более-менее категоричной степени помехи, навязанной влечению.

Если аффективная нагрузка найдет, чтобы приспособиться к другой идее, лучше выносимой внешним миром, это образование *симптома*: неизвестное использование подавленного влечения. Появление этого симптома *освобождает субъекта от своего страха* и дает немедленное чувство хорошего самочувствия.

Но лишь в первые годы жизни влечения наталкиваются на внешний мир; запреты, на которые они будут наталкиваться по прошествии первых опытов, быстро приведут к тому, чтобы заполнить саму личность субъекта (Сверх-Я).

Как происходит формирование Сверх-Я, можно понять на примере классического сравнения. Помещают рыб в банку и в какой-то день ее перегораживают прозрачной стеклянной пластинкой. Рыбы, находящиеся в каждой из двух половинок банки напрасно стараются пересечь прозрачную стенку, они на нее без конца натываются — до того дня, когда они действуют, как будто не желают более выходить из отсека, который им предназначен. Они более никогда не натываются на стеклянную перегородку и, если через несколько недель перегородку убирают, удивляются, что рыбы продолжают вести себя, как будто она по-прежнему существует; запрет стал «внутренним», он — часть «личности» этих рыб.

Именно так действует Сверх-Я. Оно ассимилирует запреты внешнего мира, чтобы избежать разочарований; но, раз сформировавшись, Сверх-Я является ригидным. Благодаря ему влечения спонтанно тормозятся, даже до того, как осознаются, как только они вызывают ассоциативный резонанс влечений, повлиявших во время первых опытов ребенка со стороны внешнего мира репрессию, за ко-

торой последовал страх. Вот тормозящий механизм, который имеет название *вытеснения*. Видно, что это *внутренний* процесс.

Вытеснение касается лишь идей.

Аффективные нагрузки, которые их поддерживали (и которые, мы об этом говорили, не могут быть разрушены), вызывают в сознательной аккумуляции нервной неутоленной силы страх, от которого субъект страдает, и причина его ему неведома. Имя *первичного страха* предназначено страданию, происходящему в результате конфликта между влечениями либидо и внешними запретами субъекта. Страху, возникающему в результате конфликта между Сверх-Я и Оно внутри самой личности субъекта, дают название *вторичного страха*.

Страх стремится освободиться в *симптоме*, который дает ему аффективную разрядку (фиктивное напряжение связывается с другой идеей). К такому выражению могут терпимо или нетерпимо относиться внешний мир или сознательная часть субъекта. В случае репрессии инстинктивное умиротворение не может наступить, отсюда — новый страх, определяющий другой симптом, по-прежнему анимированный тем же самым напряжением либидо, свободным от первой вытесненной идеи. Можно, таким образом, дойти до цепи сплетений, уводящих симптом настолько далеко от первоначальной исходной точки, что нужна медленная работа «анализа», чтобы определить причину.

Это дает понять, как психоаналитическая психотерапия может действовать на ребенка, Сверх-Я которого, если оно начинает формироваться в 7 — 8 лет, достигает окончательной ригидности лишь к концу пубертата, в то время как будет необходимо прибегнуть к долгому терапевтическому лечению, каким является «настоящий психоанализ», когда идет речь о взрослом, где присутствует двойная трудность более ригидного Сверх-Я и более долгой истории.

Мы можем сравнить либидо с водой источника. Она должна проречь; помешай ей выйти там, где она выходит в точке своего выхода, она прорвется в другом месте.

Там, где она появляется, вода зовется источником; едва лишь она пройдет несколько метров, как она зовется ручьем.

Если захотят остановить течение ручья, воздвигают дамбу; но дамба должна быть усилена по мере того, как усиливается давление, и какой бы обширной она ни была, какими бы мощными ни были ее перегородки, она послужит преградой лишь некоторое время, а потом будет затоплена, если бреши не дадут уйти излишку или не будет оборудован выход, через который резервуар вытечет, питая, например, электрический завод.

В этом роль Сверх-Я — благоприятствовать «сублимациям»: использованию либидо в социальных видах деятельности, терпимых или стимулируемых внешним миром.

Но если пропускная способность стока не соотносится с пропускной способностью источника, вода должна найти дополнительные бреши: такова роль симптомов; и эти бреши образуются в местах меньшего сопротивления.

Так происходит, когда влечения, не могущие достичь *сознательного*, пробудят или усилят проявления, соответствующие более раннему периоду развития и которые в то время были терпимы. Либидо находится в искушении пойти по прежней дороге, предпринять ту или иную реинвестицию вокруг «точек фиксации», зависящих от совокупности условий, которые сделали так, что особый акцент был поставлен на том или ином проявлении во время своего нормального появления.

Так, если вернуться к сравнению, под давлением прибывающей массы, вода резервуара снесет сначала шлюзы, закрывающие допуск к участкам, где вода могла бы временно пребывать, пока дамба и электрический завод не были еще закончены.

Большое различие между тем, что происходит с водой на поверхности земли, и тем, что происходит с либидо у индивида, состоит в том, что тормозящая сила торможения, противодействующая проявлениям влечений, исходит в последнем случае от самого индивида.

Динамический элемент инстанции Оно — это либидо, и динамический элемент Сверх-Я — это также либидо.

Ибо благодаря Сверх-Я необыкновенная экономия работы обеспечивается для Я, которое избегает тем самым неинтересной работы по постоянным выборам и отказам. Золотые рыбки хорошо себя чувствуют в банке, которая поначалу их стесняла.

Если сублимации используют полностью динамизм вытесненных влечений и если Сверх-Я оставляет для Оно еще достаточно большой запас для прямых удовлетворений, все идет хорошо, вытеснение совершается молча и без страха.

Но если возможности сублимации недостаточны или если Оно очень сильно, очень богато, следует напряжение; Сверх-Я должно показать себя крайне суровым, и мы присутствуем при реактивных образованиях либо в согласии с Я (перверсии), либо без его согласия (типичные неврозы).

С другой стороны, если жизненные толчки Оно завладевают с настойчивым постоянством бдительностью Сверх-Я, из этого может последовать более-менее полная блокировка либидо: оно будет использовано против него самого. Эта сила, остановленная тогда в бессознательных механизмах, столь же несвободна для Я, то есть для сознательных действий субъекта.

Можно было бы подумать тогда, что субъекту было бы облегчение, если бы ему восстановили немного его заблокированной энергии. Это было бы ошибочным. Своего рода метаболическое отклонение направило бы снова высвобожденную энергию совсем в другом направлении, нежели искомое¹. Она вернется оттуда на самом деле в равном распределении между обеими антагонистическими фракциями *бессознательного* (Оно и Сверх-Я) и лишь усугубит состояние конфликта.

И это было ошибкой первых лет психоаналитического метода², когда наивно считали, что хорошо делают, прямо сообщая больным смысл их симптомов.

Действительно, в то самое время как Я субъекта желает честно отдаться лечению и помочь врачу со всем своим желанием, как только психоанализ пытается разделить пару антагонистических сил,

¹ В некоторых как в научном и внешне парадоксальном сочетании некоторых эндокринных или биохимических корреляций.

Иначе говоря, как отмечают Jung и Fraenkel, «если аналитик вызывает вытеснение, чтобы привести к освобождению от комплекса, он может как раз усилить данное вытеснение».

² И еще в настоящее время тех, кто, вооружившись понятиями психоанализа, любит интерпретировать с окружающими симптомы и сновидения, что может иметь анекдотический интерес, но также повлечь в жизни субъектов, страдающих неврозом, тягостные, неблагоприятные и даже опасные последствия.

субъект бессознательно разворачивает глухую оппозицию, как будто организует защиту.

Этому явлению дают имя *сопротивления*.

Тот же самый механизм, что произвел вытеснение, входит в действие, как только аналитические интерпретации намекают на возможную релаксацию вытесненных идей и воспоминаний; по этому сигналу бдительность Сверх-Я еще более усиливается.

Этот механизм, каким бы неудобным он ни был в ходе нашего лечения и даже для проникновения психоаналитических идей, тем не менее, оказывается полезным: он сохраняет равновесие личности.

Достаточно подумать об освобождении силы либидо, которая улетучивается, например, во время острого приступа мании в регистре двигательности, чтобы понять полезность того, что влечения Оно не были слишком либерально выведены из-под строгого управления Сверх-Я.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Вот почему психоаналитический метод имеет целью обойти *вытесняющее*, а не *вытесненное*.

Психоаналитическое лечение основывается на *анализе сопротивлений*¹. Врач не будет давать своему больному интеллектуальную интерпретацию как ключ к ребусу.

Лечение осуществляется в «переносе», т. е. в развертывании со стороны больного аффективной ситуации по отношению к врачу — позитивной, негативной, чаще всего смешанной.

Перенос имеется в любом отношении между людьми; только в обычной жизни взаимное отношение двух индивидов зависит от многих факторов; понять с доскональной точностью, что относится к субъективной установке каждого из них, к внешним обстоятельствам,

¹ Это было особенно верным в 1939 году. С тех пор техника получила развитие, и если не пренебрегать анализом сопротивлений, интерпретация в большей степени касается *porte* влечений, ясное выражение которых желанием запрещено из-за сопротивлений и которые с этого момента травестированы в просьбы.

к интеркуррентным влияниям других индивидов, примешиваясь к их отношениям, — вещь невозможная.

Оригинальность психоаналитического метода — позволить наиболее возможное объективное наблюдение за поведением индивида. У того с врачом лишь фиктивные отношения: он не знает человека, он не знает его личные реакции; он никогда не услышит от него малейшее оценочное суждение.

Опыт показывает, что с первых сеансов такой субъект «видит» своего психоаналитика таким образом и реагирует по отношению к нему, как будто он является таким, как больной его воображает. Другой «увидит» того же психоаналитика совсем другим образом. Психоаналитик сможет тогда «анализировать» первопричину реакций субъекта, первопричину личности, которую ему приписывает психоанализуемый.

Стоит ли говорить, как надо, врачу хорошо себя знать — и это посредством своего собственного законченного психоанализа, — и использовать в качестве материала анализа лишь реакции своего больного, не соответствующие реальности, а также не реагировать любовью или ненавистью, то есть аффективно, когда больной ему сделает комплимент или упрек в одной из его реальных характеристик.

II. ЭВОЛЮЦИЯ инстинктов

1. РАЗЛИЧНЫЕ СТАДИИ

Любой инстинкт, примитивное биологическое влечение участвует одной характеристикой, присущей всем проявлениям жизни: ритм. (Чередующиеся фазы отдыха и возбуждений.) Фазы отдыха немые, фазы возбуждения соответствуют появлению влечений. Это как для голода, так и для либидо. Инстинктивные влечения, следовательно, подвержены повторению.

Инстинкты сохранения не могут надолго отсрочиваться, что касается их удовлетворения, без угрозы для самой жизни субъекта, и вследствие этого энергия, затрачиваемая индивидом, чтобы получить их насыщение, не может перемещаться.

Сексуальные инстинкты, напротив, могут быть отсрочены, а их энергия трансформирована на пользу другим видам деятельности.

Было показано, что во фрейдовском смысле слово *сексуальный* не означает генитальный, и определение *генитальный* адресуется лишь некоторым проявлениям сексуальности, наиболее поздним и наиболее завершенным в развитии индивида. Но гедонизм ребенка (т. е. «поиск удовольствия») пробуждается крайне рано.

Удовольствие, даваемое ритмичным возбуждением какой-либо телесной зоны, должно квалифицироваться как сексуальное, хотя оно не нацелено на соединение двух гамет. Действительно, принцип влечения, направленный в детстве на возбуждение очень многочисленных эрогенных зон (все тело может стать ихместилищем), не отличается от принципа, который позже будет связан с генитальной сексуальной жизнью взрослого, и его проявления оставались непонятыми до Фрейда.

За сосанием грудничка (вне кормления грудью) следуют сосание большого пальца, ручки, сигареты, поцелуй — гедонический акт, определение которого как эротического нельзя не признавать.

Но нет лучшего объективного критерия развития человека, чем аффективный критерий, то есть поведение индивида по отношению к объектам его любви.

Чтобы дать имя этим последовательным периодам индивидуального развития, Фрейд выбирает ту часть тела, на которой *электрично центрируется* гедонизм данного момента.

Вот почему в психоанализе различают последовательно оральную, анальную, фаллическую стадии, называемые также *прегенитальными* стадиями.

За ними следует т. н. фаза латентности, занимающая место примерно между 7 и 13 годами в наших климатических условиях.

Затем наступает пубертат и, наконец, генитальная в собственном смысле стадия, которая достигает своего расцвета в наших странах к 17–18 годам.

Именно история этих стадий временной организации помогает понять основы дальнейшего поведения не только индивидуумов, квалифицируемых как нормальные, но и также тех, кто представляет аномалии, начиная с простых странностей вплоть до тяжелых нарушений адаптации к обществу.

И полное подчинение общего развития развитию либидо объясняет это неизбежное следствие во взрослом возрасте: функциональное заболевание в генитальной сфере с необходимостью связано с нарушениями поведения аффективного порядка, и, напротив, психо-аффективные нарушения сопровождаются всегда характерным сексуальным поведением.

Вот почему в переплетении симптомов, которое мы наблюдаем, когда больной субъект приходит на консультацию, любые терапевтические меры, нацеленные на то, чтобы устранить или уменьшить функциональный симптом, действуют лишь как паллиатив. И аффективное отношение врача, по-отечески успокаивающего своим авторитетом моральные беспокойства больного, действует на психику лишь суггестией; и, если эта установка может еще казаться единственно возможной во многих слишком серьезных или слишком запущенных случаях, никоим образом не следует скрывать от себя, что ее терапевтическая эффективность всего лишь кажущаяся.

ОРАЛЬНАЯ СТАДИЯ

Такое название дается фазе организации либидо от рождения до отлучения от груди, и для нее первичной является ротовая эрогенная зона¹. Физиологическая потребность сосать появляется с первых часов жизни; но, будучи сытым, младенец продолжает во время сна при пищеварении сосать губы, в это время его внешний вид отдыха и блаженства выражает сладострастие.

Удовольствие от сосания независимо от необходимости питания есть аутоэротическое удовольствие. Это тип первичного нарциссического удовольствия, первородный аутоэротизм; у субъекта еще нет понятия внешнего мира, отличного от него. Если ему пассивно дан случай удовлетворить это удовольствие, ребенок привязывается к этому окказиональному объекту; грудь или бутылочка, с которыми он так любит играть, даже когда нет больше молока; которые он любит сосать, не делая усилия вдыхания и глотания.

Ребенок любит *так же, как самого себя*, то, что ему кладут в рот (грудь, соску), и *экстенсивно* (ибо он не приобрел еще понятия границ своего собственного тела) — кормилицу или мать, всегда с необходимостью связанную с удовольствием сосания и с кем он таким образом *идентифицируется*. Впрочем, все моменты сладострастного ощущения — купание, туалет, укачивание — связаны с присутствием *матери* посредством зрения, звучания, трогания. Она *ассоциируется* с этими ощущениями удовольствия и становится вся целиком в своем присутствии и своей персоной объектом любви-привязанности², и ребенок ей улыбается и радостно встречает даже вне часов сосания.

И модели этого отношения любви-привязанности будет следовать установка относительно внешнего мира. Как что-то заин-

¹ Можно было бы также сказать «ротовая стадия» при условии, если считать, что речь идет обо всем аэро-пищеварительном перекрестке (хватание, губная зона, зубная, вкусовая, глотание, издание звуков, вдыхание и выдыхание воздуха...).

Словом «атоиг» [любовь], которое во французском языке квалифицирует все возможности либидо (любят блюдо, любят деньги, любят существо, любят «любить»), обозначают также «аффективный интерес в самом себе» во всех формах — то, что мы будем называть «aimance» [любовь-привязанность].

тересует ребенка, он понесет это ко рту. Поглотить предмет, обладать его частями влечет удовольствие «иметь», которое смешивается для грудного ребенка с удовольствием «быть».

Постепенно ребенок *идентифицирует себя* таким образом с матерью в соответствии с *первым* типом отношения, который впрочем будет существовать всю жизнь, даже тогда, когда появятся другие: если она улыбается, он улыбается, если она говорит, он щебечет, и ребенок развивается, запоминая пассивно слова, звуки, образы, ощущения.

Это оральная стадия в своей первой, пассивной, форме. Первые слова — это уже достижение, требующее усилия и вознагражденное радостью и ласками окружения.

Но параллельно этому прогрессу появляются *зубы* и страдание, которое требуется успокоить покусываниями. И тогда ребенок продвигается вперед, входя в *активный оральный период*.

Он будет кусать все, что у него будет во рту, предметы, а также грудь, если он еще сосет мать; и так как укусы — его первое агрессивное влечение, способ, каким оно будет позволено или нет объектом любви, имеет первостепенную важность: от этого зависит научение родному языку.

Если этого момента ждут, чтобы начать *отлучение от груди*, оно будет рассматриваться как *последствие* агрессии, т. е. как наказание по типу фрустрации. Всегда есть у детей, отлученных от груди слишком поздно¹, трудность полностью использовать свою способность к агрессивности, не вызывая потребность в самонаказании. Конечно, совершенно необходимо, чтобы в пределах досягаемости у ребенка были лишь те предметы, которые можно сосать и кусать без опасности и не вызывая запреты и ругань взрослого.

Если внезапное отлучение от груди лишает ребенка неожиданно материнской груди и при этом он еще не перенес на другие предметы инвестирование своего либидо, он рискует остаться зафиксированным на пассивном оральном способе (таковы запоздалые любители сосать большой палец). Оно, во всяком случае, усиливает его ау-

¹ По нашему мнению, отлучение ребенка от груди должно начинаться в 4–5 месяцев и заканчиваться к 7–8 месяцам, самое позднее.

тоэротизм, и, теряя интерес к внешнему миру, он концентрируется на своих фантазмах, воображаемых арабесках, последовательности репрезентативных образов переживаний. Он может также сохранить ядро фиксации, которое войдет в резонанс во время дальнейшей фрустрации и может в будущем способствовать появлению невроза.

И как раз доминирование частичных оральных составляющих в зависимости от их дальнейшего использования создаст ораторов, певцов, курильщиков, пьяниц, «больших едоков», токсикоманов.

Именно к оральной стадии относится формирование эгоистических *характеров* захватнического типа, где субъект ищет в своей генитальной жизни, независимо а priori от пола (выбор соответствует коллективному Сверх-Я окружения), эксклюзивной любви существа, избранного в соответствии со способом орального объектного отношения. Является ли субъект мужчиной или женщиной, его предмет любви должен будет сыграть для него роль матери-кормилицы. Женщина, например, должна быть строгой и генитально неприкосновенной, активной и волевой, предпочтительно более обеспеченной, чем субъект, а значит — источником общего комфорта и кулинарного удовольствия.

Такие характеры встречаются на всех уровнях общества. Каким бы ни был их социальный ранг, они соответствуют *типу* «сутенера» и «женщины на содержании», последняя естественным образом нарциссична и фригидна в нормальных отношениях.

У страдающего неврозом, чья *регрессия либидо приводит к оральной стадии*, бессознательная идентификация субъекта с объектом приводит к тому, что потеря объекта вызывает необходимость умереть (меланхолия), если только галлюцинаторные ауто-эротические фантазмы не приводят субъекта к пассивной оральной стадии, нирване первых недель, где у него нет более никакого средства коммуникации с внешним миром.

У здорового взрослого, который *может впасть в регрессию (объектную и не либидинозную)*, приступы булимии могут заменить сексуальный акт, а ментальная анорексия — символизировать отказ от сексуальности.

Мысль на оральной стадии.

Каков способ думать на оральной стадии? Мы об этом знаем очень мало, и это неслучайно. Но нам позволено сделать вывод, что ментальное развитие приобретает в это время онейрическую форму, псевдо-галлюцинаторную.

Эта гипотеза опирается на наблюдения двух порядков:

Взрослые, страдающие психоневрозом, симптомы которого относятся к этой архаической стадии, испытывают галлюцинации, где они обычно видят объект любви-привязанности, с которым они ведут нежные речи (я встречала одну большую-меланхоличку, которая качала своего воображаемого мертвого ребенка) или который их терроризирует; но это не настоящие галлюцинации, ибо это составляет «часть их»; они видят не только своими глазами, как мне объясняла одна из моих больных потом, «это все, что пахнет».

Грудные дети, которым несколько дней, когда голодны, плачут и открывают рот, вытягивая его в сторону, как будто для того чтобы ухватить грудь; это кажется тактильной галлюцинацией. Более старшие грудные дети, когда они сыты и думают, что одни в комнате, принимают иногда улыбаться и даже взахлеб смеяться, ударяя по воздуху руками, как они это делают, когда видят, что мать к ним подходит, чтобы взять и приласкать. Это «похоже» на то, что наблюдают у спящих, видящих сон.

АНАЛЬНАЯ СТАДИЯ

Для ребенка от 1 до 3 лет 9 из 10 тем отношений со взрослыми занимают еда и научение чистоплотности сфинктера.

Второй год детства, не сводя полностью с трона ротовую эрогенную зону, придаст значимости анальной зоне. Она, однако, пробудилась гораздо раньше: достаточно понаблюдать за совсем маленькими и заметить их нескрываемое удовольствие во время спонтанного расслабления их экскрементных сфинктеров.

¹ Потому что во время этого явления у больных работает мимика, но они неспособны найти слова, чтобы сказать, что они чувствуют — это как если бы они были «одни и всё».

Ребенок достиг большего нейро-мышечного развития: либидо, провоцировавшее людическое сосание оральной стадии, теперь вызовет людическое сдерживание кала или мочи (которое иногда продлевается до позднего детства и обнаруживается у некоторых взрослых).

И это может быть первым открытием *мазохистического*¹ аутоэротического удовольствия, одной из нормальных составляющих сексуальности.

Уход по чистоте, следующий за выделением, осуществляется матерью. Если она довольна малышом, туалет проходит в приятной атмосфере; если он испачкал подгузники — наоборот, его отругали, и он плачет.

Но так как в любом случае по причине физиологического удовлетворения эрогенной зоны этот туалет приятный, *противоречивые переживания ассоциируются с матерью, это первое открытие ситуации амбивалентности.*

Произвести свои экскременты в подходящий момент, когда взрослый их просит, становится тогда также способом вознаграждения (здесь — со стороны ребенка по отношению к матери), знаком доброго согласия с матерью, в то время как отказ подчиниться ее желаниям эквивалентен наказанию или отсутствию согласия с ней.

Овладением дисциплиной сфинктера ребенок открывает также понятие своей власти, своей принадлежащей ему чистоты: его стул, который он дает или нет. Аутоэротической власти над своим транзитом², аффективной властью над матерью, которую он может вознаградить или нет. И это «подарок», который он сделает, будет подобен всем другим «подаркам», которые «делают» — деньгам, каким-либо предметам, — которые становятся ценными по той

¹ «Мазохистический» в первом приближении можно понять как что-то вроде «сделай мне что-нибудь», «удовольствие почувствовать пассивные приложения на теле» (общее продвижение каловой массы, ее появление в ампуле прямой кишки не являются на самом деле произвольными актами и дают вследствие этого воспринимаемые пассивно ощущения).

² Возможно, что анальное либидо является более чем связанным с отверстием, диффузным либидо «для всего внутреннего», идущим навстречу оральному либидо, аутоэротизм нарциссизирует, чувствуя себя «хозяином своего питания и своего роста» от начала до конца; возможно, это тот случай, когда об этом надо сказать.

простой причине, что их дают, даже ребенка, братика или сестренку, которых в фантазмах детей мать делает через анус, после того как съест чудесный продукт. Это открытие садистического удовольствия.

Но изгнать свои экскременты в фиксированное время, часто с усилием, не ожидать спонтанный и требовательный позыв, не поиграть с тем, чтобы задержать, составляет в поле зрения ребенка отказ. Запрет играть с этим впоследствии во имя отвращения, которое показывает взрослый (даже когда он его не испытывает), создает еще один отказ.

Но ребенок отказывается от удовольствия лишь ради другого: здесь — приглашение любимого взрослого. Идентификация, уже известный механизм на оральной стадии, — одно из его удовольствий.

Однако *способ отношения*, установленный для экскрементов, не может исчезнуть, так как стремиться имитировать взрослого в его жестах и словах — это еще не значит участвовать в его способе думать и чувствовать. Так, ребенку нужны будут субституты, на которые он может переместить свои аффекты: это будут разнородные предметы, которые в этом возрасте он постоянно таскает за собой и к которым никто не может прикоснуться, не вызвав его гнева, «его капризы»; только он имеет на них права жизни или смерти, т. е. сжимать их в руках или их уничтожить, бросить; одним словом, дать им существование или нет, как своим экскрементам.

Итак, вместо того, чтобы играть со своими экскрементами, он погружается в изготовление пирожков из песка и будет возиться в мусоре, воде, грязи; и *по причине этого перемещения*, бессознательного, более или менее строгая установка родителей в вопросе чистоплотности, не только сфинктеров, но *вообще*, будет благоприятствовать или помешает развитию ребенка и его адаптации к социальной жизни с непринужденностью тела и ловкостью рук.

Если, впрочем, из-за игры или случайного запора ребенок задерживает экскременты, часто *следует* анальная агрессия взрослого,

¹ Аналогично «садистический» может быть понят в общем как что-то вроде «я тебе делаю что-то моим телом», «я хочу иметь право жизни и смерти над предметами, над живущим, тобой — как я этого хотел над моими экскрементами».

свечка или даже клизма. Для ребенка это экономия усилия и эротическое удовлетворение *пассивного соблазнения*; но операция может быть болезненной, взрослый может рассердиться. Аффективная амбивалентность прорисовывается снова и связывается по ассоциации с нарождающимся мазохизмом.

Более того, что касается поведения: ребенок подходит теперь к очень удовлетворительному нейро-мышечному развитию, что создает у него потребность свободно распоряжаться группами своих мышц агонистов и антагонистов и дает ему отныне возможность имитировать взрослого не только в речах, но и во всех его жестах. Он активный, шумный, грубый, агрессивный с предметами, которые уже не только в пределах досягаемости, но которые он берет, рвет, бьет, бросает на пол, как если бы он в это умышленно вкладывал удовольствие, усиленное к тому же, как только он замечает, что это вызывает недовольство взрослого. Идентификация удалась, потому что он любит взрослого, ему нравится сердить и бить. Амбивалентность, появившаяся к концу оральной стадии, закрепляется.

Но ребенок пользуется своей мышечной агрессией по одному правилу — своему «капризу». Приучить его и в этом к социальной дисциплине — это роль воспитания.

На практике, когда ребенок не слушается, его ругают (в его глазах: лишают любви), его бьют, и, каким бы агрессивным ни был ребенок, какими бы сильными ни были его бунтарские действия, он всегда самый слабый и должен уступить.

Но аналогично тому, как благоприятное воспитание позволит ребенку *символические субституты* его фекальных материй, аналогично для его мышечного воспитания ему должны предоставить *каждый день время*, когда без родительского принуждения он сможет *играть так грубо и столь шумно*, как ему захочется. Это защитное условие для его дальнейшей жизни и его либидо в будущем; иначе ребенок почувствует себя раздавленным под садистической властью взрослого (не потому, что тот с необходимостью садист, но потому, что ребенок проецирует на него свой неудовлетворенный садизм), и дальнейшая его деятельность останется во всех областях в солидарности с потребностью в наказании, что вызовет поиск случаев, когда пассивно он оказывается битым и подчиненным.

К *анальной стадии* относится формирование *характеров сознательных, сдержанных, аккуратных, работающих, серьезных и исследовательских* у тех, кто нашел удовольствие следовать новым предъявляемым к ним требованиям; у других обнаружатся характеры упрямцев, ворчунов, упертых — тех, кто любит поскандалить из-за своего беспорядка, мусора, недисциплинированности, или еще тех, кого тщательный порядок, близкий к наваждению, делает невыносимыми для окружения.

Интерес к фекалиям может быть сублимирован у художников, скульпторов, любителей украшений, коллекционеров любого толка и всех тех, кого банк и операции с деньгами вообще интересуют.

Исходную точку для собственных характеров, мелочных, скупости у взрослого следует искать в доминирующих составляющих *анальной фазы* (деньги представляют экскременты для *бессознательного* на *анальной стадии*). Наконец, *садистические и мазохистические составляющие* этого периода объясняют *перверсии* у взрослого, так же как и эксклюзивный интерес либидо к *анальному отверстию* в сексуальном акте в ущерб вагине, анатомическое существование которой еще неизвестно в возрасте *детской фиксации*, оставшейся живучей у *первертов*.

Предмет любви, который ищут индивиды этого характерологического типа, не является специфически гетеросексуальным или гомосексуальным. Генитальная характеристика предмета его желаний параллельна или второстепенна, можно было бы сказать. Важно, чтобы при контакте с ним он обрел тип эмоциональных отношений, испытанных по отношению к доминирующему и одновременно ценному выше, чем надо, взрослому из того *предгенитального детства*, где магическая значимость могущества воспитателя или воспитательницы навязывалась ему, телесно подчиненному, даже в случае, когда его вербально высказанная воля, казалось, ставила его в оппозицию к господину, бесспорному в фактах и действиях, которые он навязывал.

Покорять или быть покоренным — таков предел отношению, оцененному как любовь. Это этика обладания, которая находит свой конец и свое оправдание в самой себе. Это, стало быть, латентная и бессознательная гомосексуальность, которая подразумевает выбор объекта, будет ли речь идти или нет об особе другого пола. Иско-

мая дополняемость не подчинена творческой эффективности обоих партнеров, но усилению чувства могущества — столь же у одного в активности, как у другого в пассивности, — их поведенческих социальных действиях и часто очень вплетенных во взаимозависимость, также нарциссическую.

Важно, чтобы объект был очень слабым или очень сильным. Субъект, находящий удовольствие в роли обратной и зависимой. Объект, часто удвоенный мужем или ребенком, вызывающим озабоченность, если это женщина, или страдающий от болезни, увечности или под бременем тяжелой судьбы, которая его опутывает. Если ситуация на троих исчезает и объект оказывается, наконец, свободным, он теряет свою ценность сексуального объекта. Когда этот *анальный характер* преобладает у женщины, она бывает хорошей и верной служащей требовательного хозяина, быть избранной жертвой которого для нее становится ценным с точки зрения ее нарциссизма. Речь может идти о мужчине, как и о паре муж — теща, или о ком-то, кто ее эксплуатирует, давая ей оправдание за уклонение от женской активности, ощущаемой как вознаграждение, в плане генитального осуществления.

Такие характеры численно доминируют в современном обществе на всех уровнях шкалы нашей культуры — называемой христианской — в капиталистической системе. Над гомосексуальным *анальным* *Сверх-Я* доминирует страх неприятия, который аннигилирует, или успеха, который осуществляет превращение в вещь, независимо от явленной творческой ценности человеческой чувствительности и оригинальности, от жизненной и поэтической силы влияния индивида. Крайние типы у женщин, что касается сексуального поведения, — это проститутка и мужеподобная женщина с точки зрения сентиментальной и личной жизни: женщина-ребенок, часто инверт, замаскированная под вамп, в качестве мужеподобной женщины или супруги и матери, безупречной в домашних добродетелях и в одеждах жертвенности. Фригидность у женщины и импотентность у мужчины происходят от *сверхинвестирования* действовать, делать, заставлять делать то, что аутентично ощущено и выражено.

Крайние типы у мужчины, что касается сексуального поведения, представлены сутенером и педерастом. В социальном поведении — всеми ролями ведущего и избранной жертвы или же в

сублимированном виде в ролях хирурга, врача, воспитателя. Легко понять, что невроз заимствует у этой фиксации главное из обычной симптоматологии истерии, невроза навязчивости и органическую патологию хронических заболеваний при слабом здоровье и вереницы их закланательных пантомимических трогательных опосредования, ипохондрических и психосоматических, на службе нарциссизма перверсивного анального типа. Вся фармацевтическая терапия без рецепта врача оправдывает социальный характер этого как коммерчески выгодный. Магическая сила, ожидаемая от чудо-лекарств, купленных втихомолку, — это необходимая помощь, чтобы вынести жизнь в случае, когда особый тип объекта либидо отсутствует или не может быть найден и зависимость по отношению к этим средствам лечения, по меньшей мере, столь же велика и необходима, как и зависимость от человека.

Мысль на анальной стадии

В этом возрасте, который является возрастом амбивалентной инициации, происходит сенсбилизация (по причине как раз этого открытия амбивалентности) к восприятию антагонистических пар.

По дуалистской схеме, происходящей от анального инвестирования («пассивный — активный»), ребенок будет устанавливать с тем, что его окружает, серию *квалифицированных* знаний в соответствии со связью этого объекта с самим ребенком после того, как он его идентифицирует с чем-то, что он знает.

Всякая женщина — это мама; добрая — злая. Всякая женщина в возрасте — бабушка, добрая — злая, большая — маленькая. Вот как идет его сравнительное исследование.

Объекты, которые противятся его воле, являются «злыми», он их бьет; и он ссорится с ними и со всем тем, что на них походит или с ними ассоциировано. Но когда его желания приходят в противоречие с желаниями взрослого, он не может его бить или во всяком случае, если он «злой», его наказывают, и (воображает, что он) теряет его дружбу. Это мораль Красивого и Некрасивого.

Ребенок уступает, потому что он испытывает потребность в каждый момент во взрослом, во всемогущем «божественном» и волшебнике-взрослом, и тем, что он слушается или не слушается его, он

делает его для себя благоприятным или безразличным, если не опасным. В других случаях, подобных тем, что есть в его опыте, «быть послушным» будет состоять в выборе действия, конформного тому, что ему известно о желаниях взрослого, который может извратить этику ребенка, для которого «послушный» может означать «пассивный, неподвижный, нелюбознательный».

Мы видим, таким образом, что спонтанные агрессивные влечения и агрессивные реакции против всего того, что ему противодействует, должны быть отсрочены, перемещены; и, когда взрослый в игре, эти влечения и эти реакции будут перемещены на объекты, напоминающие взрослого; по ассоциации это источник символизма; или по представлению: кукла, животное; это источник *фетишизма* или *тотемизма детей* К

То, что они направляют свои аффекты (предназначенные взрослому) на эти объекты, дает им субъективную реальность, которую ребенок будет принимать за объективную реальность, — о ней он не имеет понятия, не имея еще смысла «связей», каузального «почему», — он, кто воспринимает объективную реальность лишь в соответствии с приятными или неприятными отзвуками, которые она оказывает на его собственное существование.

Мы обнаруживаем, следовательно, на анальной стадии мысль, характеризуемую механизмами *идентификации* и *проекции*: эти проекции всегда осуществляются в рамках дуальности, внутренне присущей садо-мазохистической *амбивалентности* объектных отношений.¹ Это время тотемных животных и время фобий, через них выражается страх перед объектом, инвестированным самим ребенком магической силой. Этот объект (обычно — животное), представляет для бессознательного ребенка взрослого, у которого он забрал свое агрессивное инвестирование либидо, чтобы его спроецировать на заместителя — страшное животное.²

¹ В «*Тотем и табу*»³ Фрейд трактовал вопрос тотемизма не в клиническом смысле, как мы это понимаем в настоящее время, но в историческом и религиозном смыслах.

² Это ключевой процесс, его аномальные стойкость или девиация делают возможным дальнейшее становление (и будущее понимание в терапии) делирантных невротических построений.

³ [Freud, S. Totem und Tabu (1912—13a) // G. W. — Bd. 9.]

ФАЛЛИЧЕСКАЯ СТАДИЯ.

С оральной фазы у грудного ребенка мы присутствуем при пробуждении фаллической эрогенной зоны: пениса — у мальчика, клитора — у девочки. Оказиональная причина тому, может быть, — естественное возбуждение при мочеиспускании вместе с повторяющимися прикосновениями при уходе. Как бы там ни было, всем матерям знакомы игры рук младенцев, к которым добавляются трение бедер друг об друга во время туалета и щебетание младенца, которого это занимает. Эти проявления продлеваются, несмотря на легкие «шлепки по руке», которые ребенок получает, если воспитательница строга. Но чаще всего эта первичная мастурбация грудного ребенка очень мало маркирована и прекращается сама по себе, затем появляется вновь лишь на третьем году.

Дело в том, что отсутствие интереса к фекалиям, навязанное ребенку по имя эстетики, принимается им, чтобы «доставить удовольствие» своим воспитателям и «купить» их любовь-защитницу; он этого добивается тем успешнее, чем больше его интерес центрируется на фаллической эрогенной зоне, физиологическое напряжение которой является видимым у мальчиков благодаря существованию эрекций, связанных в этом возрасте с мочеиспусканием или дефекацией. Диссоциируясь от экскрементной функциональности и принимая значение эмоционального в самом себе удовольствия, это напряжение требует успокоения.

Вплоть до усвоения чистоплотности мочеиспускание по своему желанию обслуживало успокоение уретрального фаллического возбуждения в зависимости от свободной игры местных напряжений либидо. Начиная с дисциплины мочевого сфинктера, которую, впрочем, взрослые требуют с менее раннего возраста, чем от анального сфинктера, и менее категорично, появляется вторичная мастурбация. Именно этому запрету большей частью обязаны стойкость или возврат к недержанию мочи во втором детстве, сопровождающие или нет сосание большого пальца.

Заметим мимоходом, что всеобщее существование *этой вторичной детской мастурбации* в течение долгого времени не признавалось взрослыми по причине вытеснения, навязанного цивилизованным Сверх-Я. Но многие родители ее замечают и сильно за

нее отчитывают. Не осмеливаясь признаться себе или не осмеливаясь вспоминать, что они поступали так же, они претендуют на то, что у них ребенок исключительно «порочный» или «нервный» — как они выражаются.

Следует признать, что когда эта мастурбация явно проявляется и стойко держится в присутствии взрослых, несмотря на их первые запреты, это доказывает, что к влечению либидо добавляется невротическая реакция: страх, провокация, поиск наказания и особенно отсутствие реальной аффективной связи с данным взрослым.

Сексуальное любопытство начинается с наступлением двухлетнего возраста, в разгар анального садистического периода. Оно имеет целью *поначалу узнать, откуда приходят дети*. Этот интерес пробуждается часто с рождением нового ребенка в семье или через идентификацию с товарищем по играм, который недоволен или вознагражден появлением брата или сестры. От вопроса взрослые обычно уходят: они говорят о капусте, магазине, но ребенок достаточно быстро обнаруживает, что у матери большой живот до рождения нового пришельца; затем — что она кормит грудью.

Назойливые «почему» детей четырех лет, которые даже не слушают более ответа взрослого, появляются лишь после их первых реакций на прямые сексуальные вопросы и понятия «запретного», которое из этого вывел ребенок.

Появляются наброски разнообразных теорий в связи со знанием анатомии этого возраста: пищеварительные концепции, рождение путем дефекации матери, с прозапасом отцовской роли, пока неясной, но вероятной, редко подтвержденной, еще менее значимой, (значит поставленной под сомнение) взрослым-воспитателем.

Приходит затем другой вопрос. Какая разница между девочкой и мальчиком? И здесь также взрослые обычно уклоняются от ответа. Ребенок пользуется тогда своими личными знаниями и, обращаясь к своему опыту мышечно-экскрементального периода, где дуализм характеризуется антагонистской парой активный — пассивный, он сам себе отвечает: «мальчик сильнее», — что в общем правда, начиная с раннего детства¹.

¹ Девочка двух с половиной лет сказала однажды: «Майчики — дуйчики!», — с восхищенным видом, скрестив руки, глядя, как дрались мальчишки.

Но очень скоро, и среди прочих обстоятельств — из необходимости мочиться на улице, дети замечают, что мальчики мочатся стоя, чего не могут делать девочки. На это смотрят как на превосходство, что для мальчика само собой разумеется, в то время как девочка воображает, что клитор отрастет.

Что касается мальчика, понадобится, чтобы его оповестили об угрозе генитальных мутляций¹, чтобы он ясно осознал то, что он до сих пор отказывался видеть: у девочки на деле этого нет. Это произойдет примерно к 5–6 годам — в возрасте когда разговоры с другими и в особенности сексуальные игры между девочками и мальчиками не оставят более у него сомнений. Но до 6 лет он все еще думает, что «у девочки есть такой поменьше», будучи не способным в этот момент понимать иначе, чем только по отношению к самому себе. Но очень привычной в случае принятия отсутствия пениса у девочек бывает вера в существование пениса у матери. У матери не может отсутствовать то, что она дала. И у девочек этого нет из-за ее немилости.

Мысль на фаллической стадии

Чем больше становится ребенок, тем меньше мать занимается им материально. Переживания либидо, имеющие ее объектом, переходят чаще, чем раньше, в фантазмы и мечтания, касающиеся ее. Они сопровождают все проявления активности ребенка и среди прочих — мастурбацию. Она для девочки касается всего лишь клитора.

Аффективная атмосфера этих мастурбационных фантазмов является тогда садо-мазохистической с преобладанием садизма у мальчика и мазохизма у девочки в случаях нормальности матери.

Еще совсем недавно ее материнские руки и ее перемещения ассоциировались с ее собственными пассивными мобилизациями: так эротизированный взгляд на мать заставляет ребенка со-действовать, участвовать в ее деятельности, разрешая соединение его автономных пассивных ощущений с фасцинацией, которую повторные и немые действия матери, погруженной в самое себя, оказывают на него.

[Мутляция — калечение, отсечение, отнятие, повреждение.]

Когда матери нет в тот момент, когда он ее желает, ребенок ее зовет, ищет. Если он ее находит, она может быть занята и может его удалить, сказав: «Я скоро, а сейчас я делаю то или это»; ребенок спрашивает: «Почему?». — «Чтобы тебе было, что поесть, отвечает мать, чтобы управиться по хозяйству, чтобы папа был доволен, иди поиграй». Ребенок повинуется и берет с собой, что может от матери; ее слова, которые он повторяет себе, часто во весь голос. Или же он остается «послушно» смотреть, что она делает.

Наблюдение за деятельностью матери и рефлексия по поводу ее слов, которые являются для него сонорными резонансами, которые он припоминает ритмически иногда громким голосом, приводят ребенка к тому, что он приобретает два понятия значительной важности.

До сих пор ребенок действовал в соответствии со своими немедленными влечениями из единственного удовольствия удовлетворить их. Он не умел отсрочить их во времени и реагировал немедленно при их неудовлетворении «капризом». Беспольность этого гневного протеста, аффективный комфорт в противоположность «послушанию», ожидание «я скоро», обещанное любимым взрослым, научают ребенка понятию «времени». Раньше все происходило в настоящем времени. Сейчас есть «скоро» и «завтра», когда «скоро» наступит после ночи. В течение, впрочем, достаточно долгого времени ребенок не будет отличать «завтра» от «недели», или от «в будущем году», или от «скоро». И еще позже он усвоит понятие прошедшего времени, что будет выражаться словами «однажды» и «вчера», приложимыми как к недавнему прошлому, так и ко временам самым давним, вне пределов настоящего, и которые вследствие этого путаются с фантазмами.

Второе понятие: когда ребенок наблюдает за действиями матери с вниманием, которое он уделяет всему, что делает любимое существо, в ожидании, что мать сможет, наконец, заняться им, время терпения для умного наблюдения зависит от ритмов, свойственных каждому ребенку, но также от аффективное™ присутствия, веселости, слов, которые мать ему уделяет, занимаясь своими делами. Ребенок может испытывать себя в горе покинутости, находясь рядом с матерью, и быть совершенно оживленным от радости общении с ней, в то время как она занята в соседней комнате. Ребенок учится об-

ращать внимание на многочисленные мотивы движений и действий взрослого. Он замечает, что один и тот же предмет имеет несколько использований, и он развивает, таким образом, в себе потребность обобщения, базирующегося на поиске многочисленных мотиваций, связанных с одним и тем же предметом.

«Чему это служит» становится лейтмотивом по отношению ко всему, что его интересует. Он отделяется, таким образом, впервые от исключительного интереса к вещам по отношению к самому себе. Например: огонь и все, что было теплым, «жгло», — все это было «злым», его нужно избегать. Теперь «огонь, чтобы обогреть», а обогреть — это «приятно, когда тебе холодно», это «необходимо, чтобы есть» и т. п. И мама — для того, «чтобы заниматься им, чтобы готовить, чтобы заниматься хозяйством» и т. д. В более широком смысле он спрашивает себя по поводу всех интересующих предметов: «Зачем они?» Придет день, когда он задаст себе этот вопрос по поводу своего пениса, он ответит себе — «чтобы писать», но заметив, что девочки обходятся без него, будет искать тщетно другую мотивацию и, не найдя, припишет еще большее магическое превосходство, которое это ему дает.

И в этот момент может войти в игру *первичный страх кастрации*, о котором мы будем говорить в следующей главе.

Благодаря знанию мотивации через использование, ребенок обладает теперь ключом ко многим проблемам. Пример: он был слишком маленьким, чтобы достичь того, чего хотел, и говорил «не могу» и звал на помощь взрослого; теперь он пойдет за табуретом, чтобы себя сделать больше. Так появляется *желание* делать, «как большие», как те, у кого больше, чем у него.

Желание порождает *честолюбие*, желание восполнить свою неполноценность обходным путем через практическое использование своих знаний. Это, без всякого сомнения, исходная аффективная база для всё большего интереса, с которым индивид будет учиться, узнавать, и оценивание им «Знания».

Мы еще не говорили о другом открытии, открытии смерти. Оно совершенно естественно располагается в том же периоде, ибо нужно, чтобы ребенок к этому имел интерес, чтобы он к этому был сенсibilизирован. Этого не будет с ним, пока он не стремится

к равенству силы, движения и знания взрослых. Нужно, чтобы его мифически сталкивались с реальностью.

И наблюдая за животными, он открывает смерть. Он находит бабочку* птичку, ящерицу, муху *неподвижными* и спрашивает: «И почему?», ему отвечают: «Потому что мертвые». Разве все то, что живет, может умереть? Почему умирают животные? Потому что они очень старые, но также потому, что на них напали другие,поиграли битву и убили их. Убить — это сделать *неподвижным*. Вот то только, что понимает ребенок на анальной стадии | |.....i начале фаллической стадии. Вот почему ребенок играет в «убить» из честолюбия и садистического всемогущества, не более того. Привести то, что живое, в состояние неживой вещи — таков мифический причинитель смерти.

Именно по этой причине полная или частичная неподвижность на VI, навязанная ребенку, воспринимается им как садистическая, а | | пи- более молчание, навязанное ему взрослым, — как сверхчувствительное к шуму. Болтать — это знак физиологически здоровой ментальной деятельности для любого ребенка до 7 лет. Его умственная концентрация над школьным заданием или игрой без шума, с | | мму-гствующими телесными движениями и произносимыми вслух • лонами есть знак болезненной девитализации. Тренировка на поддержание от видов деятельности, параллельных ментальной концентрации, может быть только постепенной и перемежаться моментами разрядки в шуме и двигательное™. Такая тренировка, впрочем, приносит больше вреда, чем пользы: она, увы, слишком часто является синонимом послушного ребенка, приносящего всевозможные удовлетворения взрослому, одержимым или истеричным, которым • ИТальность ребенка мешает в их мыслях или фантазмах.

Молчание и неподвижность послушного ребенка редко являются для них чем-то другим, нежели динамической ампутацией, | | пдепием к состоянию фекального объекта, смертью навязанной и испытанной. Прежде чем погрузиться в умственную отсталость, П л («д этой принятой смерти, он развивает садистические фантазмы, которые могут идти вплоть до фобической галлюцинации, источник персперсных эротических наслаждений на всех стадиях его либидо, плокированного в манифестациях своего выражения. Ритмичные

мастурбационные компульсии, тики, заикание, бессонница, энкопрез, энурез — последние прибежища либидо у этого социального мертвеца, в муках перверсного воспитания.

Что касается реального смысла смерти, ему надо увидеть, как умирает животное или любимое существо, чтобы понять смысл невозвратного отсутствия, окончательной потери объекта. То, что взрослый не может — и он тоже — помешать смерти или воскресить что-то умершее, как он может починить столько вещей, погружает ребенка в тайну рождения. Отметим — мы об этом поговорим дальше — *важность этого хронологического совпадения появления страха кастрации и открытия смерти.*

Девочка или мальчик, ребенок, которого мать бросает, по крайней мере, в глазах маленького влюбленного деспота, замечает, что он не является единственным интересом матери и единственной целью ее действий. *У него есть соперник* в лице его отца, когда у него нет дополнительных *соперников*, братьев и сестер.

В течение долгого времени отец составляет часть окружения матери, и достаточно, чтобы он умел ругать и вознаграждать по делу, чтобы он был инвестирован большой привязанностью. Более того, когда есть трудность, мама говорит: «Мы спросим у папы». Это он носит тяжелые вещи и достаточно часто храпит во сне. Для ребенка это сильное существо; но постепенно он становится соперником, с кем мать охотно остается, не обращая внимания на рекламации ребенка, которому она меньше подчиняется, чем в раннем детстве. Он наталкивается на: «Иди играй, оставь нас».

По отношению к братьям и сестрам это соперничество будет тем же самым и в той мере, в какой он им припишет, ошибочно или по праву, ответственность за меньшую привязанность матери, он испытает по отношению к ним конфликтные чувства. Это причина, по которой мы не будем обсуждать специально семейные конфликты, механизмы которых практически и изначально совпадают с родительскими конфликтами.

Можно сказать, что в подавляющем большинстве случаев, если родители психически здоровы, девочка более послушна, менее агрессивна, менее шумна, чем мальчик.

С анальной стадии из игрушек ее интерес направлен более охотно на кукол, в то время как интерес мальчика направлен на лошадей, ав-

11 i Mi i l шли. Она любит играть с водой, стирая тряпки, купая кукол, в то же время как мальчик бросает туда камни, играет в рыбалку или лодки.

На фаллической стадии она играет «в гости» с куклой, укладывает ее спать, лечит, укачивает, одевает и т. п., в то время как мальчик, если он любит куклу (это не так редко), не умеет «играть с куклой». Она интересуется уже своим туалетом, платьями, она наряжается, она утаскивает пудру у матери и любит прогуливаться с мочкой в руке. Короче, она идентифицирует себя как можно больше с матерью, подражая ее действиям, жестам и словам. Речь идет о поведении, присущем полу, в соответствии с собственно гением ее пола, еще в интуитивном состоянии в генитальном плане.

В это время мальчик предается всем агрессивным играм: он играет с деспотом, вооруженного палкой, которую он называет ружьем или револьвером, он любит пугать и командовать. Когда может, он поднимает шляпу отца, берет его трость; короче, он идентифицирует себя, как только может, с ним и с мужчинами, которых он мог наблюдать, — социальное, относящееся к полу, поведение мужского пола начинает давать о себе знать.

Все видели, как дети играют в папу и маму и как распределяют роли, уже такими, как они будут в жизни. Мальчик, естественно, берет роль отца, а девочка — матери. (Обратное — симптом неврозической реакции.)

К четырем годам, самое позднее — к четырем с половиной, мальчик вступает в открытую эмоциональную борьбу с отцом; он играет в то, чтобы его убить, пытается завладеть всей нежностью матери, говорит ей, что женится на ней, что увезет далеко в свой дом на гамолете, что у них будут дети. Он входит в эдипов период.

Девочка проживает аналогичный период. Может быть, отношение отца, который обычно любит больше девочку, чем мальчика, связано с тем, чтобы она раньше пробудилась? Всегда бывает, что к трем с половиной — четырем годам, немного раньше, чем мальчик, девочка ведет себя по отношению к отцу как маленькая влюбленная, кокетка, соблазнительница, любящая, и центрирует весь интерес своего либидо на отце. Она ревнует в нему, у нее нет большей радости, чем пойти одной с ним, завладеть всем его вниманием, его любовью. Она поверяет ему свои чудесные планы, он станет ее мужем, он увезет ее в красивый дом, и у них будет много детей.

Увы, грустная реальность такова: отец и мать любят друг друга и, обращаясь с нежностью со своим ребенком, устраниают его много раз, отсылают играть, и ребенок чувствует себя не в силах вытеснить своего соперника.

Что делают эти двое взрослых вместе? Другой вопрос, который ребенок пытается решить; он их выслеживает, слушает, как они говорят, и не понимает их речей. Но взрослые его изгоняют и иногда замолкают, когда он приходит. И эта тайна интимности родителей соединяется с другой, оставшейся без ответа: *роль отца в зачатии детей*.

Если ребенок присутствует при сексуальных отношениях родителей либо потому, что спит в их комнате, что, к сожалению, бывает слишком часто¹, либо, если он их застал врасплох, он интерпретирует это как садистический акт, баталию, где папа самый сильный, и роль матери его приводит в волнение. Его неприкосновенная и лелеемая богиня побеждена, может быть, убита. Кровь менструаций, когда он ее видит, подтвердит его гипотезу. В этом есть что-то, что выше его понимания и погружает его в смятение; но он не устанавливает связи между этой баталией и тайной рождения из-за его неспособности знать о существовании спермы и вагины, если не придут к нему на помощь².

Что будет с этой эдиповой ситуацией, возникающей в 4 года и достигающей своего максимального развития к 6 годам?

¹ Ребенку следует всегда спать в другой комнате, не в комнате родителей при закрытой двери. И это с возраста в 6 месяцев, самое позднее. Так можно избежать самой значительной причины «нервозности» у ребенка.

² Так же как в любом психоанализе взрослого встречаются со сновидениями вокруг «первосцены» (коитус родителей), аналогично у детей, присутствовали они или нет при коитусе взрослых, встречаются, когда наступает фаллическая стадия и начало эдиповой ситуации у мальчика, с фантазмами садистического обладания с символизмом жестокого проникновения (см. рисунок № 5, С. 167)... У девочки обладание не менее эффективно в ее фантазмах, но если у девочки нет невроза и она достигла эдиповой аффективной ситуации, символизм ее сновидений и фантазмов представляет обладание без страдания для существа обладания, которое могло бы защищаться, если бы хотело, но не хочет этого, и согласие, чтобы ее агрессивность не разрушила того, кто является фаллическим обладателем (см. набл. Клодин, С. 234, и «немой» фантазм Тот при рассказе своего брата, С. 225).

Чтобы примениться к природе, ребенок должен будет не только отказаться от соперничества, иногда полного ненависти, с родителем того же пола, но идентифицироваться с ним. Он должен развить качества, которые сделают из мальчика мужчину, а из девочки — женщину. Помимо комплекса кастрации, бессознательные энергетические модальности которого мы далее будем изучать в действии в этой структурирующей работе, уменьшение толчка либидо, внутренне присущее фазе латентности, поспособствует в помощи ему на этом трудном переходе.

Это отступление влечений либидо, определенное после 9 лет, успокаивает конфликты, даже если они не полностью разрешены, и примерно до 12 лет вытеснение, которое всегда имеет место, вытесняет в бессознательное всякое любопытство и все сексуальные желания, которые были столь сильными во втором детстве.

ФАЗА ЛАТЕНТНОСТИ

Фаза латентности, в норме безмолвная или почти, с точки зрения сексуальных манифестаций и любопытства, используется для *приобретения* знаний, необходимых для борьбы за жизнь во всех планах.

Способности к сублимации постепенно входят в действие.

Вытеснение эротического сексуального интереса позволяет освобожденной личности употребить всю свою сознательную и предсознательную активность на завоевание внешнего мира: как раковине резонанса, открытой всем звукам, как парусу, открытому всем ветрам, как всегда чувствительной пластике — если нам будут позволены эти образы. Это культурный аспект фазы латентности, фазы не только пассивной, но и активной, поскольку в это время осуществляются синтез полученных таким образом элементов и их интеграция в совокупности личности, необратимо отмеченной печатью принадлежности мужской или женской группе человечества.

Если при вхождении в фазу латентности ребенок находится на стадии эдипова комплекса, хорошо прорисованного, хорошо отмеченного, он никак не останется в бессознательном этих антагонистических пар, связанных с архаичными инвестициями. Либидо,

не обездвиженное в бессознательном (как у ребенка-невротика, чтобы держать на почтительном расстоянии вытесненные аффекты), будет полностью на службе объективного Сверх-Я. Бессознательное также будет участвовать в освоении культуры, в завоевании внешнего мира. Эдипов комплекс будет постепенно и полностью диссоциирован, а табу на инцест ясным образом интегрировано в жизни воображения.

И когда наступят у ребенка аффективные и эротические переживания, анонсирующие пубертат, и третичная мастурбация, то вместо того, чтобы реагировать, как будто он виноват, он расцветет больше и сумеет без застенчивости и стеснения приобрести свободу шаг за шагом, изо дня в день, без реакций самонаказания.

Важность и ценность *сублимаций* фазы латентности велики. Не только потому, что именно в это время закладываются социальные характеристики индивида, но и потому, что способ, каким ребенок использует невротически или нормально этот период, делает так, что он фиксирует или нет, преувеличивает или стирает архаичные составляющие сексуальности и ее перверсные составляющие.

При пробуждении пубертата плохие социальные приобретения (в школе, если это интеллектуальная среда; спортивные, если это рабочая среда; общие практики умелости, какой бы ни была среда) затруднят быстрый рост, потому что ребенок не сможет на законном основании иметь доверие к себе. И скажут по праву об этом ребенке, *который не расцветает*, что у него «неблагодарный возраст».

Причина тому может быть в реальном дефиците природных склонностей ребенка, что редко. На самом деле, в этом случае он, наверное, пытался сам — если он здоров — преодолеть свою неполноценность по какому-то пункту компенсаторным развитием других склонностей. Вина тому может быть также по причинам, внешним по отношению к ребенку (постоянная смена школы, которую бессознательно кастрирующие матери навязывают своим детям, болезни, несчастные случаи, семейные катастрофы, смерти, перемены в достатке), они нарушают аффективную атмосферу ребенка.

ГЕНИТАЛЬНАЯ СТАДИЯ

В зависимости, следовательно, от того, была ли предшествующая фаза латентности эволюция здоровой или нет, или от того, что чувства неполноценности помешали на заре пубертата разрешению остаточного конфликтного узла или заставили регрессировать либидо субъекта к стадиям, предшествующим фаллической стадии, мы будем присутствовать при появлении нормальной или перверсной сексуальности, или при более или менее выраженном неврозе.

Мастурбация (третичная) сопровождается теперь фантазмами, направленными к объектам, выбранным вне семьи, часто окруженным нимбом исключительной ценности, которая делает их из-за осмотрительности еще недоступными и вызывает культурный рост в работе.

Пубертат принесет с появлением эякуляции у мальчика и менструального кровотечения и развития молочных желез у девочки элементы, которых не хватало для понимания взаимной роли мужчины и женщины в зачатии.

Им еще остается научиться центрировать свою нежность и сексуальные переживания на одном и том же существе, как во время их забытого детства, чтобы остановить свой выбор после демистификации последовательных выборов и зафиксировать его для витальной безопасности детей, которые впоследствии могут родиться от удавшейся, согласованной, межчеловеческой, телесной, эмоциональной и генитальной встречи.

И если ребенка, объекта генитальной инвестиции этого финального периода развития, не будет, его аффективным субститутотом будет их общее социальное дело, ибо плодовитость есть характеристика свершения на этой стадии¹.

¹ Мы не рассматриваем в рамках данного исследования случай безбрачия по призыванию, общего для стольких религиозных уставов, и который в своих человечески успешных модальностях может выражаться на психоаналитическом языке как успех субъекта в символизации своей личности и плодовитости своего либидо.

Интеллект

Хотя часто существуют тесные отношения и явная связь между аффективным развитием и ментальным уровнем, опыт нас учит, что это не всегда так. А *fortiori* числовое выражение «ментального уровня» не позволяет никоим образом сделать вывод, что мы имеем, таким образом, средство воспринять и дать оценку «интеллекту».

Нам кажется, что предрасположенности к возможности интеллектуальных сублимаций (то, в чем, собственно, состоит учеба в школе и интеллектуальная работа в целом) зависят от преформированных, конститутивных элементов, если не принимать во внимание любые аффективные тормозящие реакции. Но эти возможности интеллектуальных сублимаций, чтобы быть использованными, должны содержать максимум телесной и эмоциональной адаптации, позволяющей и соблюдающей расцвет субъекта, относительно автономного индивида, место интеграции законов сплоченности его собственного либидо и законов, обеспечивающих сплоченность общества.

Когда невроз сопровождается ментальным уровнем ниже нормального, этот факт может быть обусловлен либо настоящей умственной дебильностью, либо резким торможением доступа к оральному, анальному, уретральному, фаллическому либидо в момент, когда гедонизм этих зон был элективной целью деятельности.

Интеллектуальный интерес просыпается, действительно, на этих последовательных стадиях посредством аффективного присоединения к субститутам сексуального объекта по мере фрустраций (оральных, анальных, уретральных), навязанных воспитателем и внешним миром. *Интеллектуальный интерес*, вытекающий из влечения либидо, требует, чтобы субъект терпел это влечение, *по меньшей мере* в течение времени, необходимого для формирования заместительных интересов до *тех пор*, пока эти интересы не будут давать *сами по себе* аффективные удовлетворения, помимо уважения взрослых. И только тогда соотносимый сексуальный интерес сможет утихнуть сам собой через безопасное вытеснение; возможность сублимации достигнута.

Гипертрофия «интеллекта» *по отношению к* остальной психофизиологической деятельности субъекта заслуживает, как

нам кажется, имени «невротического симптома», т. е. реакции на страх, на страдание. Интеллект, дебильный, нормальный или вышший, может существовать как у невротика, так и у аффективно здорового субъекта, но при изначально равных возможностях для сублимаций здоровый субъект располагает по сравнению с невротиком интеллектуальными способностями, лучше адаптированными к реальности и более плодотворными. Его интересы более многочисленны и при этом не разнородны, они имеют целью как свое собственное удовлетворение и свое личное обогащение, так и результаты, объективно эффективные для своей социальной среды.

У таких субъектов фаллический период, фаза латентности, равно как и начало генитальной стадии в пубертате, отмечены аффективным интересом, спонтанным и последовательным включением во все виды деятельности, о которых они могут (в своей среде) иметь понятие.

С наступлением зрелости генитальной сексуальности индивид жертвует тогда по зрелому размышлению (и не будет вытеснять) теми из своих интересов, которые будут четко несовместимы с линией жизни, которую он выберет. Впрочем, это без всякой остаточной горечи по отношению к объектам, от которых он откажется и которые, он увидит без тревоги, будут избраны другими.

То, что мы только что сказали о расцвете интеллекта, является, впрочем, лишь частным приложением счастливого завершения генитально'го развития либидо, характеризуемого «Призванием», ангажированностью, обдуманном выбором, который, когда он осуществляется целостно вплоть до бессознательного, сопровождается психофизиологическим расцветом и фиксацией либидо на способе, именуемом облативным¹ по отношению к объекту любви, творчеству, ребенку.

¹ [Облативный (от лат. *oblattivus* — добровольно приносимый.) — способный поставить интересы и потребности другого выше своих собственных. Вводимый Дольто термин отражает самоотверженность и преданность субъекта, достигшего генитальной стадии развития, в отношении объектов любви.]

Мы видели, как в начале эдиповой ситуации мысль участвует еще анальным образом, захватывающим торжествующим или отбрасывающим торжествующим, окрашенным честолюбием. И лишь с разрешением эдипова комплекса мысль может стать на службу сексуальности, называемой облативной, т. е. выходящей за пределы поиска нарциссических удовлетворений, но не ставящей их под сомнение.

На генитальной стадии для мысли характерны здравый смысл, осторожность, объективность наблюдения. Это рациональная мысль.

Объективностью, к которой *будет тяготеть* индивид, он будет оценивать любую вещь, любой аффект, любое существо и самого себя по достоинству, т. е. по внутренне присущей ценности, не теряя из виду относительную ценность по отношению к другим существам. Субъект приблизится максимально к этой полной объективности лишь тогда, когда он, с одной стороны, разрешил у себя невротические конфликты и когда, с другой стороны, не сохранил в своем бессознательном ядра архаической фиксации.

Полная сознательная объективная мысль, удел завершенной генитальной стадии, кажется, тем не менее, несовместимой с интроспекцией столь же, но по другим причинам, как нарциссическая мысль оральной стадии, предсознательная и неспособная сама по себе на объективацию. Облативная генитальная стадия характеризуется фиксацией либидо на гетеросексуальном объекте, для жизни вдвоем, плодотворной и для защиты ребенка (или его субститута).

Эта генитальная сексуальная фиксация может дойти у взрослого до полного отказа, искреннего, т. е. из бессознательного, от инстинктов его самосохранения, чтобы обеспечить защиту, сохранение и свободный расцвет физической, психической (аффективной и интеллектуальной) жизни ребенка, плода. Это облативная фиксация на объекте, внешнем к самому субъекту, выживание и успех которого ему более важны, чем его собственные¹.

¹ Облативный не следует понимать как идеальное добродетельное, но как способ имитировать другого, любимого, произведение, ребенка любовью инстинктивной,

При способе думать, тотально и постоянно на службе генитального либидо, нельзя более пытаться «себя» постичь.

Чтобы такая мысль была сформулирована, нужен минимум интереса к самому себе (аутоэротический), переплетенного с объектным облативным интересом; значит, это не мотивация генитальной стадии. Попытки размышлений вокруг этой идеи достигают невыразимого: они выходят за пределы области рациональной человеческой мысли. Интроспекция относится, стало быть, всегда даже на генитальной стадии к образу мысли по анальному образу, и она никогда не бывает рациональной и объективной.

Тотально облативный образ мыслить не поддается контролю субъекта и, возможно, это то, что сопровождает полное психофизиологическое потрясение генитального оргазма в половом акте с «любимым» сексуальным партнером у взрослого, достигшего в двойном плане сознательном и бессознательном, облативной генитальной стадии. Но суть сексуального оргазма — как раз выразить то, что нельзя выразить, и принести с собой переживания, о которых нельзя думать, контролировать и сообщить.

Облативный генитальный образ мысли может еще регрессировать после того, как он был достигнут, и неудачи или ошибки в выборе другого избранника или испытания, выпавшие ребенку или творчески замысленному делу, могут привести посредством страха кастрации, всегда ассоциированного с эдипова возраста с этической нарциссической ценностью индивида, к невротической регрессии. Образы мысли и действия предыдущих стадий могут вновь проявиться. Это случаи травматических неврозов, симптомы которых выражают объектную покинутость, приводящую к потере вкуса к жизни, рецидив эдиповой критической эмоциональной ситуации, перенесенной на объекты, воспринимаемые как равнозначные.

Но вплоть до старости влечения либидо, структурированные Эдипом, встречаются с творческой упорядоченностью¹ во вновь переживаемой конфликтной борьбе в связи с Эдипом. По той же

опекающей, равной и часто превышающей по интенсивности либидо инстинкт самосохранения. Это взрослое перемещение нарциссизма на потомство.

¹ [Ordonation — неологизм Дольто, словообразовательно связанный с *ordonner* (наводить порядок), *ordre* (порядок). Суффикс *-ation* обозначает имя действия.]

самой экзистенциальной модели, что и в этом вызывающем разрешение человеческом кризисе, влечения либидо и влечения к смерти сталкиваются посредством следов, оставшихся структурирующими для комплекса кастрации. Так же, как сон и его сновидения удовлетворенного желания поддерживают через ритм, необходимый для отдыха, сознательную витальность трети человеческой жизни, точно так же в случае главного испытания генитальной жизни, пережитого в реальности, регрессия в болезнь служит нарциссической компенсацией. Генитальное либидо, затронутое неуспехом в своих творческих реализациях, находит в этом кастрирующий субститут отцовского типа и боль, которая направляет к динамическому подъему его персоны, вновь подтвержденной в своей судьбе без остаточной горечи, как во время эдипова комплекса.

Творческая радость подписывает обретение генитального либидо, вновь творческого.

2 Роль сексуальности в развитии личности

Мы попытались бросить общий взгляд на параллельное появление всех видов активности у ребенка, так же как на его манеру воспринимать реальность. *Поиск сенсуального эротического удовольствия не является, следовательно, единственным занятием ребенка, даже в глазах психоаналитика, как некоторые думают.*

Но в каждом возрасте от рождения до смерти не бывает мысли, чувства или действия индивида, которое бы не содержало в себе гедонического поиска, т. е. влечения либидо. Не бывает здоровой жизни без здоровой сексуальной жизни, и, наоборот, не бывает здоровой сексуальной жизни у больного индивида или невротика.

Сексуальное здоровье не измеряется физиологической сексуальной активностью индивида, она — лишь один из аспектов сексуальной жизни. Другой — это его аффективное поведение по отношению к объекту любви-привязанности, что выражается в его отсутствие фантазмами, где он возникает.

Только изучение этих фантазмов и их символизма позволяет узнать аффективный возраст субъекта и способ сексуальности, который председательствует в его деятельности. Нет деятельности, которая бы не была *поддержана чувствами* в связи с сознательной или бессознательной целью этой деятельности.

И цель любого воспитания (профилактики нарушений поведения), как всякой психотерапии (лечения нарушений поведения) — это использование либидо индивида таким образом, чтобы он *чувствовал себя счастливым* и чтобы это субъективное благополучие согласовывалось с благополучием других и даже ему способствовало вместо того, чтобы ставить ему препоны.

Мы попытаемся показать клиническую точность того, что мы только что сказали, и извлечь из этого выводы для практического воспитания из этой клинической констатации: *вдыхает жизнь во все виды деятельности индивида энергия либидо, исходящая из его сексуальных целей.*

Склонность тереться какой-либо частью своего тела, чтобы получить удовольствие, существует у ребенка с первых месяцев жизни. В пассивной оральной стадии сосание без заглатывания есть проявление никакой другой цели, кроме гедонизма; на активной оральной стадии кусаться или покусывать есть само по себе удовольствие.

В начале анальной стадии начинается удовольствие щипать, бить, раздавливать, «толкать», т. е. делать усилие. Это потому, что ребенок способен физически делать мышечное усилие, т. е. он умеет «толкать» и «задерживать»; можно, дав ему услышать междометие, которое сопровождает это усилие, и посадив его в то же время на горшок, научить его дисциплинировать это до сих пор игровое усилие и поставить его на службу тому, что будет первым завоеванием социальной жизни и в то же время его первым способом доставить удовольствие любимому взрослому.

К сожалению, анальная садистическая стадия психоаффективной организации имеет очень действенный характер, и напряжение либидо ребенка *не может иногда переместиться полностью* на этой стадии на производные, которые указывает или позволяет взрослый. Вот почему возраст анальной стадии есть в то же время

тот, когда ребенок срывает ногти, засовывает пальцы в нос, чешет кожу — даже здоровую; может дойти до того, чтобы себе устроить маленькие раны, которые, естественно, так и просятся, чтобы инфицироваться (см. наблюдение за Г., С. 176). Обе эти привычки могут продлиться и после анальной стадии, учитывая меньшее число зацепок, которые она дает для репрессии взрослого. И это будет доказательством, что поляризация всего либидо субъекта по направлению к новым завоеваниям не произошла или не завершилась.

Так объясняются эти жесты, внешне абсурдные сами по себе и лишённые удовольствия, интегрированные в мимику, характерную для каждого из нас (на обычном языке их называют «маниями»). Они появляются неведомо для нас по случаю размышлений, озабоченностей, усилий или внимания. Они имеют качественно то же бессознательное значение, что навязчивые симптомы, ибо они имеют то же происхождение и отличаются от них только количественно. С аффективной точки зрения они служат опорой чувствам той же значимости, что и чувства в детстве, и фантазмам, которые бессознательно или символически относятся к конфликтам анального садистического периода.

Доказательством тому является то, что когда мы видим, что человек засовывает палец в нос или отрывает кончики ногтей, кусает ногти или губы, играет с ключами или мелочью в кармане, поначалу нам это действует на нервы, и, с другой стороны, если мы ему делаем замечание, этот человек уже не может остановиться, не нервничая и не чувствуя себя в стеснении, чтобы подумать; иначе говоря, напряжение, которое рефлексия спровоцировала, было более выносимым с разрядкой влечения жестом.

Помимо этих жестов, которые эквивалентны в целом «деградировавшей» мастурбации, есть особенности поведения, которые интегрированы в «характер индивида»: приступы гнева, озлобления, зависть, ревность, тщеславие, которые такие же симптомы, потому что несмотря на логические оправдания, которые у субъекта появляются (рационализации), они воспроизводятся неизменно во всех аффективных человеческих отношениях, возникающих у субъекта.

Именно сентиментальная установка ребенка по отношению к своим воспитателям, отражение чаще всего их бессознательной установки по отношению к нему, позволяет или не позволяет исполь-

зовать влечения для культурно полезных целей: так, смелость, вкус к риску, когда они вознаграждены восхищением матери; победа, одержанная над взрослым во время агрессивных игровых стычек или игр на ловкость, когда они приводят к одобрению взрослого, если ребенок проиграл, вместо того, чтобы вызвать со стороны взрослого насмешливый триумф; когда ласки или комплименты ободряют ребенка показать себя «хорошим игроком», щедрым в неизбежных конфликтах с другими; а не когда суровые упреки имеют целью ему «поставить мат», в то время как он по природе снабжен более богатым либидо, чем другие.

Влечения и разрядки либидо имеют, следовательно, не столько важность сами по себе, сколько в силу аффектов, которые они порождают.

Для ребенка, который не достиг еще «сознательного возраста», возраста нравственного чувства (Сверх-Я), заключения по поводу опытов *регулируются принципом брутто удовольствия — не-удовольствия*. Что приносит удовольствие, будет повторено; что приводит к неудовольствию, будет избегаться.

Но инстинктивные влечения ребенка будут наталкиваться на преграды. Будут ли эти преграды соответствовать «условиям человеческого существования», взятым в самом широком смысле, или они будут воздвигаться без рациональной необходимости семейной средой, установка которой вытекает из этически деформированной точки зрения, ребенок не способен это заметить. Заметит ли он это однажды при наступлении пубертата или позже, что его поползновения пересмотреть ценности, возведенные в ранг догмы его воспитательной средой и его собственным Сверх-Я, создадут конфликты между его деформированным моральным смыслом и его Я. Эта ревизия ценностей при «аффективном» пубертате является, однако, необходимой. Пересмотреть ценности не значит обязательно, впрочем, их уничтожить, а только составить их перечень, отсортировать и сохранить те, что подходят. Неизбежно этот пубертатный кризис приведет к более-менее значительным семейным конфликтам, даже если родители очень толерантны и не пристают к ребенку. Действительно, для подростка внутренний страх этой нормальной борьбы *его* инстинктов против *его* Сверх-Я очень трудно вынести. Это легче, когда молодое существо может

дать вынести другим ответственность за свое страдание, а родители — это *живое* Сверх-Я, «ответственное за дежурство».

Конечно, есть родители, которые усиливают интенсивность пубертатного конфликта, но он от этого не меньше сам по себе физиологически и аффективно нормален. Вот почему конфликты подросткового возраста, происходят ли они в физиологическом возрасте или позже, если индивид уже слегка невротичен до пубертата, т. е. имеет чувство вины за свои сексуальные переживания, могут вызвать более или менее острые неврозы. Эти последние проявляются между 18 и 25 годами и совпадают с первыми попытками любовных отношений вне «дома» и с чувством вины, которое они влекут.

Искусство воспитателя и врача состоит в том, чтобы привести ребенка к эйфорическому раскрытию всех тех из его природных аффективных и физиологических возможностей, которые совместимы с физическими и психическими требованиями социальной среды. И к этому приходят не изолированием ребенка, чтобы избежать для него риска заболеваний, а вооружая его против них. То же и для нравственного здоровья: не будет для него никакой помощи, если его укрывать от рисков жизни. Он должен принять неизбежное страдание, человеческий страх, вызываемый запретами, которые общество воздвигает перед лицом беспорядочных влечений либидо. Ему окажут помощь, стным или мало чтимым удовольствиям в среде, где он призван жить. *Это безразличие приобретается не за счет строгости, но благодаря обширным компенсациям либидо и чувств, которые подчинение приносит ребенку в обмен на принятие ограничений.*

Взрослый не должен никогда забывать, что богатство либидо ребенка может равняться, но также может превышать или быть меньше его собственного, что личность, которая существует в потенции, может быть очень отличной от его собственной и ему не следует никогда сравнивать личность ребенка с другой, разве что только с точки зрения практического успеха, здоровья и субъективного счастья хорошей аффективной адаптации.

Не существует и, несомненно, никогда не будет существовать у человека средства, которое позволяло бы оценить внутренне присущую ценность существа. Любой взрослый — родитель, врач

или воспитатель — должен иметь очень живым в себе уважение к индивидуальной свободе ребенка во всех его законных деятельности, которые его будут искушать, и позаботиться ничего не добавлять к ограничениям инстинкта, уже требуемым добрым согласием с *современной* ему социальной средой от индивида.

Эти ограничения не всегда одни и те же, и часто — меньшие, чем те, что *взрослый* навязывает себе по своей воле из личной *этики* или подчиняясь условиям жизни, иногда тягостным, за которые ребенок не является ответственным и которые он не должен привыкать считать «нормальными».

Ребенок может очень сильно любить и восхищаться воспитателем, не будучи обязанным для этого считать его безупречным во всех его суждениях. В силу самого факта, что он его любит и чувствует, что тот его уважает, он захочет его уважать в свою очередь, доставлять ему удовольствие и подражать ему столь долго, сколько это отношение будет согласовываться с его спонтанным неповторимым развитием.

Взрослея, он сможет позволить себе выбор образа жизни, иногда полностью отличного от того, что выбрал для себя взрослый-воспитатель. В этих расхождениях взглядов, всегда тягостных для него, его будет еще поддерживать уверенность, что его успех и счастье на пути, который он выбрал (даже если он удалит его от взрослого, который сформировал его), приносят тому глубокую радость видеть дело своей жизни успешно свершившимся и способным в свою очередь на плодотворность.

Если у взрослого нет невроза, он обладает *по природе* по отношению к своему ребенку этим совершенно аффективным «искусством», о котором мы только что сказали, что им должны обладать воспитатель и врач, без ущерба для интеллектуальных знаний, что те могут к ним присовокупить. Действительно, психически здоровый взрослый находится на облативной генитальной стадии; следовательно, он полон решимости для своего собственного психоаффективного раскрытия посвятить энергию своего либидо делу, предметам своего «призвания», своему ребенку. Знать, что этот последний счастлив, дает ему радость жить и возможность стареть без горечи.

Раз мы дошли до того, чтобы говорить о воспитании, то потому, что воспитание относится к практическому самочувствию так, как

профилактика болезней к общему здоровью организма. «Искусство», составляющее ценность воспитателя, ему дается в удел с момента, как он владеет природным *здравым смыслом*; и врач не может остаться этому чуждым.

Каковы бы ни были недостатки и достоинства взрослого, он может обладать объективной аффективной установкой симпатии к людям, состоящей из уважения и почтения к себе подобным, одобряет ли он их или нет лично в душе. И эта установка является единственно значимой для врача, к которому приводят ребенка с нарушениями самочувствия или органическими заболеваниями или и с тем, и с другим.

И тогда он сможет при условии, что обладает также научными знаниями, поставить диагноз и попытаться дать прогноз. Но его роль только начинается. Он должен также лечить, т. е. принести моральную и материальную помощь или обе вместе, чтобы помочь больному выздороветь, стимулируя его природные механизмы защиты, чтобы успешно преодолеть или исправить (с минимумом потери вещества, говорят хирурги) функциональные заболевания или нарушения от болезни, из-за которых больной обратился за консультацией.

Вот почему все те, кто занимается нарушениями самочувствия, органическими функциональными расстройствами, — воспитатели, «врачи» в настоящем смысле слова — должны иметь представление о роли жизни либидо и знать, что воспитание сексуальности есть дрожжи адаптации индивида к обществу.

3. ВАЖНОСТЬ ФАЛЛИЧЕСКОГО ПЕРИОДА В ПАТОГЕНИИ НЕВРОТИКОВ

В первые периоды сексуальности (оральный, анальный) взрослые не требуют полного лишения гедонических удовольствий.

Если мать или воспитательница не страдает неврозом, она стремится последовательно добиться относительной регулярности, необходимой одновременно для хорошего здоровья ребенка и удобств жизни, обязанности без напряжения есть и оставаться

чистым, дисциплины экскрементных пищеварительных функций и чтобы при этом она не была ни абсолютной, ни навязчивой. Воспитание сфинктеров, навязанное с несгибаемой строгостью, есть факт невротического воспитания, т. е. идущего наперекор цели, которой хотят достичь: сделать Я безразличным к влечению, чтобы аффекты, связанные с этим, могли быть использованы для заместительных целей социального значения. Однако если функционирование кишечника становится заботой, то для бессознательной экономии это то же самое, как если бы анальный эротизм правил, как хозяин, в отсутствие культурной репрессии, но это вовсе не то же самое для личности в целом и ее практической адаптации. У индивида нет больше разрешения на удовольствие, которое осуждено; но он из-за этого не освобожден от анальных забот. Напротив, запор или диарея становятся важным фактом дня; большое количество либидо используется для вытеснения сексуального влечения, оно само инвестировано равным количеством либидо. Либидо, блокированное таким образом в бессознательном, не свободно более для инвестирования практических социальных деятельностей Я, ни для того, чтобы инвестировать фаллическую эрогенную зону, которая должна по хронологии следовать анальной зоне в примате гедонизма.

В оральный и анальный периоды ребенок находит посредством принятия частичного отказа от удовлетворения своих инстинктивных влечений средство завоевать дружбу взрослых, не будучи для этого обязанным полностью подавлять интерес к своим пищеварительным функциям, необходимым, какие они есть, для органической жизни. Кроме того, то, что испытывает вытеснение в аффективном интересе, которые он проявляет к своим экскрементам, служит для инвестирования других объектов любви-привязанности. Мать, прежде всего, первая из тех, кто пользуется этим, поскольку ребенок учится давать ей подарки; затем новые объекты, с каждым днем все более многочисленные, принимаются в аффективный мир ребенка.

Либидо, окрашенное садизмом или мазохизмом, уведенное со своей первоначальной эротической цели, может тогда быть поставлено на службу мускулатуры и интеллекта, физиологически способных использовать по отдельности или одновременно агрессивность

и пассивность в прагматических деятельности. Культурные достижения и личный опыт, которые преподают субъекту границы и правила, навязанные внешним миром индивидуальным влечениям, служат так, чтобы создать сознательное ядро личности: Я ребенка проявляет его свободные инициативы во всем том, на что не нацелены запретительные указания взрослого-воспитателя; он наталкивается на эти запреты таким же образом, как он наталкивается на физические законы внешнего мира. Эти неизбежные наталкивания рождают страдание, которое именуют *первичным страхом*. Энергия либидо, подавленная, смещенная со своих оральных и анальных гедонических целей, будет служить тому, чтобы усилить присоединение к разрешенным выражениям, которые будут, таким образом, средствами защиты Я против первичного страха, одновременно — нарциссическими сатисфакциями и средствами, благоприятствующими развитию к генитальной стадии.

Если воспитатель не страдает неврозом и он достиг генитальной стадии своего собственного сексуального развития, если, с другой стороны, ребенок соматически здоровый, то не происходит серьезных «невротических» несчастных случаев в адаптации ребенка к социальной жизни. Его защитные механизмы проявляют себя как адекватные. Они работают в направлении перемещения аффектов на культурно важные объекты интереса. Они вызывают установки реагирования в форме черт характера и сублимаций в согласии с окружающей социальной средой, с воспитателем или семейной средой, которые сами в согласии с окружающей средой. Это то, что называют «нормальными» реакциями.

Результатами фрустраций от отлучения от груди и дисциплины сфинктеров являются, следовательно: с одной стороны, сформировать у нормально воспитанного ребенка наметку дифференцированной личности, интересы и сублимации которой уже значительны; с другой стороны, стимулировать сексуальную эволюцию к примату фаллической эрогенной зоны, которая потихоньку инвестируется по мере того, как новые толчки либидо не находят более выхода к оральным и анальным зонам, лишенным инвестирования сексуального интереса.

В фаллический период появляется новый факт, который придает некомпенсированным эротическим фрустрациям их значение

калечащих психофизиологических травм. Это невозможность для ребенка перемещаться (без регрессии) к другой эрогенной зоне, поскольку инвестиция либидо перешла к фаллосу, поднятому в ранг элективной эрогенной зоны. Если для девочки перемещение может и должно осуществляться от клитора к вагине, из-за анатомической близости этих двух зон запрет, нацеленный на мастурбацию клитора, будет часто иметь значение (впрочем, именно так в интенции неодобряющего взрослого) для вагинальной мастурбации.

Для мальчика, как и для девочки, генитальная зона становится центром сексуального интереса, она из-за этого не полностью отделена от его прежних эротических фиксаций (лакомства, скатологические шутки, тактильная, аудитивная и зрительная сексуальности, мышечный гедонизм, ловкость, танцы, спорт, игровые агрессивные действия — кусать, царапать, бить и др.).

Наступление в детской сексуальности примата генитальной зоны является физиологически первостепенным. Соблюдение его *естественной эволюции* культурно необходимо для нормальной адаптации ребенка к дальнейшей социальной жизни, которая требует раскрытия индивида в плане физиологии и чувств, т. е. раскрытия его либидо. К сожалению, слишком часто происходит так, что взрослый, несведущий или невротик, подрывает у ребенка в его первых манифестациях инвестирование эротико-аффективного интереса к генитальной сфере. Этот интерес, однако, является доказательством естественной эволюции инстинктов в связи с биологическим развитием человеческого существа. Запретить ребенку мастурбацию и спонтанное сексуальное любопытство — это заставить его обратить бесполезное внимание на занятия и чувства, которые являются в норме до пубертата бессознательными или предсознательными. Это моральная очевидность (и даже общее теологическое место, доказательством тому есть понятие «сознательный возраст»), что некоторые поведения не имеют одного и того же значения для взрослого и маленького ребенка. Преждевременное осознание в атмосфере чувства вины может нанести большой ущерб развитию ребенка, ибо оно лишает права использовать по-другому в генитальном плане либидо, бессознательно заключенное в этих спонтанных действиях. У психически здорового ребенка, достигшего фаллической стадии, проявляется владение своими потребностями

ми: он ловок телом и подвижен руками, он хорошо говорит, слушает и много наблюдает, любит подражать тому, что он видит; задает вопросы, ждет верных ответов, при отсутствии которых он придумывает волшебные объяснения.

4. РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ЗАПРЕТЫ ПРИ МАСТУРБАЦИИ

Какими средствами пользуется взрослый, когда он застаёт врасплох ребенка за «ужасным» жестом, который его лично шокирует?

Прежде всего есть простой запрет без объяснений. Если бы оно не сопровождалось неодобрительным тоном и не принадлежало предпочитаемому взрослому, оно было бы менее всего травмирующим. На самом деле, как и со всеми запретами ребенку, он с ними считается лишь в присутствии «взрослых», либо когда он сам замечает настоящий и рациональный риск, которому непослушание его подвергает. Но так как эта «настоящая опасность» не проявляется никогда в том, что касается мастурбации, он сможет удовлетворять требованиям общества, которое на самом деле — и это реальность — не терпит, чтобы мастурбация была публичной, но не запрещает ее никому в частной жизни.

Не только взрослый порицает мастурбацию, но *редко когда взрослый не оправдывает совсем ее запрет*, ибо ребенок невинно у него спрашивает причину тому. И здесь начинается затруднение для взрослого, который обычно отвечает: «*Это некрасиво*», или: «*Это нечисто*», не отдавая себе отчет, что эти объяснения могут создать пропасть между ним и ребенком, который до этого ему даровал все свое доверие. Если по несчастью ребенок принимает и делает своими эти ложные оценочные суждения, его здравый смысл от этого окончательно искажается; мы вернемся позже к этому.

Когда взрослый применяет средства запугивания, он говорит в соответствии со своим собственным «Сверх-Я» и совсем не в соответствии с рациональной моралью, т. е. согласно реальным социальным требованиям своей среды. Вот почему невротическая мать или воспитательница (фригидная, например) в глубинном

смысле неблагоприятна для первого воспитания ребенка, даже когда ребенок полностью забывает свою первую воспитательницу.

«Итак, скажут, вы из тех, кто оставил бы ребенка в неразвитом состоянии *под предлогом не доставлять ему никакого горя!*»

Нет, вовсе нет, но есть способ требовать отказа от инстинктов, и этот способ зависит от глубинной личности воспитательницы. Она может помочь ребенку развиваться благоприятно или, наоборот, под воспитательным предлогом создать преграды для его эволюции.

На самом деле редко бывает, чтобы ребенок не возобновил осужденный жест — такой «некрасивый», «грязный», как пытаются к этому заставить его относиться. Взрослый прибегает тогда к средствам принуждения или запугивания.

Существует, прежде всего, серия телесных наказаний, уже использовавшихся для предыдущего воспитания: пощечины, удары, плетка, лишение пищи и др.

В некоторых рафинированных кругах, где не позволяют себе бить ребенка, матери считают, что поступают более мягко, в то время как это самое садистическое из телесных наказаний — привязывание рук ребенка, когда он лежит. Для него никакой речи не идет о том, чтобы забыть свое несчастное положение жертвы. Малейшее поползновение сделать движение, не имея никакого намерения к мастурбации, напоминает ему по ассоциации запретное удовольствие. Вся его деятельность руками оказывается этим осуждена. Мы без труда воображаем чувства бунта, которые эта насильственная неподвижность может вызвать у существа, обладающего сильной природной агрессивностью, или мазохистическую перверсию, которая принимает ценность инициации у того, кто переносит ее без бунта.

Существует в зависимости от возраста ребенка магическая угроза отдать его «черному человеку», «страшилищу», «жандарму», вплоть до того, чтобы отдать его в кастрирующие руки «доктора», который его «прооперирует», или, как говорят более категорично «ее/его ему отрежет» (это говорится о виновной руке или половом органе).

Угрозы болезней, калечащих локально (пенис подточится или отвалится, виноватая рука отсохнет или ее парализует), отнимающих силы болезней (усталость, туберкулез, идиотия, сумасшествие), даже смертельных болезней или смерти.

Находя, что у ребенка «круги под глазами», некоторые матери ему инкриминируют мастурбацию и, хотя они никогда не заставляли ребенка за этим делом, они ему выговаривают. Так как нет ребенка, который бы хоть раз не «трогал себя» (будь у него это привычным или нет), ребенок поражен тем, что «это видно по лицу», и встревожен пророчеством серьезных последствий, и он тогда затравлен угрозами кастрации вплоть до своего одиночества.

Добавим божье возмездие за эту серьезную ошибку, за которую нужно осудить себя на исповеди. К сожалению, священник иногда невротически выходит из своей роли и вместо того, чтобы дать успокоительное прощение тревожной совести ребенка, ругает и играет — по отношению к мальчику — роль субститута, самого кастрированного, кастрирующего отца¹.

За всеми этими объяснениями, предназначенными поддержать запрет мастурбации, есть сформулированное или имплицитное понятие страдания, глубокого горя, которое ребенок доставляет взрослому, и это новое. Воспитание чистоплотности и общее воспитание до сих пор вызывали у взрослого лишь запреты, произносимые резким тоном, сердитым, усталым, измученным, презрительным, но никогда еще не было этого добавления интимного стеснения, что сопровождается неодобрительный тон взрослого, когда он говорит с ребенком о вопросах, касающихся генитального сексуального воспитания.

Впрочем, суровость по отношению к детской мастурбации присуща тем, у кого архаичное Сверх-Я анальной стадии и кто все еще, яростно стараясь вытеснить для себя экскрементный гедонизм, отказываются знать какой-либо другой. Они говорят правду «для

¹ Настоящий отец является кастратором лишь вследствие сексуального обладания матерью, в отношении которой он накладывает окончательный запрет сыну для вождления. Запрет инцеста открывает дорогу желанию в силе для женщин вне семьи.

Любой функционально не состоящий в браке воспринимается ребенком бесознательно как евнух из-за инвалидности или из-за несчастной судьбы. Трудно, если не невозможно, до взрослого возраста принять, что не вступление в брак — это факт призвания генитальной сублимации, т. е. совместимый с этической валоризацией переживаний и удовлетворений жизни гетеросексуальной пары; и все сексуальные ограничения, советуемые воспитателями и воспитательницами, не состоящими в браке, воспринимаются как стимуляции предгенитальной эротики, идущие от признанного авторитета. Это, разумеется, не та цель, которую преследуют!

самых себя», когда считают мастурбацию некрасивой или грязной, в то время как генитальное Сверх-Я судит о ней как о несовершенной и неудовлетворяющей. Это объясняет, почему у фригидных женщин большей частью упорно держатся запоры и почему в здоровье детей их интерес центрирован на пищеварительном функционировании.

Что касается верований в опасность мастурбации: в болезнь, в сумасшествие, имбецильность, даже в размягчение спинного мозга (sic), — они настолько распространены в определенных кругах, что нужно думать, что эти «слухи» были запущены малоразумными врачами, авторами пагубных книг, где, несомненно, они написали черным по белому то, что хотели сделать более впечатляющим для себя самих, садистов и страдающих наваждением мастурбацией, какими они были.

Правда в том, что нормальная мастурбация, далекая от того, чтобы утомить ребенка, успокаивает фаллическое напряжение либидо, которое он ощущает, чему эрекции являются доказательством. Она приносит ребенку физио-аффективную разрядку, которая не достигает в интенсивности оргазма взрослого, поскольку нет эякуляции, но является психическим и физическим успокоением, пока к мастурбационным фантазмам не примешивается идея виновного непослушания или угрожающей опасности.

Как мы уже сказали, *важными* на фаллической фазе с 3 до 5 лет (как, впрочем, во многие другие периоды) *являются не столько внешние проявления сексуальности, сколько способ объектного отношения, о котором они свидетельствуют*. Важен способ, каким субъект ведет себя по отношению к своему элективному объекту аффективного интереса — тому, которого он инвестирует своим либидо и на который он направляет свои переживания, мысли и фантазмы в эротических и сентиментальных целях.

Вот почему в эдипов период уважение к мастурбации является основополагающим: вот почему лишение ее, навязанное до того, как ребенок проделал внутреннюю личную и бессознательную аффективную работу по отказу от инцестуозных объектов, является преградой в большей или меньшей степени тотально для его дальнейшей адаптации.

Вот почему в большей или меньшей степени эксплицитные угрозы калечения полового органа, которые взрослые произносят при

виде мастурбации во втором детстве, как у мальчика, так и у девочки, имеют столь большое значение.

Единственный стоящий аргумент, который представляется рациональным употребить, — это целомудрие, если ребенок мастурбирует слишком напоказ при всех, что достаточно редко.

Лучше всего совсем не обращать внимания на мастурбацию, чаще всего мимолетную, она пройдет сама собой. И если считают необходимым вмешаться, то это может быть лишь с глазу на глаз, чтобы никоим образом не ранить самолюбие ребенка, и это должно быть сказано нормальным тоном, как это делают в банальном замечании по поводу одежды или туалета — например, апеллируя к понятию целомудрия, т. е. к тому, что у каждого принято делать наедине, как у взрослых, так и у детей. И этого аргумента всегда достаточно, и у нас есть опыт, чтобы устранить без опасности для ребенка склонность мастурбировать на виду у всех.

Какой бы ни была мастурбация, напоказ или скрытная, важно, чтобы взрослый не выступал против этого ни вообще, ни во имя ложных принципов, чтобы предохранить аффективное будущее ребенка. Тот должен иметь возможность практиковать мастурбацию, когда потребность дает себя знать, и чтобы не вмешивалось приходящее из внешнего мира и никогда не являющееся необходимым для воспитания понятие вины или опасности. Эта совершенная интимная свобода, предоставленная ребенку, предохранит его аффективную свободу, т. е. свободное взаимодействие его чувств нежности или вражды, его фантазмы победителя, воинственности, соблазнения, через которые девочка или мальчик мотивирует все, что он «делает» прямым или косвенным образом для пассивного или активного завоевания объектов своей любви-привязанности.

Мы уже говорили, что эта неполная сексуальная активность претерпевает к 7 годам в норме и по эндогенным причинам естественное отступление. Это предпубертатный период более или менее полного бездействия генитального эротизма. Соблюдение этой нормальной эволюции — единственное благоприятное отношение, которое может быть у воспитателя.

Ш. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

норме у трехлетнего ребенка нет, таким образом, как мы видим, ничего более от маленького дикаря: он уже «приобщен к культуре», у него уже есть характер, привычки, любимые занятия, образ мыслей и многочисленные аффективные возможности, которые направлены на социальные отношения с окружением и часто, в самом удачном из возможных случаев, с кем-то из детей его возраста, мальчиков и девочек. Его либидо, стало быть, уже хорошо используется.

Способ, которым взрослый ответил на его требования любви-привязанности и сумел отреагировать точно отмеренной нежной привязанностью, замечания и комплименты по делу ему принесли аффективные удовлетворения, которые в «нормальных» случаях являются достаточными компенсациями для отказов, которые от него потребовали и на которые он согласился.

Легкость, с которой он высвободился от анальной эрогенной зоны, происходит от того, что он смог обнаружить удовольствие, идущее от фаллического возбуждения (пенис или клитор).

Короче*, это более не «инстинктивный перверт», т. е. Оно, жадное до беспорядочных и немедленных гедонических утолений; он обладает Я. Его личный моральный смысл не существует еще, однако потребность, которая у него есть в обществе других, ведет его к тому, чтобы вести себя уже интуитивно в соответствии с моральными правилами своего окружения. Моменты, когда он будет отдаваться мастурбации, будут, с одной стороны, те, когда он «будет скучать», когда ему будет нечем более заняться или не будет столь же привлекательного (в кровати, когда он не спит или должен «хорошо себя вести»), т. е. моменты, когда его воображение работает вхолостую, если можно так сказать, и не находит игровой опоры для сексуальной физиологической разрядки (в широком смысле слова), требуемой влечением либидо; особенно, если он в физио-

логическом состоянии возбуждения (эрекция полового члена, напряжение клитора). *Это значит, что у нормального здорового ребенка мастурбация никогда не будет на виду и частой и что такая, какая она будет, не должна никак интересовать взрослого.* Эта потребность будет тем менее настоятельной, если мать сумеет стимулировать своего ребенка в завоевании всех полезных и игровых видов деятельности, на которые он способен. Этот выбор будет направлен в особенности на виды деятельности, которые обслуживают ловкость, мышечную и интеллектуальную активность ребенка в подражание девочкам и мальчикам, более старшим, чем он.

Из этого вытекает, что в случае ребенка, которого часто застают за мастурбацией, речь идет (если это «нормальный» ребенок) об исключительно способном ребенке и его характере, нужно приобщить его к занятиям более высокого порядка по силе и ментальному уровню, чем те, что предназначены детям его возраста. Но обычно гораздо чаще речь идет о ребенке, уже страдающем неврозом, для которого мастурбация стала навязчивой потребностью. Этого ребенка надо лечить, а не ругать. Средства запугивания, имеющие целью запретить мастурбацию, — в случае, когда он этому подчиняется, — затормозят его развитие (постепенно он примет «тупой» вид), и, если он этому не подчиняется, они сделают из него нестабильного, холерика, недисциплинированного, бунтаря. Ни тот, ни другой из этих возможных случаев не является, верим мы, результатом, к которому стремится взрослый; это, однако, к несчастью то, что он получает, и для этого он сделал, не подозревая того, все, чтобы получить.

Мы говорили о проблеме обычных запретов на мастурбацию. Мы их называем «кастрирующими», потому что они нацелены на устранение генитальной активности ребенка. Напротив, многие на внешний взгляд невинные вмешательства со стороны взрослого, нацеленные на то, чтобы запретить некоторые виды спонтанного поведения ребенка, характерные для его нормальной сексуальности, будут также иметь значение «кастрирующих запретов», например: любопытство у ребенка обоих полов, инстинкт драчливости у мальчика и кокетство у девочки, просто-напросто потому, что эти запреты будут касаться элементов, весомо нагруженных аффективным значением, либидо.

Любое вмешательство взрослых, стремящихся не только полностью устранить мастурбацию, но также еще проникнуть без пользы в жизнь воображения детей и их фантастические проекты (которые всегда маскируют сексуальные фантазмы), чтобы провести их через сито разума, будет называться кастрирующим вмешательством. Оно лишь усилит неизбежный и нормальный страх индивида в момент, по своей природе трудный, его развития.

Примем для большей простоты в изложении, что вопреки достаточно распространенной привычки, ребенку не делается замечаний по поводу его мастурбаций либо потому, что взрослый к этому безразличен, либо потому, что он не замечает этого.

Мы увидим, что нет никакой необходимости для вмешательства взрослых, чтобы ребенок страдал от *страха* кастрации, по отношению к которой он должен научиться защищаться, а не пока еще капитулировать. Эта защита, как мы увидим, будет неизбежно иметь результатом ввести в игру эдипово соперничество, которое в свою очередь запустит комплекс кастрации.

Мы будем исследовать борьбу против этих последовательных модальностей страха кастрации.

Скажем в качестве общего обзора, что в самых удачных случаях ребенок разрешит эдипов комплекс до фазы латентности, в которую он сможет, таким образом, вступить в полном физическом и моральном здоровье, благодаря которому у него будут лучшие культурные приобретения, они затем облегчат нормальный расцвет чувств и физиологии как в пубертате, в отрочестве, так и затем в его зрелости.

Но очень часто ребенку не удастся разрешить своего Эдипа до того, как он войдет в период латентности; он тогда вынужден — пусть нам простят это выражение — «подписать перемирие» с комплексом кастрации, к которому при наступлении пубертата вернется его кастрирующая роль: субъект сможет еще от него отделиться *в этот момент* или никогда более .

Без психоанализа.

Страх кастрации

Затруднение, которое ребенок испытывает, констатируя отсутствие пениса у девочки, толкает его сначала на то, чтобы бессознательно устранить свидетельство своих чувств. Как мы уже сказали, он остается убежденным, что у девочки он есть, но поменьше, и что он отрастет или он спрятан между ног, как один из наших взрослых больных видел во сне по поводу одной женщины, что ему напомнило его детский фантазм. Но ребенок напрасно успокаивает себя этими утешительными надеждами: мальчик от этого испытывает не меньший страх, как бы с ним такого не случилось, потому что «возможно».

Дело в том, что, как известно, образ мысли на этой стадии находится под знаком магии. Ребенок стремится в соответствии со своей логикой или своим ментальным уровнем, если угодно, объяснить этот закон природы, который задевает его в сознании как аномалия. Это не кажется ему природным порядком вещей; поскольку он этого раньше не заметил, он заключает, что «это упало» или «его отрезали» или «это потерялось». В соответствии с каждым из объяснений он конструирует историю, т. е. фантазм, где вещи представлены символически; детские рисунки иллюстрируют эти фантазмы (см. рисунок № 1, С. 163, где у животного нос и хвост отрезаны; и ср. случай Тот, С. 225).

Мишель, маленький больной, который у меня в психоанализе, рассказал следующую историю (чтобы мне объяснить рисунок № 3, С. 165) : «это китайский господин, который очистил банан, и он доволен бананом и затем он смотрит на дерево и бросает свой банан, потому что думает, что это камень, дама ловит банан». На мой вопрос: «Это вразумительная история?» он мне отвечает: «Это со мной было. У меня было яблоко на полдник, и затем я пописал у дерева, и потом я не обращал больше внимания. Я подумал, что это был камень у меня, я его бросил ненарочно, и затем у меня не было яблока для себя, и я не знал, как это произошло». Мы видим, как настоящая история служит основой для фантазма. Яблоко, уже запретный плод земного рая (Мишель это знает), заменен на банан, фаллический символ, и история имеет отношение к его писанию. Мама Мишеля — одна из тех матерей, что зашивают пиринку, и это заставляет,

с очевидностью, Мишеля снимать штаны, чтобы пописать, — следовательно, положить, что он держит, на землю, чтобы освободить себе обе руки, — потом он забыл подобрать свой полдник, вероятно, из-за невротического пропущенного действия.

Когда ребенок заметил, что отсутствие пениса встречается всегда лишь у девочек, он сразу же стремится принизить их.

Но он, тем не менее, не принимает, что женщины, и в особенности его мать, могут быть лишены пениса. Девочка и мальчик продолжают еще воображать ее бесконечное превосходство над ними, следовательно, снабженными большим фаллосом. Действительно, иметь половой член — это «быть сильнее, чем девочки»; но взрослые, мужчины и женщины, еще сильнее, чем мальчики. Ребенок чувствует себя в состоянии неполноценности перед взрослым, и он прав, учитывая свое положение ребенка.

См. головной убор дамы на рисунке № 3, С. 165.

Ср. Наблюдение за Клодин, С. 234: «Она — тот (sic), у кого ничего нет» на рисунке, где «у мальчиков и мужчин есть у каждого большая штука, чтобы смотреть на море».

См. рисунок № 6, С. 168 (мальчика-энуретика 11 лет). Это большое дерево, фантазия чистого воображения, соседствует в этом эдиповом рисунке с точным наблюдением «Нормандии», куда он ездил; символизм был настолько ясным, что я задала вопрос: знали ли он, что женщины сделаны, не как мужчины? Он этого не знал, хотя знал, что его сестра и девочки были сделаны, не как мальчики. Но когда они становились «мамами, дамами», он думал, что «это утраивалось».

Однажды признав факт, ребенок спрашивает себя «почему». Он говорит себе: это потому, что «их наказали» — всегда готовый на этой стадии видеть санкции в агрессивном разрушительном плане по причине собственного садизма, который он проецирует на других. Он на самом деле еще не способен воспринимать существа как чувствующие и думающие иначе, чем он.

«Кто их наказал?», и он себе ответит известными или придуманными историями или фантазмами по поводу факта, рассказанного взрослым.

У одного из моих маленьких больных все кастрирующие символы появились в рисунке. Один за другим появились дедушка со сво-

ей бритвой, мадам Фишини, злая фея из «Белоснежки», злая мама, порющий отец, людоед, страшилище, полицейский, жандарм, римский папа (!), офицер со своей саблей, мужчина из леса с капканом, человек-рыба, водолаз. Все эти могущественные волшебные существа были в изобилии снабжены необыкновенными шляпами, палками и большим мешком, чтобы засовывать детей.

Во всех этих историях ребенок попадает в руки этих пожирающих людоедов, этих всемогущих и злых существ. Почему наказывают детей, отрезая им «козочку» или «кран» — объяснение, которое они дают себе по поводу отсутствия пениса, «данного в наказание» девочкам? Потому что они не были послушными или потому что они ослушались. И строгость взрослых по отношению к ребенку, шумному или агрессивному в играх и занятиях, как это нормально в этом возрасте, строгость без логического обоснования без пользы усиливает страх, потому что взрослые для него являются этими чудесными существами: они, будучи справедливыми, всегда правы, и к их доброму удовольствию, кажется, ребенок должен быть девочкой или мальчиком. И это взрослый изготавливает девочку за счет существа, первоначально целого, он у него изымает часть тела, которое без этого кастрирующего вмешательства осталось бы телом мальчика.

Итак, мы видим, что страх кастрации имеет исходной точкой ложную интерпретацию действительности; но это интерпретация, которой ни один ребенок не может избежать из-за того факта, что опасность, выдуманная им, мотивирована магической силой, которую он приписывает взрослым, и из-за своей настоящей неполноценности по отношению к ним.

Но это открытие различия между полами сыграет для ребенка полезную роль, чтобы стимулировать его развитие. Ребенок отказывается от кастрации, которая представляет, думает он, для него угрозу ошибочно, но этот отказ не подвергает опасности его сексуальность, наоборот.

Важное в этом конфликте то, что он происходит в Я сознательном. Ребенок осознает свое затруднение, он от него отказывается со знанием дела. Он его интерпретирует как приходящий извне, и его разум просит найти тому причину.

Вот в чем состоит «страх» кастрации; его следует отличать совершенно от того, что мы называем «комплексом» кастрации.

Комплекс кастрации будет бессознательным феноменом¹. Мы увидим, что в отличие от комплекса кастрации (феномен бессознательный и связанный с Эдипом) страх кастрации (феномен сознательный и предэдипов) богат счастливыми последствиями для сексуальности, благоприятствуя ее раскрытию. Комплекс кастрации, напротив, будет для ребенка источником страдания, не имея другого выхода обычно, как отказ на время от своих сексуальных интересов в период латентности. Мы видели, однако, что в некоторых очень счастливых случаях ребенок может разрешить своего эдипа и комплекс кастрации до фазы латентности.

БОРЬБА ПРОТИВ СТРАХА КАСТРАЦИИ

Его следствие: рождение эдипова комплекса, который запускает в свою очередь комплекс кастрации.

В соответствии с тем, что мы изложили ранее, мы можем сказать, что страх кастрации имеет причиной три фактора:

- 1) открытие фаллической разницы в зависимости от пола.
- 2) магическую силу, приписываемую взрослым.
- 3) общую и настоящую неполноценность по сравнению со взрослым.

Первый из этих факторов единственно неизменен, два других могут быть уменьшены.

Второй фактор — пагубная и магическая сила взрослого — может быть подвергнут детальному анализу разума и рассеян. Взрослый, объявленный злым, станет кастрирующим родителем; что касается другого, хорошего, будут использованы все средства, чтобы вызвать с его стороны помощь и опеку.

Что касается третьего фактора настоящей неполноценности ребенка, тот постарается этому помочь: либо отрицая сознательно

¹ Для понимания того, что будет самой трудной частью изложения, важно, чтобы у читателя было четкое представление, всякий раз когда об этом пойдет речь, о различии между *страхом* (сознательным) и *комплексом* (бессознательным).

ее категоричным образом, что субъективно ее увеличивает констатацией различия между тем, что есть, и тем, что хотелось бы, чтобы было; либо преодолевая ее заметными культурными достижениями. Преимущество этой последней установки в том, что она сообщает больше средств соблазнения, чтобы завоевать помощь и протекцию эдипова объекта.

Но в этой борьбе против страха кастрации установки мальчика и девочки будут различными.

МАЛЬЧИК

Борьба против страха кастрации. Подводные камни

Для него факт быть облагодетельствованным природой, в то время как «бедная девочка» была лишена ценности, делает ему еще более ценным его пенис. Фаллос, уже ранее инвестированный нарциссическим либидо по причине сексуальных удовлетворений, которые приносила мастурбация, испытывает дополнительную инвестицию либидо порядка доверия к себе.

Но так как сексуальность еще качественно садистическая, захватническо-агрессивная, манифестациями триумфа мальчика будут преувеличения садистических компонентов: шумные и грубые игры дома, а вне его — гонки, поход за приключениями в окружающие заросли, поиск камней, чтобы бросать как можно дальше (всегда агрессивная нота и тема приключения), воинственные фантазмы в играх в солдатиков. В его фантазмах офицеры имеют право на жизнь и смерть солдат и пленных.

Однако объектом эффективной любви остается мать, тем более обожаемая мальчиком, что он приписывает особой благосклонности с ее стороны факт быть мальчиком. Он хочет завоевать ее нежную и восторженную привязанность, и средства, которыми он располагает, — это агрессивные средства; они, утверждая его сексуальность, должны, с его точки зрения, сделать его мать гордой за него; его отца — тоже, во вторую очередь. «Ты была права, считая меня достойным быть мальчиком».

Настоящая неполноценность ребенка менее тягостно переносится, когда его мать ценит, и он может даже — благодаря иденти-

фикации с его отцом — чувствовать, что он участвует в его магической силе. Он — конь, лев, тигр в своих игровых фантазмах.

Но, как мы видели, его привязанность к матери усиливается, в то время как она освобождается от постоянной зависимости, которая ее держала привязанной к ребенку. Ее нежность, ее доброжелательное и материнское внимание продолжают, однако, обволакивать чувствами своего сына. Она стимулирует в нем гордость находить себе друзей среди маленьких и больших и вести себя с ними в соответствии с социальными условиями своей среды. Она показывает себя довольной и гордой прогрессом, которого он достигает в области физической выносливости, удачных инициатив, интеллектуальных завоеваний.

Маленький мальчик находит тогда во внешнем мире объекты привлекательности, друзей, игры, интересы, к которым он примыкает интеллектуально и аффективно с энтузиазмом. Вот почему также его неудачи и аффективные неудовлетворения поражают его глубоко в интенсивности.

Все эти виды деятельности оживлены присутствием матери. От его отношений с ней зависит окрашенность переживаний, посредством которых он входит в контакт с новыми объектами привязанности. Это объясняет грусть детей, которые чувствуют, что мать огорчена или рассержена, даже когда они знают тому причину, ибо они не понимают тому аффективную цену, и особенно когда мать, захваченная целиком своими собственными заботами, оставляет ребенка в одиночестве сердца. Родители даже не подозревают того, что ребенок считает себя ответственным; мельчайшая из его шалостей, заслуживающая порицания, принимает тогда для него значение преступления, и его интимный моральный смысл оказывается деформированным угрызениями. То же и с его веселостью, например, или с его безразличием во время траура, от которого грустит вся семья, в то время как он сам не имел всепоглощающей любви-привязанности по отношению к умершему или он еще не идентифицировал себя с ним. Горе, причину которого он не разделяет, не может вызывать его грусть и, если умерший хотя бы немного ему казался соперником в привязанности к матери или угнетателем, ребенок не может показать себя затронутым его потерей; напротив, он чувствует себя свободным от тяжелой ноши и показывает это своим поведением. Хотя он

умеет уже «мухлевать», т. е. отрицать факт, который для него неблагоприятен, ребенок не умеет еще «делать вид», когда речь идет о факте, который его оставляет безразличным. Этому его должно научить воспитание, не из двуличной злонамеренности, но из уважения к чувствам другого. Вот почему родители, озабоченные благополучием своих детей, должны, не скрывая от них самого факта смерти, с уважением отнестись к беззаботности, которую они проявляют по отношению к ней, и радоваться тому, что они не испытывают еще боли, которая для них станет довольно рано острой, поскольку никто из нас не может жить, не узнав внутренней покинутости, в какой нас оставляет потеря дорогого существа. Не будем никоим образом избегать контакта реальности с ребенком, но отнесемся с уважением к его спонтанной нечувствительности или его естественным средствам защиты, когда его отношение не должно привести позже к реальному страданию.

Маленький мальчик, которого мы оставили доверяющим себе, богатым честными возможностями либидо, был еще неспособен «играть с» другими, хотя он любил компанию своих ровесников. Постепенно он отказывается от своих фантазмов и своих одиноких игр в пользу совместных игр и историй, которые он любит слушать и рассказывать. Он любит все занятия, где примешивается вкус риска, смелости, он получает удовольствие в том, чтобы показать себя смелым и хитроумным.

Он ищет тогда компанию других мальчиков, своего возраста или старше него, и не любит принимать маленьких или девочек в круг своих друзей. Когда девочки хотят вмешаться в игры мальчиков, это вопль негодования: «Нет, идите-ка отсюда, девчонки» ... «девчонки — это не в счет» и т. п. Если один из мальчиков показывает себя менее отважным, чем другие, если он не любит похвалиться смелостью, выносливостью, его обзывают «девочкой» презрительным тоном, и он становится козлом отпущения разнузданной банды.

Инциденты, тягостные для его самолюбия, злоключения (раны и шишки), иногда — несчастные случаи, являются платой за его приобретения вирильности. Мальчик их переносит смело, с гордостью перед папой и товарищами; счастливый от того, что он может плакать без стыда с матерью, которая, не унижая его, ухаживает за ним физически, минимизируя значение неудачи, стимулирует на бу-

дущее его дух реванша над самим собой и другими, изучая с ним средства преодолеть причины его неполноценности.

Мальчику удастся, таким образом, естественно стать хозяином настоящих трудностей, не имея необходимости прибегать к магии воображаемых спасений. «Хитрый» не имеет больше в его языке пейоративного смысла «дьявольский», но наоборот — синоним умного и изощренного ради доброго дела. Он сублимирует в прагматической «ловкости» агрессивность влечений в целом, благодаря предвидению последствий условий его поведения по отношению к требованиям реальности. Это основа практического здравого смысла. Его подвиги, символическим игровым способом или культурным, социальным, школьным, являются для него эйфорическими разрядами для его сексуальных влечений. Первоначальная гедоническая цель сама сублимируется в цель сентиментальную (нравиться и доставлять удовольствие). Она позволяет вызвать уважение взрослых и в то же время его собственное доверие к себе, основанное в этот раз не на фантазмах магической силы, но на реальных объективных ценностях. Это *рыцарский возраст*.

Это мальчишечье и рыцарское поведение повлечет важные аффективные последствия. Мальчик *будет уважать более, чем надо, своего отца*, и он *будет испытывать к нему ревность*, потому что если тот нормальный, то он — его соперник по отношению к матери, которую он опекает и содержит¹. Мальчик попытается, следовательно, одержать победу над отцом, постаравшись сделаться полезным матери всеми средствами и «научиться» всему, что нужно, чтобы придти к тому, чтобы делать, как папа: читать, писать, заработать хорошими отметками деньги, на которые он купит букет цветов, подарок, который он с триумфом преподнесет своей матери. Он проявит изобретательность и изготовит своими руками предметы, которые ей доставят удовольствие. Так будут формироваться наметки его Сверх-Я, т. е. внутри его «совести», которая ему укажет, какие наилучшие вещи ему надо делать, каких избегать, уже более не по принципу прямого удовольствия, но в соответствии с моральным смыслом, который нужно иметь, чтобы

¹ «Содержать» следует понимать в широком смысле слова. Он — спутник ее жизни, даже если мать работает.

умеет уже «мухлевать», т. е. отрицать факт, который для него неблагоприятен, ребенок не умеет еще «делать вид», когда речь идет о факте, который его оставляет безразличным. Этому его должно научить воспитание, не из двуличной злонамеренности, но из уважения к чувствам другого. Вот почему родители, озабоченные благополучием своих детей, должны, не скрывая от них самого факта смерти, с уважением отнестись к беззаботности, которую они проявляют по отношению к ней, и радоваться тому, что они не испытывают еще боли, которая для них станет довольно рано острой, поскольку никто из нас не может жить, не узнав внутренней покинутости, в какой нас оставляет потеря дорогого существа. Не будем никоим образом избегать контакта реальности с ребенком, но отнесемся с уважением к его спонтанной нечувствительности или его естественным средствам защиты, когда его отношение не должно привести позже к реальному страданию.

Маленький мальчик, которого мы оставили доверяющим себе, богатым честными возможностями либидо, был еще неспособен «играть с» другими, хотя он любил компанию своих ровесников. Постепенно он отказывается от своих фантазмов и своих одиноких игр в пользу совместных игр и историй, которые он любит слушать и рассказывать. Он любит все занятия, где примешивается вкус риска, смелости, он получает удовольствие в том, чтобы показать себя смелым и хитроумным.

Он ищет тогда компанию других мальчиков, своего возраста или старше него, и не любит принимать маленьких или девочек в круг своих друзей. Когда девочки хотят вмешаться в игры мальчиков, это вопль негодования: «Нет, идите-ка отсюда, девчонки» ... «девчонки — это не в счет» и т. п. Если один из мальчиков показывает себя менее отважным, чем другие, если он не любит похвалиться смелостью, выносливостью, его обзывают «девочкой» презрительным тоном, и он становится козлом отпущения разнузданной банды.

Инциденты, тягостные для его самолюбия, злоключения (раны и шишки), иногда — несчастные случаи, являются платой за его приобретения вирильности. Мальчик их переносит смело, с гордостью перед папой и товарищами; счастливый от того, что он может плакать без стыда с матерью, которая, не унижая его, ухаживает за ним физически, минимизируя значение неудачи, стимулирует на бу-

дущее его дух реванша над самим собой и другими, изучая с ним средства преодолеть причины его неполноценности.

Мальчику удастся, таким образом, естественно стать хозяином настоящих трудностей, не имея необходимости прибегать к магии воображаемых спасений. «Хитрый» не имеет больше в его языке пейоративного смысла «дьявольский», но наоборот — синоним умного и изощренного ради доброго дела. Он сублимирует в прагматической «ловкости» агрессивность влечений в целом, благодаря предвидению последствий условий его поведения по отношению к требованиям реальности. Это основа практического здравого смысла. Его подвиги, символическим игровым способом или культурным, социальным, школьным, являются для него эйфорическими разрядами для его сексуальных влечений. Первоначальная гедоническая цель сама сублимируется в цель сентиментальную (нравиться и доставлять удовольствие). Она позволяет вызвать уважение взрослых и в то же время его собственное доверие к себе, основанное в этот раз не на фантазмах магической силы, но на реальных объективных ценностях. Это *рыцарский возраст*.

Это мальчишечье и рыцарское поведение повлечет важные аффективные последствия. Мальчик *будет уважать более, чем надо, своего отца*, и он *будет испытывать к нему ревность*, потому что если тот нормальный, то он — его соперник по отношению к матери, которую он опекает и содержит¹. Мальчик попытается, следовательно, одержать победу над отцом, постаравшись сделаться полезным матери всеми средствами и «научиться» всему, что нужно, чтобы придти к тому, чтобы делать, как папа: читать, писать, заработать хорошими отметками деньги, на которые он купит букет цветов, подарок, который он с триумфом преподнесет своей матери. Он проявит изобретательность и изготовит своими руками предметы, которые ей доставят удовольствие. Так будут формироваться наметки его Сверх-Я, т. е. внутри его «совести», которая ему укажет, какие наилучшие вещи ему надо делать, каких избегать, уже более не по принципу прямого удовольствия, но в соответствии с моральным смыслом, который нужно иметь, чтобы

¹ «Содержать» следует понимать в широком смысле слова. Он — спутник ее жизни, даже если мать работает.

обратить внимание своей матери, чтобы она сказала о нем: «Вот ты и настоящий маленький мужчина».

Но чем больше мальчик развивается в объявленной цели нравиться маме, стать, как папа, тем больше эдиповы фантазии становятся ясными¹. В своих воображениях мальчик увозит свою мать в путешествие с ним одним: он — у руля автомобиля, он управляет самолетом, он строит их дом, он выбирает профессию, чтобы зарабатывать для нее деньги, она будет счастлива, у них будут дети. Эти эдиповы фантазмы неизменно наталкиваются на обратную реальность — неумолимую недостаточность возраста. Мать существует «для папы». — «Ты, говорит папа, когда ты станешь большим, у тебя тоже будет жена». — «Но я хочу маму». — «Нет, это невозможно, потому что мама моя и потом она станет старой, как бабушка, когда ты будешь достаточно большим, чтобы стать папой». Ребенок еще не может допустить мучительную реальность. Поскольку мама для папы, то если папы здесь нет, она будет ничьей, и они могут быть спокойны оба. Откуда воинственные фантазмы, агрессивные, грубые по адресу папы, эти «нам ты не нужен, нам двоим с мамой» и т. п.

Допустим, что отец не сердится и сохраняет полное безразличие перед поведением и агрессивными мифоманьячными словами ребенка.

Так вот, даже в этом случае чувство вины ребенка становится нарастающим, абсолютно независимым от внешнего вмешательства: *оно обязано лишь функционированию бессознательного.*

Ибо из простого факта, что отец здесь, взрослый, у которого есть права на маму и которого она любит, не бывает нормального мальчика, который бы не испытывал под видом напускного безразличия реальные страхи и ревность. Он говорит себе тогда, что отец ревнует (ибо он проецирует² на него своим чувства), и он жалуется

¹ Отметим, что во многих случаях Эдипов комплекс «разыгрывается» по отношению к тете, сестре матери, или взрослой сестре, чтобы избежать опасности соперничества с отцом; эта опасность, тем не менее, присутствует, ибо ребенок напрасно «проигрывает» свой Эдипов комплекс на другом: он думает о своей матери, которой обладает его соперник, и он реагирует на другую женщину так, «как если бы папа ее защищал».

² «Проецировать» означает «приписывать бессознательно кому-либо другому то, что испытываешь сам».

маме на строгость папы. Пусть остерегутся матери, кто льет воду на мельницу этих маленьких эдипов, порицая папу за его строгость. Они потеряют свой престиж и затеют реальные ссоры с отцом, которые придадут еще больше чувства вины ребенку, потому что он их вызвал (ср. Случай Патриса, С. 191). Кроме того, чем он восхищается в душе, так это как раз твердостью и превосходством своего образцового соперника. Если мать на него нападает и отец уступает матери, это как будто она позволяет своему мальчику становиться «ее маленьким мужчиной» для того, чтобы его держать под опекой. Матери, не страдающие от невроза, оставляющие мужчине аффективную инициативу, хорошо знают, что если отец строг, он не меньше любит сына. И если так случилось, что он его не любит или бессознательно ревнует, то они не смогут его заставить измениться, упрекая его в этом, наоборот.

Постепенно ревнивая агрессивность проявится, стало быть, в явно враждебных поведенческих реакциях, конфликтах по любому поводу с отцом, нескрываемом непослушании, предназначенном вызвать выговор отца, на который ребенок пойдет жаловаться матери. Такое поведение всегда дает о себе знать в какой-то момент развития всех мальчиков.

Если отец мужественный, хорошо себя чувствующий и строгий, то, оставаясь справедливым, эдипов комплекс без труда будет совершенно нормальным, ибо у образа отца — «размер» вынести бессознательно резкую агрессивность мальчика, не давая ему необходимости искать самонаказание в чувстве вины.

Если напротив отец — существо физически слабое, слишком мягкое или слишком строгое, т. е. морально слабое, гораздо труднее мальчику стать очень мужественным. Даже его успешность в побочных, законных видах деятельности понимается им как успехи по вине, и его Сверх-Я на это реагирует, как будто они таковы.

В нормальной семье, где отец — тот, кто командует и связан дружеской нежностью с матерью, единственный способ выйти из этого для ребенка — это отказаться окончательно от первоначального объекта, ставки в соревновании, и сублимировать влечения, нацеленные на завоевание своей матери.

И это во имя внутренних потребностей субъект вынужден оставить борьбу с отцом или сублимировать на других

объектах либидо, первоначально использованное в аффективной фиксации на матери. Инцест с точки зрения либидо является кастрирующим. Я постараюсь это показать.

– Действительно, если бы агрессивности по отношению к отцу удалось одержать триумфальную победу в плане сознательного и в реальности, сын не смог бы больше идентифицироваться с ним; но у ребенка есть потребность инвестировать своего отца, настоящего обладателя, самца матери, пассивным либидо. Он хочет не только заменить, но подражать своему отцу. Эта двойственная – соперничающая и пассивная – установка согласуется практически лишь с «нормальной» семьей, т. е. без невротизма, где мальчику разрешено мальчишечье поведение, где неизбежные и необходимые перепалки вспыхивают с отцом и без вмешательства матери («пусть сами разбираются между мужчинами»). Это потому что эдипово состязание сына и отца не является реальным, исходя из самого факта, что мать выбрала отца. Она может тогда дать, не порицая отца, материнские утешения, нежные, но не связанные с эротическим либидо, маленькому мужчине, которому нужна женская привязанность в трудностях его социальной адаптации. Мать поспособствует, таким образом, стимулированию у мальчика формирования настоящего генитального Сверх-Я. Мальчик тем более легко откажется от соперничества со своим отцом, поняв бесплезность своего поведения; отсутствие этой уверенности есть источник страха. Что бы он ни делал, мать его любит во вторую очередь, не более того, и позволяет ему привязываться к другим женским объектам. Если ребенок разрешает свой комплекс Эдипа, он может, напротив, гордиться всем тем, что ему удастся и что делает его похожим на отца, он от этого не испытывает чувства вины, что благоприятствует наступлению и здоровому протеканию его пубертата.

– Состязание сына с отцом может тогда свободно нацеливаться на завоевание объектов перемещения. Мальчик сублимирует свое генитальное либидо, первоначально на службе эдипова завоевания, в тех же самых видах деятельности, интеллектуальных, художественных, спортивных, или той же карьере, что у отца, в подражание его поведению. Он отказался от эротических удовлетворений соблазнения (поиска поцелуев, материнских ласк, игры в

дразнилки или нежности с ней), ибо его реальная неполноценность в сравнении с отцовским образом, на который он хочет равняться, пробудила бы в бессознательном страх кастрации. Но он может переместить свое эротическое либидо, свои интенции соблазнения на подруг своего отца или девочек, которых он ценит выше, чем надо, потому что они восхищаются его отцом. Эти дружбы-влюбленности должны быть платоническими, иначе страх кастрации вновь даст о себе знать. Состязание с отцом может лишь повлечь страх кастрации.

– Если бы эдипово состязание сына и отца было реальным, не сублимировалось, это потребовало бы прежде всего, чтобы отец был инвестирован сильной сознательной агрессивностью. Однако это невозможно в «нормальных» семьях. Само вхождение в реальное соперничество с отцом, и которое это не сопровождается самонаказанием, доказывает, что сын нашел другого эдипова соперника (любовника матери или кого-либо другого), с которым он мог идентифицировать себя и, впрочем, триумф над отцом не придаст ему больше реальной власти над матерью. Она все равно от него скроется; и практическим результатом такого явного успеха будет чувство вины перед отцом из-за идентификации с соперником-победителем, и его последствием будет нарастание страха кастрации.

– Допустим, что сознательная агрессивность возможна и что она одерживает верх и отдаляет отца от матери¹. Субъект не может воспользоваться своей победой, потому что у него нет более средства идентифицироваться с отцом. Механизм идентификации с отцом-соперником требует на самом деле, чтобы обладатель-самец настоящей матери был бы счастливым соперником. Есть мальчики, которые остаются влюбленно фиксированными на своей матери; их поведение характеризуется фактом, что они не стремятся «соблазнить» активно никакую женщину. Если отец жив, оба мужчины находятся в постоянных спорах, потому что неумение отделиться от матери, чтобы пойти к другим аффективным и сексуальным объектам любви, доказывает, что мальчик не сублимировал – в дружбе на равных для своего отца – свою предэдипову гомосексуальность.

¹ Разделить родителей эквивалентно для бессознательного «убить отца».

Следовательно, бессознательно он детерминирован тем, чтобы «быть побитым» своим отцом в перепалках, которые он ищет.

Когда отца больше нет и мальчик себя «посвящает» своей матери, это поведение может сопровождаться реальными социальными сублимациями в связи с видами деятельности, производными от вытеснения генитальной и прегенитальной сексуальности, но этот мальчик не может вести себя сексуально и аффективно, как взрослый. Он страдает от чувств неполноценности в сравнении с мужчинами, которых он бессознательно идентифицирует со своим отцом; он может быть гипергенитальным, все время жадным до новых партнерш, к которым он не испытывает никакой реальной привязанности, но оказывается импотентным в попытках коитуса с любой женщиной, которую любит сентиментально, потому что она ассоциируется в его бессознательном с инцестуозным табуированным объектом.

Разрешение эдипова комплекса. Подводные камни

Вот почему Сверх-Я у мальчика принимает очень рано большую силу¹; причиной того является жизненная необходимость для вирильности вытеснить гетеросексуальные влечения, имеющие целью фаллический эротизм в материнской «сфере».

Но еще нельзя сказать, что Эдип разрешен, если мальчик, отказываясь от эротической фиксации на своей матери, сохраняет потребность искать гомосексуальные аффективные удовлетворения пассивного порядка (соблазнение отца); малейшая из его агрессивных или символических деятельностей, ассоциированных, как они есть, с «запретными вещами», сопровождается тогда страхом кастрации. Сверх-Я говорит, «как говорил бы отец», которому сын подчинен аффективно. Эротические удовлетворения влекут за собой страх, и пубертат становится драматичным. *Отказ от агрессивных влечений в отношении матери должен, следовательно,*

¹ В этом состоит, мы это увидим, большое различие со структурой женщины; оно проистекает из того, что у нее самый первый объект любви — существо того же пола; мы увидим, что это не обойдется без других трудностей: частота латентной женской гомосексуальности.

сопровождаться отказом от пассивных влечений соблазнения в отношении отца. Принятие для мальчика отцовского превосходства, в семье в то же время напряжение всех его усилий, чтобы стать *в мире своих современников* «симпатичным типом» для других и им внушать доверие, распишутся в этом отказе. За ним последуют аффективное безразличие к «вещам взрослых», «комнате» родителей и отсутствие интереса к «другим» домам, «другим» семьям. Оставление родителей для их взрослой жизни произойдет без горечи в ожидании будущего, для которого делается тысяча реализуемых проектов и которое подготавливается практическими занятиями, школьными, общественными, игровыми.

Потеря интереса к сексуальным вопросам происходит сама по себе без столкновений. Ребенок принимает, чтобы не знать об этом больше, и, если он слышит, что другие дети об этом говорят, он слушает, размышляет, не считая себя виноватым, затем часто он забывает, потому что на этой фазе эротического отдыха, каким является период латентности, слова по поводу эротических вопросов не имеют больше для него интереса. Это происходит из-за физиологического отступления либидо, характерного для этого периода, или скорее из-за равномерного потока либидо, которое полностью находит свое использование в видах деятельности, предоставленных Сверх-Я в его распоряжение. Физиологическое отступление либидо у ребенка длится с возраста 7 — 8 лет до пубертата.

Если физиологическое отступление либидо наступает до того, как ребенок осуществил свое аффективное отделение по отношению к отцу, все достижения периода латентности будут иметь целью понравиться отцу, а не стать ему равным, завоевав свое собственное уважение и уважение других. И пробуждение в период пубертата мужских агрессивных влечений либидо вернет мальчика в ситуацию страха. Это поведение, квалифицируемое иногда как «комплекс феминности» у мужчины. Если это нормальные гетеросексуальные биологические влечения, которые во время пубертата одерживают верх над страхом, он должен будет тогда отказаться от успеха в плане сублимаций периода латентности, бессознательно виновных, какими они являются по отношению к женщинам, поскольку приобретение этих сублимаций имело в качестве бессознательной цели вытеснить мать во внимании и привязанности отца.

Или тогда юноша должен запретить себе любое поползновение развития либидо в направлении мужского поведения соперничества, как в социальной жизни, так и в сексуальной жизни, чтобы такой ценой сохранить возможность свободно располагать своими интеллектуальными сублимациями.

Эта установка позднего эдипова комплекса — «зачаточного», если так можно сказать, относительно совместима с социальной жизнью в ее актуальной форме, но она сопровождается достаточно сильным торможением агрессивности в бессознательном. Она способствует наступлению невротизации в течение жизни по случаю фактов и обстоятельств, которые вызывают входение в резонанс еще бессознательно активного комплекса кастрации. Таковы обстоятельства, когда нужно нормально соперничать с отцом или современниками в интеллектуальном, культурном или общественном состязаниях; это бессознательная причина страхов и неудач на конкурсах и экзаменах, в то время как у субъекта есть необходимые способности, чтобы быть успешным. Если сын «успевает» в жизни, говоря в денежном плане, этого не может быть в тех же видах деятельности, что у отца, или в тех занятиях, которые бы он одобрил, если не ценой сексуальной вирильности. Факт женитьбы, т. е. афиширования социального завоевания сексуальной партнерши, — также источник страха. И если ему удастся жениться, он боится появления детей. Они пробуждают в нем такой страх, что он не может вести себя «как отец» по отношению к ним. У него к ним ревность. Он хочет их «не знать», если не уничтожить.

Такое поведение всегда более-менее связано с «комплексом феминности» мужчины или скорее несет печать пассивной и гомосексуальной бессознательной установки, производной от вытеснения эдипова соперничества, а не от его разрешения. Оно встречается у внешне вирильных мужчин, но тех, кто в отношении своих детей, если они у них есть, несмотря на аффективную бедность их гетеросексуальной генитальной жизни, ведут себя как «собственники», а не как «облативные» или «тяготеющие к взаимности». Присутствие детей вокруг них и в их подчинении нейтрализует их комплекс кастрации, который разыгрывается здесь по регрессивному способу анальной фрустрации. Отдаление детей вызывает у них агрессию или меланхолию, сопровождаемую мучительными

чувствами брошенности, которые через проекцию их мстительной агрессивности могут дойти до чувства, что дети их преследуют. Это обеспеченные мужчины, которые лишают своих сыновей средств к существованию, как только те хотят себе создать ситуацию в другом месте, а не в их орбите. Это еще отцы, дискредитирующие своих детей, не признающие за ними никакой личной ценности и любую возможность «справиться» без них в жизни. И эти идеи им необходимы, чтобы нейтрализовать их страх. На самом деле, если бы эти идеи были рациональными, а не на службе бессознательного мотива, успех их сыновей, несмотря на преграды, которые они пытаются часто сами им противопоставить, их бы окончательно разуверил и успокоил бы их страх. Наоборот, кажется, что они уважают себя именно во фрустрированном состоянии, и они действуют, как будто успех их сыновей пробуждает чувства зависти и неполноценности времен комплекса кастрации. На деле это как раз кастрация анального типа, фрустрация объектов, которые им принадлежали и которые они инвестировали либидо на службе эго-поссессивной любви-привязанности архаической анальной стадии, еще действующей в их бессознательном. Когда от них уходят дочери, это их менее глубоко задевает, и они реагируют разочарованным принятием: оно в достаточной мере компенсируется агрессивными оценками в адрес тех, за кем они последовали.

Установка сублимированной и невытесненной гомосексуальности есть установка сексуально и социально равного по отношению к индивидам (родители или другие) того пола, что и он сам. Это имплицитно *реальную дружбу к обоим родителям*, основанную на объективном уважении, нежность, если они на это отвечают; в любом случае та же самая симпатия *а priori* к ним, так же как и к другим. Эта установка возможна лишь (с точки зрения бессознательной детерминации), когда сын бессознательно оставил преследование своей матери как объекта завоевания по агрессивному типу и своего отца как объекта завоевания по типу пассивного соблазна. Он позволяет себе в глубине души не придергиваться мнению отца, и это не делает необходимым, чтобы он стремился быть

[Эго-поссессивная любовь — ориентированная на захват и обладание.]

См. примечание на предыдущей странице.

наказанным, афишируя без пользы подрывные идеи. Он чувствует себя внутренне свободным. И в особенности он перемещает эксклюзивный интерес к своему отцу или мужчинам его семьи на других мужчин и мальчиков, либо в качестве соперника он пытается их «побить» (успешная учеба, победы в спорте, в драках), либо в качестве ученика он ими объективно восхищается, позволяя себе судить о них.

Из этого вытекает, что по отношению к отцу неполноценность сына принимается тогда совершенно естественно в том, что в ней есть реального, в точности как для любого индивида, и при этом не происходит пробуждения садистического агрессивного соперничества, острого чувства неполноценности, отказа им восхищаться, если объективно он это заслуживает — наоборот.

В момент своего эдипова комплекса в 6 лет мальчик реально уступает своему отцу в силе и средствах завоевания; он должен, следовательно, это принять и прекратить, а не отложить, борьбу за материнский объект любви, т. е. сублимировать свой эдипов комплекс. Мальчикам, которые не разрешают свой эдипов комплекс, не удается судить о своем отце, какой он есть, с его недостатками и достоинствами, продолжая его любить, не пробуждая страх кастрирующего Сверх-Я.

Очевидно, что ребенок в момент своего вхождения в период латентности не может обладать тотально объективной установкой, но он может отказаться от *всякого необоснованного чувства неполноценности и всякой агрессивности по отношению к родителям.* Принять свою настоящую неполноценность в том, что она имеет непоправимого, борясь, чтобы победить любую неполноценность, над которой он может в этом возрасте одержать победу; жить для других, а для самого себя подготовить будущее — это единственная установка, совместимая с модусом генитально-облагивной любви-привязанности для сексуальности у мужчины, как и у женщины.

Это полное разрешение эдипова конфликта, которое освобождает сексуальность мальчика вплоть до его бессознательного, сопровождается отделением. Это ни сознательный протест против одного из родителей или против обоих, ни разрушение («сжечь, чему поклонялся»), это пойти дальше в своем развитии с этими самыми энергиями либидо, которые послужили, чтобы инвестировать

объекты, которые бросают, т. е., следовательно, «справить по ним траур», принять внутреннюю смерть завершившегося прошлого во имя настоящего, столь же богатого, как и оно, если не больше, в удовлетворениях либидо и с полным обещаний будущим.

Клинически это разрешение комплекса Эдипа выражается в социальном, семейном, школьном и игровом поведении, характеризующем хорошую адаптацию, нормальном «нервном» состоянии, с отсутствием нестабильности, страхов, кошмаров и ночных ужасов и полным исчезновением всякого любопытства, озабоченности и активности по отношению к сексуальности в одиночестве. Аффективная жизнь мальчика происходит в основном вне семьи. Нет заметных конфликтов ни с отцом, ни с матерью.

Социальное поведение отмечено многочисленными инвестициями: (товарищи, учителя) на них перемещены амбивалентные, агрессивные и пассивные влечения, ранее предоставленные отцу — девочки, сестры товарищей, с которыми он счастлив вести себя маленьким чемпионом, которым восхищаются.

Игры отныне коллективные, и, если ребенок занят один, то объективными прагматическими видами деятельности, сложным конструированием или чтением правдивых историй. Из коллективных игр преобладают игры со сложными правилами: в войну, где он всегда в чине, полон воинственного авторитета, облечен правом жизни или смерти для своих подчиненных и пленных вражеского лагеря; игры в жандарма и воров (грубые, шумные игры), и если на воздухе, в правилах игры всегда есть бег, преследование, поиск приключений. Правила содержат «уставы», назначение административных чинов, уголовных санкций. Девочек принимают в эти игры, но всегда в качестве «дублера» мальчика; они помещаются в тыл. Намечаются смешанные дружба, и «девчонки» — для того, чтобы стоять в воротах, стоять на стороже, чтобы быть санитаркой. Он относится как к трусам к тем, кто на них нападает, и др., но сам забавляется тем, что пугает их, терроризирует, а потом утешает, защищает, дает конфеты, короче пользуется своей властью соблазнителя и победителя по типу любви-привязанности, еще рыцарскому и ревнивому, окрашенному инфантильным садизмом до пубертата, который отметит наступление поиска взаимных отношений любви между мальчиком и девочками.

Вес кастрации у мальчика

Мы видели, как ведет себя перед лицом страха кастрации мальчик, у которого механизмы защиты были соблюдены.

Мы видели в предыдущей главе обычные запреты, которые накладывают при мастурбации. Но скажем, что простое неодобрение чрезмерного онанизма, т. е. сексуальной сенсуальности, которая не сопровождается магическими угрозами и которая не изрекается любимым взрослым (мать), не является столь травмирующим. (Мало детей этого избегает; домашние, другие дети берут на себя «в отсутствие» матери заботу предупредить ребенка.)

Настоящая «кастрирующая» мать — это та, что противится в какой-то степени внешнему телесному утверждению того, что характеризует мальчика (штанишки с ширинкой, короткие волосы, строгость вкуса в его одежде), и в то же время — аффективным и игровым проявлениям, характерным для поведения мальчика (смелость, сила, напускная грубость, гордость за свой пол, гордость за успех в новых интеллектуальных или физических занятиях, содержащих определенный риск).

Если мать осуждает или не ценит характерные для мужчин виды деятельности из «страха, как бы он не сделал себе больно», она ему приводит постоянно в пример более младшего или более пассивного ребенка: «посмотри, какой он послушный»; если она вздыхает, видя, как ребенок растет: «ты больше немой малыш»; или сожалеет, что он не девочка, как хотела еще до его рождения; все это, идя от матери, самого важного персонажа из всего его окружения, разнозначно для мальчика быть виноватым за малейшее из своих занятий, вытекающее из его фаллической сексуальности. Это все равно что имплицитно ему сказать, даже когда запрет на мастурбацию никак не был выражен: «Я бы тебя любила, если бы у тебя не было видимой вирильности». Чтобы понравиться своей матери, мальчик пытается подчинить свое либидо этой мутляции, результатом тому будет сверхактивация его страха кастрации, поскольку второй фактор, от которого он зависит¹, испытывает усиление.

Одним словом, все, что стесняет ребенка в его *природных* механизмах защиты от страха кастрации, влечет вредоносные, антисоциальные аффективные реакции, явные или нет, характеризующиеся отказом от усилия и подчинения общим правилам. В сфере эротического мы присутствуем при регрессивных перемещениях либидо на эрогенные зоны прошедших стадий. Будет энурез, плохой аппетит, обжорство — в самых лучших возможных случаях; или если эта эротическая бессознательная регрессия вызовет строгость взрослого — гастро-кишечные заболевания, тики, что заставляет взрослого пожалеть ребенка, лечить его. Цель оправдывает средства. Средство (болезнь), неприятное, оправдывает цель: «обладать» взрослым, перехватить его сочувственное внимание за отсутствием его восхищенного уважения. *Это мазохистические реакции, по поводу которых, к сожалению, идут к врачу, а не к психотерапевту.* Однако это регрессивные невротические симптомы. Лекарства лечат следствие, а не причину.

Та мать, тот отец, когда страх идет от одного из них, являются патогенными и идут против своей родительской роли, которая состоит в том, чтобы «возвысить» ребенка. Это они *заставляют* ребенка регрессировать к пассивной стадии, уретральной, анальной или оральной — к аффективному поведению, сопутствующему этим прошедшим стадиям.

Систематический запрет насмешками или «резонированиями» детских мечтаний о всемогуществе может играть ту же кастрирующую роль, что и угрозы сексуальных мутляции. Если ребенку *нужно* вообразить себя могучим, чтобы компенсировать свою неполноценность, поможет ему не искусственное лишение этой компенсации или ее экстерниоризация; его оценят, позволив ему одержать в реальности маленькие победы, которые будут оценены. Простодушие, впрочем, наигранное взрослыми, когда они забавляются тем, что участвуют активно в выстраивании фантазмов или разыгрывают в плане реальности мифоманьячные выдумки ребенка, является столь же кастрирующим (симуляция «женитьбы» во время комплекса Эдипа), ибо ребенок будет вынужден отдать себе однажды отчет, что его обманули, что над ним посмеялись. Он потеряет доверие, которое имел к взрослым, и даже не сможет далее стремиться завоевать их одобрение, которое оказалось без

¹ См. на С. 75.

реальной ценности. Негативизм, досада, агрессивные протесты, торможение любви-привязанности, аффективное отставание могут от этого последовать.

Позже в плане всех интеллектуальных и социальных действий комплекс кастрации войдет в игру; интерес ребенка вытекает из его сексуального любопытства и его амбиции сравняться с отцом; любопытство и амбиции виновны, пока комплекс Эдипа не разрешен.

В школе особенно будут видны торможения в работе: мальчик станет неспособным фиксировать свое внимание. Это неустойчивость школьника, столь частая, — источник для него стольких выговоров.

Счет, в частности, ему покажется трудным; счет ассоциирован в бессознательном с «отношениями» (похожесть, различие, превосходство, равенство, недостаточность) — в задачах, какими бы они ни были; а орфография ассоциируется с «наблюдением», благодаря которому «видят» ясно. (Ср. рисунок №1, С.163 о соотношениях между словами¹.)

Невозможность привязаться в период, когда они его интересовали, к проблемам родительских «отношений», рождения детей *во имя чувства вины*, возможно, повлекло с вытеснением либидо, которое обслуживало это любопытство, бессознательную ассоциацию: *внимание = любопытство = ошибка = наказание = фрустрация любви объекта любви-привязанности = страх*. Сверх-Я, которое формируется, запустит, чтобы избежать возвращения страха, бессознательный механизм защиты: *невнимание* само, в свою очередь, непреодолимо без страха.

В этих случаях *частные уроки* могут — не разрешая ничего — помочь ребенку приобрести какие-то школьные знания, потому нормальная, социальная ситуация соперничества с другими более не добавляет дополнительного элемента страха. Но у всех этих детей обнаруживается *заметная детскость*, устойчивость аффек-

¹ Страницы с домашним заданием по счету у одного из моих маленьких невротических больных, отстающего по арифметике, испещрены кортиками и сценами, представляющими человека, который всаживает нож на уровне полового члена у персонажа, меньшего по размеру, лежащего и завернутого; а в первый раз, когда этот ребенок заговорил со мной о своем отце, это было, чтобы мне сказать, что он всегда занят цифрами, когда дома.

тивного инфантильного поведения (агрессивного или ласкового), отсутствие независимости или, наоборот, независимость непокорного нестабильного или агрессивного нрава, т. е. независимость, которая не освобождает и не позволяет им привязываться к новым объектам аффективного интереса вне семьи или к прагматическим видам деятельности. У всех этих детей мастурбация есть «озабоченность», либо они прячутся, чтобы ею заняться, либо они сопротивляются «искушению». Их эротизм, фиксированный на них самих, их аффективность, блокированная в конфликтах внутри семьи, вызывают невроз.

Настоящая неполноценность ребенка усугубляется, ибо она — не только неполноценность всех детей по отношению к большим. Он менее сильный, менее хитроумный, чем мальчики его возраста, и он реагирует, завидуя им или избегая их, или — то и другое вместе. Он экстериоризирует это чувство в соответствии с единственной агрессивной установкой, которая ему остается позволенной, — той, где риск минимальный; он становится хвастуном и мифоманом. Он делается недоверчивым, чтобы восстановить равновесие бессознательной амбивалентности. У мальчика — страх к другим, он не может соперничать с ними. И достаточно ему решительно запретить мастурбацию во имя опасности, у него появляются фобии и ночные ужасы в противовес своей вытесненной агрессивности, спроецированной на других. Если ему удастся полностью отказаться от либидо своего пола, он избегает детей своего возраста, гуляет с младшими, с которыми он ведет себя как диктатор или пассивно — соответственно тому, «балует» его мать или нет, т. е. позволяет ему или нет невротическую регрессию. Проигрывая свое честолюбие в садистическом анальном магическом плане, он может «стащить» деньги, предметы, которые ему кажутся ценными.

Обязательно комплекс кастрации будет входить в игру всякий раз, когда ребенок попытается успешно сделать что-нибудь в области мужественных занятий; особенно если он любит свою кастрирующую мать, *мальчик потерпит неудачу* — поранится, — например, что будет символически равнозначно тому, чтобы доказать матери, что он уже кастрирован и что нет никакой необходимости его наказывать, как это делают с девочками. На самом деле его неудачи, сопровождаемые ранами и шишками, когда мальчик приходит жаловаться

вместо того, чтобы все вынести молча, сыграют как раз роль, которую они были предназначены сыграть бессознательно: *наказать ребенка, усилив его чувство неполноценности*. Любимый взрослый унизит его, будет над ним насмехаться: «Я же тебе говорил(а), тебе не надо было быть непослушным», — что равнозначно отбиранию любви; или же будет его жалеть сверх меры — полечит, приголубит. Он воспользуется этой неудачей, чтобы указать ребенку на еще большие риски для будущего, если он возобновит свои опыты в спорте или драке, в то время как посредством пассивности и неподвижного послушания он заработает любовь мамы или папы, что хуже.

Сравнительная сексуальность девочки и мальчика в течение этапов либидо, которые предшествуют фаллической стадии

Мы описали развитие сексуальности у девочки параллельно с мальчиком до фаллической стадии. Это одновременное описание позволено потому, что для детей, каким бы ни был пол, поиск удовольствия в отношениях либидо с матерью и отношениях либидо с неживым внешним миром вначале представляет одно и то же. Пока гонады не дошли до зрелости, гедонизм либидо находит свою цель в самом себе. Поведение определяется исключительно *природным эгоизмом*, потому что он является наиболее экономичным средством для психизма, чтобы достичь утоления влечений.

Можно сказать, что на оральной стадии Я «нейтрально»; не будучи еще способным на объективность, ребенок проецирует на внешний мир свои собственные переживания, свои собственные влечения, свою собственную манеру думать и быть. Взрослый воспринимается как генитально недифференцированный, потому что ребенок не знает еще морфологических характеристик полов.

Девочка, однако, в течение раннего детства с оральной стадии в ее активном периоде проявляет меньшее количество агрессивных влечений по отношению к пассивным влечениям. Не думаю, что девочка менее способна на активность влечений, чем мальчик, но мы судим извне об активности из выражения, что нам о ней дает поведение, и в этом случае определенно мальчик более «явно» активен, чем девочка, потому что его влечения находят большее внешнее

выражение, успокаиваются менее быстро, чем у девочки, в случае, если они не приводят сразу же к гедонической цели. Что касается внешнего поведения, это выражается тем фактом, что девочка быстрее падает духом в активной борьбе, но это не означает, что она бросает пассивную борьбу. Пусть пассивные влечения превалируют в нормальной амбивалентной любви-привязанности и активные влечения менее способны на агрессивность, результат у девочки тот, что ее *практическое и аффективное поведение* при соответствующей энергии либидо является специфически *более статичным, чем поведение мальчика*.

На анальной садистической стадии, квалифицируемой как захватническая, мальчик использует свою мышечную агрессивность, чтобы *захватывать*, девочка этим пользуется, чтобы *перехватывать*. (Один пример: естественный жест, чтобы бросать мяч, — это ладонью к земле для мальчика; ладонью, повернутой вверх, — для девочки.)

На фаллической стадии, характеризующейся амбицией, мальчик *идет на преследование* того, чего он добивается, девочка *ждет страстно*, чего она желает, и каждый их двоих вкладывает в это поведение все агрессивное либидо, которым располагает. В одних и тех же видах деятельности и внешне похожих поступках, даже в «нейтральный» период, если хотите, их сексуальности девочка четко отличается от мальчика. Даже манера, как дети, например, ведут себя в кукольном театре, характеризует это различие. Знают, что гиньоль! Сейчас будет получать удары: мальчики в движении, беспокоестве, кричат, трепещут, девочки подстерегают, они замерли, не сводят глаз с гиньоля, они готовы сказать слово, чтобы его предупредить, но они не рискуют потерять из виду ни одного удара палки. Позже в активных играх с песком, например, девочка играет в кулички и разного вида лепку, украшает ракушками; она уходит, оставляя их, не разрушая. Мальчик любит делать глубокие ходы, горки, которые он затем с радостью разрушает.

В возрасте социальных игр девочки играют в классики (следуя шаг за шагом за камешком и забирая его), жонглируют мячами, в то время как мальчики играют в «кто дальше бросит камень», в дого-

[Гиньоль — персонаж лионского театра перчаточных кукол.]

нялки, в игры в мяч, где правила всегда включают подобие охоты или кулачного боя.

Это преобладание в пассивном либидо и в аттрактивных агрессивных влечениях, характеризующее позитивную установку Я девочки, имеет свое следствие в манере, посредством которой она показывает себя негативной. Есть всегда у мальчика убежание вперед или агрессивное сопротивление, в то время как у девочки, если только она не страдает неврозом, есть отказ продвигаться вперед, пассивное сопротивление. В фантазмах женщин обнаруживаются те же самые характеристики: они себя «видят» богатыми, знаменитыми актрисами и т. п.; мальчики воображают, что они «начнут» внизу социальной лестницы и посредством подвигов «станут» могущественными, одерживающими победы над всеми соперниками, которые у них вымаливают милости.

ДЕВОЧКА

Борьба против страха кастрации. Подводные камни

На фаллической стадии девочка обнаруживает, что есть дети, снабженные «как *его там*», которого у нее нет. Это к трем с половиной годам. Мальчик об этом еще не подозревает. Она начинает с того, что отрицает факт. Потом она этому завидует, но остается убежденной, что *это отрастет*. Большею частью времени, особенно если есть брат в доме (старший или младший), девочка пытается «увидеть» эту пресловутую «штуку», поиграть с той, что у младшего брата. Потому что видеть и играть — это уже немного «иметь» для либидо с пассивной доминантой.

Но она чувствует себя обделенной и, как мальчик, вменяет в вину факт сексуального калечения матери. Желание пениса становится темой ее фаллических мастурбационных фантазмов, и в зависимости от модуса амбиции, присущей ей, она «ждет» со страстной надеждой, что это отрастет.

Редко, чтобы девочка никак не проходила через период эксгибиционизма, она поднимает свои юбки и хочет показать себя голой, чтобы все ею восхищались. Как будто факт, что ею восхищаются, ей

позволял бы идентифицироваться с теми, кто на нее смотрит. Если они смотрят и не удивляются, значит, есть что-то, что посмотреть, половой член мальчика. Если девочка выставляет «ничто», это ее способ «отрицать, что у нее ничего нет».

Девочка трех лет, нормальная, снимая штанишки с куклы, которую я только что ей дала, говорит с видом наполовину насмешливым, наполовину презрительным и, глядя на меня, как будто хочет взять меня в свидетели этого смешного зрелища: «У нее нет пуговики», «она недовольна». Затем, одевая ее, она постановила несколько мгновений спустя сухо: «она злая»; оставила куклу в углу и тут же ушла от меня.

Эта маленькая сцена показывает типичным образом *нормальную реакцию Я девочки со страхом фаллической кастрации*.

Она начинает с того, что пытается отрицать неполноценность, придавая ценность «пуговке», она снимает штанишки тотчас же, даже до того, как на нее посмотреть, с куклы — подарка женщины-матери. Она разочарована и оскорблена, проецирует свои чувства («она злая») на куклу и говорит о них достаточно громко, глядя на взрослого; затем, проникнувшись презрением к подарку, который пробуждает первый фактор страха кастрации — отсутствие фаллоса, — она теряет интерес к этому подарку женщины и заботится о том, чтобы дать увидеть ясно этому причину. «Она злая» означает также, что кукла — это как мальчики, для нее в этот момент. (В том смысле, что, как они, «она ей напоминает о ее боли». «Они неумные, мальчики, они злые, они не интересные».) Это плюс к глубоким резонансам — вина, — которые сопровождают всегда для девочки страх фаллической кастрации («она {девочка} злая»).

Наконец, не интересоваться подарком от женщины — это еще показать, что мать злая, когда ей дает куклу, которая испытала ту же судьбу, что она сама, и даже хуже.

Но комплекс кастрации у девочки не может быть полностью параллельным и обратным комплексу мальчика; ибо здесь роль взрослого соперника играет женщина; но *фаллическая* кастрация больше не является для женщины угрозой (то, чем она является для мальчика), но фактом.

Из этой нехватки вытекает безопасность, дело в том, что девочка может без опасности для своей сексуальности идентифици-

роваться с «той, у кого этого нет»; «угроза» фаллической кастрации не попадает в цель.

Отсюда эти важные дифференциальные данные, а именно:

Если комплекс кастрации подвергает опасности сексуальность мальчика, он раскрывает, наоборот, сексуальность девочки.

У мальчика *страх* кастрации — вещь «счастливая», которая предшествует Эдипу и вводит его.

Комплекс кастрации, напротив, влетает в Эдипа; он опасен и вреден, если остается.

У девочки *страх* опасен до Эдипа; он может помешать Эдипу нормально устроиться¹.

Когда девочка замечает свою фаллическую кастрацию, она инвестирует свою мать усилением пассивного либидо, чтобы завладеть ее нежностью. Она использует больше сублимированного агрессивного либидо для овладения знаниями взрослых. Это, может быть, причина, по которой девочки говорят лучше, и у них раньше, чем у мальчиков, более богатый словарь. Девочка реагирует на фаллическую фрустрацию механизмами, аналогичными тем, которые она употребляла на анальной стадии, чтобы завладеть нежностью взрослых.

Но каким бы терпеливым ни было ожидание, каким бы испу-
нительно пассивным (или агрессивным с требовательностью) ни

¹ Так не будет, как мы это увидим, с висцеро-вагинальной кастрацией. Комплекс кастрации у девочки состоит из двух отличающихся друг от друга фаз: первая — фаллическая, вторая — вагинальная; только последняя влетает в драму соперничества с матерью в соответствии с комплексом.

² Рискую повториться, вернусь, чтобы сказать другими словами, к этому относительно трудному пассажи, который является, наряду с различием *комплекс — страх* (рассмотренному выше, примечание С. 75), краеугольным камнем всего изложения: для девочки «честь» — быть кастрированной фаллически. Это не означает, что позже она должна будет кастрирована висцеро-вагинально. Но в этом как раз сочленение: что если слишком большой *страх* фаллической кастрации помешает ей войти в *комплекс* кастрации (которая, как мы сказали, даже у девочки сначала фаллическая — ср. примечание, С. 84), вагинальной инвестиции не произойдет.

Вот почему мы говорим, «что если комплекс кастрации подвергает опасности либидо мальчика, он раскрывает либидо девочки». Или еще, иначе говоря, если хотите: «Комплекс кастрации — мальчик не знает, что с этим делать; девочка, наоборот — это то, что ее задает как женщину».

было поведение дочери, мать-фея безжалостна и не принесет про-
симого подарка; и что еще девочка открывает — что она должна от
этого отказаться навсегда: у девочек никогда не будет пениса, у ее
матери тоже никогда его не было.

Поскольку реальность противоречит мастурбационным фан-
тазмам клитора, возбуждение клитора приносит уже только разо-
чарования: напоминание неполноценности и отсутствие надежды; и
мастурбация клитора оставлена. Но мы знаем, что неудовлетворен-
ное либидо должно найти другой выход.

Дезинвестирование фаллической эрогенной зоны не может осуществляться у девочки без компенсаций. Действительно, от-
каз от мастурбации клитора сопровождается перемещением на лицо
и все тело интереса, ранее проявляемого к клитору. Тогда появляется
очень маркированно у девочки любовь к украшению, прическам, бан-
там, коронам, цветам в волосах, бижутерии, которой себя украшают,
чтобы бессознательно компенсировать сознательно покинутый фал-
лос. Девочка украшает себя сначала, чтобы «нравиться» себе самой,
и это часто с объективной точки зрения достаточно малоэстетично,
но она считает себя красивой и смотрит на себя в зеркале с восхи-
щением.

Это желание нравиться, которое приносит ее самолюбию удов-
летворения и позволяет отказаться от фаллических прерогатив, при-
мирять ее в то же время с мужским полом. Она отказывается счита-
ть мальчиков «злыми», потому что она хотела их кастрировать или
чтобы мать "их кастрировала (по ее «доносу»); к ней возвращается
доверие к себе, и она может тогда сказать, что сумеет воспользо-
ваться силой мальчиков и пап. Она пытается тогда их завоевать, и
это начало эдиповой ситуации, в которой еще нет ничего конфликт-
ного. *И через зависть к пенису девочка идет к мужчинам* и чтобы
завладеть восхищением тех, кого она считает выше и привлекатель-
ными для своей матери¹. Ее мать потеряла часть своего престижа
с того времени, как она знает, что та кастрирована, как и она. Она

¹ При условии, если в родительской паре нет невротической инверсии: слабый
отец, сведенный к нулю в доме своей женой. В этом случае мужская сексуальность
(которая не только — вопрос генитальной морфологии для ребенка, но вопрос аг-
рессивного превосходства в поведении) останется приписанной ее матери, даже
тогда, когда она узнает позже объективную анатомию.

более не устрашающая, но только более способная и большая, она «дама», но интенсивное чувство вины, которое она могла пробудить в ребенке своими упреками и наказаниями, потеряло свой болезненный и вызывающий страх характер.

Очень важно, чтобы девочка справила «свой траур» по мастурбационным фантазмам клитора, домоганиям фаллоса, которые они скрывают, и чтобы она приняла окончательно без горечи, что не мальчик. Иначе она сможет вытеснить во имя запретов своего Сверх-Я фаллическую сексуальность, но останется навсегда существом с болезненной чувствительностью — восприимчивой, готовой страдать от чувства вины и острого чувства неполноценности, прибавленных к амбивалентности в аффективности, которая ей никогда не даст момента успокоительной разрядки.

Либи́до, энергетическое течение которого не иссякает, будет вынуждено регрессировать и реинвестировать предыдущие эрогенные и аффективные позиции, откуда происходят определенные нарушения характера, симптомы перверсии или невроза, в зависимости от того, будет иметь место или нет вытеснение сексуальности.

Счастливое разрешение — это вагинальное инвестирование. Девочка, которая спонтанно называет клитор своей «пуговкой» (как многие девочки его называют), которая вспоминает о сладострастных ощущениях, которые его возбуждение ей доставляло, обнаружила также через зависть к грудям матери возбуждение эректильных частиц соска, других «пуговок». Я была много раз свидетелем при консультациях в педиатрии частоты мастурбации соска в то время, когда «доктор» аускультует девочек. Когда генитальная мастурбация не была запрещена во имя стыда и грязи, она определенно перемещает желание иметь пенис на желание иметь «большие животы, как у мамы» (см. Тот, С. 225) — чтобы нравиться самим себе, будучи такими же, как дамы, нравиться папам и «кормить» своих кукол. Нам позволительно думать, что мастурбация грудных сосков сама по себе может пробудить вагинальную корреспонденцию, которая ведет девочку к открытию «маленькой дырочки в кабинете» (см. случай Дениз, С. 229) и вагинального вместилища, символизируемым дамской сумкой как характерным атрибутом.

В случае, когда вагинальная эрогенная зона становится центром переживаний либидо девочки, сопровождаемых, как у

них бывает, эдиповыми фантазмами, мы присутствуем при расцвете аффективного и культурного развития. Девочка продолжает все более и более стремиться идентифицировать себя со своей матерью, потому нет более ничего непоправимого, «оскорбительного», ничего, что физически ее обесценивает по отношению к матери, кроме возраста. *Идентификация из амбиции*, которая более не окрашена фаллическими фантазмами, но фантазмами женского честолюбия, становится источником радости, а не чувства вины более. Если ее мать женственна, она даст разрешение ребенку на усвоение всех видов деятельности, которые сделают ее постепенно равной: шитье, домашнее хозяйство, музыка, танцы, песни, рисунок, игровые достижения в школе, социальные достижения хорошего воспитания не из притеснения, но чтобы дать больше доверия девочке к себе, по природе застенчивой и все еще готовой при неуспехе почувствовать пробуждение вызывающих страх переживаний фаллической фрустрации.

Само дезинвестирование матери в плане либидо еще не сопровождается агрессивностью, ибо нет конфликта; девочка менее чувствительна к тому, что говорит и делает мать, чем к тому, что идет от ее отца, если мать не проявляет в этом реальной ревности; нежность, глубокое восхищение и полное доверие дочери к отцу еще не повредят приемлемой послушности и достаточно «платонической» любви, которые являются нормальными характеристиками поведения девочки пяти-шести лет по отношению к матери.

Сублимированные, таким образом, агрессивные влечения девочки будут все использованы, и ее пассивные влечения, поставленные на службу аффективности, послужат ее желанию нравиться и покорять сильных взрослых, которые смогут ее защитить, и особенно мужчин и больших мальчиков — тех, у кого есть сила, которой нет у женщин. Единственное средство, чтобы покорить, это хвалить своего отца (согласно механизму проекции — она хвалит, чтобы ее хвалили). Она борется таким образом против матери и против мальчиков. «Папа гораздо сильнее, чем они, и папа предпочитает меня, это значит, что я лучше». Она становится гордой за свой пол.

«Вагинальные» женские игровые фантазмы оказывают влияние на игру в куклы. В 3 года девочка предпочитала малень-

ких кукол, чтобы их было много старых, разодранных¹. В 5 лет она любит, чтобы у нее была одна-две куклы — часто столько кукол, сколько детей в семье. Она проявляет к ним те же реакции, что у нее есть бессознательно. Проецируя, таким образом, свое чувство вины на другую (которую она бранит и иногда наказывает очень садистически), она избавляется от агрессивных влечений, которые ее Я не может вынести. *Она так начинает строить свое Сверх-Я, которое «говорит», как мать, но ее строгость — всего лишь ответ внутренней агрессивности ребенка.*

В символизме вагинальных мастурбационных фантазмов больше не идет речи о ворах, отрезанных пальцах (см. рисунок), но о *кольце на пальце*, кольце с бриллиантом, бросающим тысячи огней, как солнце (отцовский символизм), и его ей дает принц, потому что он у нее находит все качества принцессы, т. е. «женщины», способной стать *королевой*.

В то же время девочка становится все более кокетливой со своим отцом или с одним из дядей, субститутотом отца, и открыто заявляет, что он будет ее мужем, что у них будут дети. К сожалению, реальность все еще здесь. Мать — не злая фея, которую принц изобличит; это жена папы, и девочка явно ниже ее. Комплекс Эдипа менее драматичен у девочки, чем у мальчика, потому что если враждебность по отношению к матери больше, она более глухая. Есть много фантазмов, где она «убивает» свою мать, где она «ее раздавливает», есть много семейных конфликтов, во время которых она ведет себя несносно с матерью и пытается ее поставить в положение виноватого, чтобы открыто ее вытеснить в любви отца, но она замечает, что отец ее порицает. И, будучи менее деспотом, чем мальчик, на этой стадии эдипова соперничества девочка не проявляет по природе длительной предприимчивой агрессивности. Ей удается часто отказаться от эдипового соперничества до периода латентности, но реально нельзя сказать, тем не менее, что она разрешила свой эдипов комплекс, потому что она может вполне оставаться в хороших отношениях со своей матерью и при этом

¹ Куклы-фетиши, относящиеся к перемещенному экскрементному анальному и уретральному инвестированию.

² Против несравненной взрослой женщины, которая нравится отцу.

оценивать выше своего отца — немного как влюбленная, которая страстно *ожидает* прихода того, кого она любит, готовясь его принять.

Чаще всего, когда у отца нет невроза и он естественным образом нежен с дочерью, этого достаточно для ее счастья, по меньшей мере, до пубертата, и для того, чтобы облегчить хорошие социальные отношения с ее ровесниками-мальчиками. И только в тот момент, когда немного более заметные эдиповы конфликты заявляют о себе и даже тогда, когда отец стимулирует свою дочь создавать новые дружеские связи среди мальчиков, и он к этому не ревнует, дочь перейдет нечувствительным образом от своего отца к его субституту в любви-привязанности — молодому человеку. Она разрешит тогда свой эдипов комплекс и никогда не испытает из-за этого большого страха, поскольку под опекой своего отца девочка *не боится больше* оставить без внимания препятствия, которые ее мать может поставить на пути ее генитальной сексуальной жизни.

Открывая тайну рождения, девочка беспокоится по поводу страдания, которое это приносит, и испытывает страх: вот вторая фаза комплекса кастрации у девочки — это *страх вагинальной кастрации или скорее висцеро-вагинальной*.

Если мать не невротична и дает дочери нормально раскрепощаться, все происходит хорошо. Если, напротив, мать подрывает доверие к себе, необходимое для девочки, мешает ей, например, одеваться, как она хочет, выбирать развлечения, культурные мероприятия в согласии с социальной средой семьи, вполне согласующиеся с полом девочки; если она ей представляет материнскую жизнь как череду болезненных ощущений (и это не так редко), любовь — как

¹ Это как раз потому, что девочка «ожидает», что эдипово соперничество будет для нее менее драматичным, чем для мальчика. Она находит в глубине самой себя гораздо меньшую инициативу для враждебности, значит — для страха и вины по отношению к родителю того же пола.

² В настоящее время я предпочитаю говорить о страхе эвисцерационного изнасилования. См. «Доклад для Дней Амстердама о женской судьбе генитального либидо» («Rapport pour les journées d'Amsterdam sur le destin féminin de la libido genitale»), сентябрь 1960, В: Psychanalyse, P.U.F.

западню, супружескую жизнь — как череду обязанностей без радостей компенсации, то бессознательное чувство вины в отношении к матери приводят девочку к патологическому *комплексу вагинальной кастрации*. Это выразится устрашающими фантазмами: ее проглотит зверь, в тело ей войдет нож, ее живот прорвется или взорвется. Может произойти *регрессия* либидо, но девочка может еще *бороться против этой* главным образом женской *вагинальной кастрации* отказом от своего нормального женского нарциссизма или проекцией своей агрессивности против матери относительно «фатальности», уверенностью в своей *некрасивости*, непривлекательности и в *невозможности* соперничать с женщинами — то, от чего, однако, если она не мазохистка, она не захочет отказаться сознательно. В сновидениях такие ситуации могут символизироваться отсутствием или выпадением зубов, волос (девочка безоружна перед матерью). Однако в самых благоприятных случаях — тех, когда не было слишком сильной регрессии, но только внешняя репрессия, терпеливо перенесенная без отказа от пассивного сопротивления — девочка в момент, когда за ней будут ухаживать, вернется к своему развитию туда, где оно осталось. Период латентности приводит тогда к отступлению либидо, которое успокаивает эротическую сексуальную озабоченность, и Сверх-Я разрешает свободное взаимодействие агрессивности и пассивности без страха и стыда. Сексуальность не воспринимается как что-то ужасное, но как тайна, сохраненная для девушки, кем она готовилась стать с хорошим самочувствием и радостной естественностью существа, не страдающего неврозом¹.

¹ В религиозном пансионе девочка ожидала рождения маленького брата или сестры, в дортуаре завязалась беседа на эту тему. Девочке десять лет, живой и умной, просвещенной своей матерью о реальностях зачатия и естественного рождения через генитальные пути матери, противопоставила в присутствии других категоричное опровержение очень любимая молодая монахиня. Обвиненный во лжи за слова о том, что знает об этом от матери, которая не может говорить подобные ужасы, ребенок не отказывался от своих слов, и инцидент наделал много шума в пансионе.

Срочно вызванная мать приехала за своим ребенком. Та приняла ее с упреком: «Почему ты мне сказала неправду?»

Мать молчала, стоя перед настоятельницей в смущении и своей взбунтовавшейся дочерью, не зная, что ответить.

Когда в период пубертата она узнает с гордостью, благодаря месячным и набуханию груди, что она стала женщиной, соперничество с матерью завершится завоеванием свободы вкусов, одежды, культурных сублимаций. Последние очень часто центрируются вокруг детей, и *рождение ребенка, следствие «любви»*, не будет больше ее пугать, напротив.

Преобладание пассивного либидо не позволит девочке устремиться одной в социальную жизнь. Она может только подготовиться к тому, чтобы нравиться, используя агрессивное либидо, имитировать всех женщин, которые, как она видит, нравятся мужчинам, использовать свои качества соблазнения и ждать того, кто придет и кого она в своих романтических фантазмах видит в чертах того или другого, кем она восхищается молчаливо и страстно. Однако, когда он появится, она будет страшиться пойти за ним и сделает так, чтобы он заслужил ее и завоевал. Если мальчик нормальный сам по себе, они познают вместе взаимное удовольствие раскрыться один через другого, это будет период флирта, который подготовит стадию облативной генитальной любви.

— Но мама, что правда?

Настоятельница тогда взяла слово и сказала:

— Ваша мать сказала правду, дитя мое, но это секрет — вашим подругам, лучше воспитанным, не следует этого знать.

Девочка тогда бросилась в руки своей матери и сказала:

— Тогда Сестра такая-то? Это ужасно, что она знает теперь, я не должна была ей об этом говорить, так как у нее нет права иметь ребенка, я ей сделала слишком больно, сказав, что она могла бы их иметь. О, мама, как я могу ее утешить? Она теперь всегда будет грустной, а ведь она такая милая. Если бы она знала это о детях, она бы наверняка не стала монахиней, а сейчас слишком поздно!

И так как мать и настоятельница, очень удивленные, не говорили ни слова, девочка продолжала — думая лишь об этой молодой монахиня:

— Не нужно, чтобы она мне верила, лучше, чтобы она забыла. О, да, если бы я знала, что она не знает, я бы не сказала, но другие девочки, они говорили, что это отвратительно — делать детей. Скажи, мама, ведь это не грязно? Ты мне говорила, что это было красиво, а сестра сказала, что ты солгала.

И здесь опять утешила ребенка сильно взволнованная сценой настоятельница, сказав ей:

— Ваша мать права, дитя мое, это очень красиво быть матерью.

И у матери она попросила прощения:

— Не все дети такие же чистые, как ваша малышка, и многие родители были бы шокированы, что их дети были осведомлены.

Если есть недостаток отцовской любви и присутствия мужчин, девочка может или сублимировать свою аффективность, которая не отзовется в активном или созерцательном мистицизме, или же остаться так вечно в ожидании и неспособной изменить внешние события, если мужчина, субститут отца, не придет к ней на помощь, чтобы пробудить спящую красавицу.

На самой заре облативной стадии способ, которым мужчина сумеет ей внушить доверие к самой себе, обладать ею без грубого обращения, завершит инвестирование вагинальной зоны через знакомство с оргазмом, который ее привяжет сенсуально к тому, кто ее с этим познакомит, и аффективно — к тому, кто ей даст ребенка. Она будет внутренне способна тогда отделиться бессознательно от своей матери, она станет ей равной; однако даже тогда, когда она дошла до самой совершенной объективности, на которую она способна на генитальной стадии, девочка остается всегда привязанной к своему отцу с особой нежностью, и ее занятия, какими бы они ни были, подчинены одобрению и ободрениям мужчины, которого она любит.

Мальчик, наоборот, в юном возрасте может, не идя против нормального развития своего либидо, направиться на социальный путь, который мать не одобряет, и вынести страдание, каким для него является ее неодобрение. Во взрослом возрасте он может вести тотально генитальную и облативную сексуальную жизнь и не иметь одобрения в строго материальной области своей профессии женщиной, которую он любит.

Дело женщины — это главным образом и единственно общее дело с тем, кого она любит, на облативной и генитальной стадиях. Дело мужчины — то же самое, но у него еще остается достаточно свободного либидо, чтобы использовать его на чисто личные занятия, хотя они ему также служат для того, чтобы он приобретал большее значение, отдавая больше самого себя в общее дело.

Иначе говоря, на самых завершенных известных нам стадиях аффективным мотивом мужчины является «дать от себя» в общее дело пары, а аффективный мотив женщины — это «отдать себя» этому делу.

См. примечание, С. 52—53.

Вес кастрации у девочки

Итак, мы видим, что настоящие опасности кастрации у девочки предшествуют комплексу Эдипа и даже мешают ему нормально устроиться.

Две вещи могут произойти: либо то, что фаллическая неполноценность девочки никогда не будет ею принята, что она никогда не будет радоваться тому, что она девочка, и всегда будет сожалеть, что не мальчик; либо защитный механизм (нарциссическое инвестирование тела), который следует за обесцениванием пениса, не будет разрешен (взрослыми или явной физической неполноценностью, которая не позволяет идентификацию с матерью). Эта идентификация с матерью или нормальной женщиной необходима для наступления вагинальной эрогенности, которая только и позволит войти в эдипову ситуацию. Она тогда уберет барьеры вагинальной фригидности женщины, которая во всех случаях, что я наблюдала, является отсутствием вагинального инвестирования гораздо больше, чем импотенцией из-за регрессии.

*Первый подводный камень: комплекс вирильности
(вагинальная нечувствительность)*

В случаях, когда вагинальная эрогенная зона никогда не была инвестирована либидо (что случается, когда защитные механизмы Я против первичного страха фаллической кастрации потерпели неудачу), помимо вагинальной фригидности, наблюдается захватническое поведение, которое может направляться только на мать — всегда с некоторой степенью органического или морального бессознательного мазохизма, — на обоих родителей или только на отца, но без попытки соперничества с матерью с помощью женских видов оружия. Эта борьба происходит с культурными и интеллектуальными видами оружия, которые являются в социальной среде девочки уделом мальчиков. Фрейд дал имя комплекса вирильности невротическому синдрому, который из этого вытекает. Это невроз характера. Есть всегда большая обидчивость, иногда скрытая, агрессивная зависть к тем, кто «имеют больше», чем они, аффективное амбивалентное отношение к обоим полам и отсутствие сознательно-

го интереса к генитальной сексуальности, что выражается в полной вагинальной фригидности и, соответственно тому, что Я сильное и более-менее наделенное большой возможностью к сублимациям, более-менее маркированным мастурбационным дезинвестированием клитора. Клитор остается инвестированным в случае, когда есть запрет на агрессивность из-за пассивного использования влечений по отношению к строгим или безразличным взрослым.

Комплекс вирильности может, таким образом, дать место в соответствии с толерантностью Сверх-Я к мастурбации клитора в детстве и к явной гомосексуальности в период пубертата, различным клиническим картинам.

Если клитор остался инвестированным либидо, его реальная морфологическая недостаточность есть постоянный случай для бессознательного страдания, сознательного стыда для девочки быть тем, что она есть, быть «некрасивой». Она реагирует отрицанием страха и «убеганием вперед» в амбициозной борьбе, соперничает с мальчиками в одних и тех же видах спорта, видах деятельности, учебных дисциплинах, что и они. Это регрессия или стагнация либидо на этой стадии во время латентного периода, и она дает этим женщинам вкус к мужским карьерам; при пубертатном росте либидо должно регрессировать к предыдущей стадии или удовлетворяться в мастурбационных практиках в одиночестве или лучше лесбиянских¹.

Если Сверх-Я не разрешает мастурбацию, мы увидим в период пубертата, как эти девочки все более становятся «стыдящимися», болезненно робкими, фобическими; у них недостает доверия к самим себе до такой степени, что они не могут быть успешными ни в одном из видов деятельности, в котором они себя показали способными раньше, потому что малейший неуспех их делает — из-за чувства вины и чувства неполноценности, присущих страху фалли-

¹ Так выражаются юные девушки, даже очень красивые, которым завидуют из-за красоты. Они у себя находят какой-нибудь эстетический изъян, под наваждением чего находят.

² Позже это, если они выходят замуж, фригидные женщины, требовательные или отданные на заклятие жертвы по отношению к мужчине, а еще больше в своем материнстве, со своими детьми кастрирующие матери, породительницы семейных неврозов.

ческой кастрации, — нечеловечески неумолимыми по отношению к самим себе. Этой крайней робости на людях (или крайнему фанфаронству, что то же самое для бессознательного — доказательство °ЩУЩ^{***}° и неполноценности) наследует в подростковом и взрослом возрастах неспособность соперничать с другими женщинами. Так как нарциссический защитный механизм не имеет права действовать (поскольку от фаллической мастурбации пришлось отказаться очень рано в детстве), их Сверх-Я им запрещает использовать возможности женского обольщения, которые заставили бы их войти бессознательно в соперничество с всемогущей, магической, кастрирующей, обожаемой и ненавидимой матерью, усиленным эхом которой стало их Сверх-Я. Кроме того, происходит регрессия в архаичных эrogenных зонах, в которых разыгрывается по символическому типу отказ от генитальной сексуальности (запор, спазмы, гастро-кишечные заболевания, несварения, рвота).

Короче, комплекс фаллической кастрации разыгрывается в анальном и оральном планах реинвестированием прошлых эrogenных зон. Всякий раз, когда происходит новый инстинктивный толчок либидо, на любой запрос из внешнего мира (предменструальные возбуждения, сексуальные отношения, замужество, ребенок) в плане органических и аффективных деятельностей вместо того, чтобы инвестировать вагинальную эrogenную зону, женщина реагирует невротически негативным функциональным симптомом на уровне прошлых эrogenных зон: анорексия — запор — боли.

Чувства фрустрации, самые близкие к фаллической фрустрации, берут на самом деле хронологически и аффективно свое начало в воспитании анальной чистоплотности, и это, возможно, причина, из-за которой непринятие своего пола, бессознательно ощущаемое фригидными женщинами, ассоциируется почти всегда со стойким запором, единственным симптомом, по поводу которого они консультируются с врачами. Те удивляются, что их терапевтические усилия остаются unsuccessfulными. Некоторые, однако, замечают, что их пациентки «поддерживают» свой запор несвоевременными слабительными или несоблюдением их предписаний. Если врач «засветился», они идут к другому или постоянно меняют лекарства. Этот анальный эксгибиционизм, эта постоянная забота о функционировании их кишечника им необходимы. Это средство, благодаря кото-

рому они себе «мастурбируют» символически анальную эрогенную зону и выводят таким образом свое Я из генитальных интересов либидо, столь болезненных для их нарциссизма. Они переносят вынужденно и с отвращением наскоки своего мужа, если они замужем, у них бывают любовники лишь для того, чтобы из них извлекать материальные выгоды — или свободно обходятся без мужчин, вступая в соперничество в тех же сферах деятельности, что они. Внешне это «нормальные» женщины, бессознательно они гомосексуальны и не знают об этом, сильно фиксированные на материнском объекте времени их анальной фазы, любви которых они домогаются и не могут вынести, если те их покинут. Если у них есть дети, они — «матери», называемые «образцовыми», корнелевскими, которые кладут на алтарь жертвенности «все» (то есть свою генитальную жизнь, а значит — мужчин и их счастье) этим детям, как они жертвуют своей сексуальностью. Но несчастье тем, кто привяжется к этим детям, или самим детям, если их развитие отделяет их от матерей, ибо они испытают новую фрустрацию от потери своей собственнической любви к этим детям.

У этих женщин амбивалентная гомосексуальная фиксация на матери не допускает свободной агрессивности по отношению к дочери («как будто эта дочь была их матерью»), пока та не осуществит свое сексуальное развитие. В момент, когда их дочери направляются к мужчинам, эти матери реагируют проекцией на своих дочерей своих собственных агрессивных чувств, испытанных по отношению к своей матери во время анальной стадии и своих чувств вины того времени. Они гораздо меньше страдают от ревности, как некоторые думают, чем от горя, от *страха*. Если эти дочери исчезают из их окружения, агрессивность матери, у которой больше нет объекта, поворачивается против нее самой в форме меланхолии, чувства брошенности, чтобы нейтрализовать потребность в наказании, бессознательно солидарную фрустрацию либидо.

Для своих мальчиков они более свободны в своей аффективности и могут выражать свою агрессивность против них, не боясь, что она затем повернется против них самих. Они любят их дразнить, когда те маленькие: слова, которые они употребляют, чтобы их ругать или бранить, обычно (и даже в кругах хорошего воспитания) заимствованы в анальном садистическом словаре: «евин, поросенок,

гадкий, гнусный». Они любят им угрожать воображаемыми опасностями порядка кастрации: «ты заболеешь» — «ты меня убиваешь» — по поводу любой инициативы, предпринимаемой юным мальчиком. В случае, когда он от них вырывается, у них есть при чувстве фрустрации компенсация выказывать официально женщинам, за которыми они ушли, открытую вражду, которая их предохраняет от возврата на них самих агрессивного влечения, как это происходит в случае дочерей.

Все это касается модальностей вирильности, которые имеют исходной точкой аффективную стагнацию девочки посредством фиксации на обоих родителях (бессознательно рассматриваемых как одинаково фаллические) или только на матери.

Если девочка аффективно фиксирована только на отце и при этом она никогда не инвестировала в плане либидо вагинальную эрогенную зону, она не может бороться с помощью общего нарциссизма лица и всего тела против страха фаллической кастрации. Комплекс вирильности тогда исключительно силен, девочка представляет амбивалентную инфантильную аффективность с характером хорошего ребенка и мальчишеским, но резким Сверх-Я, запрещающим ей малейшие попытки идентификации с матерью и женского соплазнения по отношению к отцу (ибо для бессознательного это представляет принятие своего пола): и с эго-собственнической любовью-привязанностью она добивается фаллоса для самой себя и пытается тогда идентифицироваться с мальчиками. Во время пубертата это инвертированная установка эдипова комплекса, и тогда видно, как сексуальное соперничество разыгрывается аффективно в точности, как будто девочка является мальчиком, проживающим свой эдипов комплекс. Она избегает женщин, сближается с мужчинами, чтобы попытаться идентифицироваться с ними, но из-за бессознательной агрессивности у нее — кастрирующее поведение по отношению к ним, и оно их отдаляет от нее. Она обречена на одиночество (ср. Случай Моник, С. 254).

По видимости, это происходит лишь в случае сильных анальных предгенитальных фиксаций на невротичной матери, вирилизированной самой, и требует помимо этого, чтобы отец, сам сексуально незаконченный и не способный на генитальную любовь-привязанность, способствовал в своей дочери раскрытию вирильных качеств.

В отсутствие физической инвалидности, объективно мучительной для нарциссизма девочки, такой невроз характера всегда связан с семейным неврозом.

В любом случае, если естественные диспозиции к интеллектуальным или мышечным сублимациям служат ее Я, она может достичь значительного успеха в школе, но страдает постоянно от страха и чувства неполноценности, вытекающих из страха фаллической кастрации. Это происходит даже в случае, когда есть культурный и сексуальный успех (садо-мазохистическое обладание слабой женщиной или мужчиной ниже ее, которого она содержит), может, даже особенно в этом случае, потому бессознательная вина по отношению к мужчинам, которая является результатом ее желания, никогда не удовлетворенного, быть равной им реально во всех планах, постоянно пробуждает страх в форме смертельной ревности перед этими ее объектами любви.

Я знаю хорошо, что в этом случае многие врачи и даже сами заинтересованные женщины думают, что здесь есть гормональный органический вклад. Это возможно, но мы убедились, что психоаналитическое лечение этих аффективно гибридных существ дает абсолютно замечательные результаты. Нужно сказать, что комплекс *вирильности* — возможно, один из наиболее мощных мотивов для женщины начать психоанализ, потому что в ее глазах речь идет о новом средстве фаллической власти (проникновение), ради которого она бесстрашно соглашается на то, что ей кажется садистической и магической операцией.

Если у Я нет диспозиций для сильных интеллектуальных и культурных компенсаций, ни в отношении ручной или мышечной ловкости, комплекс вирильности принимает менее явный вид. У девочки, неспособной идентифицироваться с мальчиками, наблюдаются нарушения характера — такие, как торможение активности или аффективности с возвратом бессознательного к анальной стадии, пассивные влечения на службе захватнической и ревнивой любви-привязанности и агрессивные влечения, полностью используемые Сверх-Я, чтобы садистически относиться к мазохистическому Я. Поведение всегда инфантильное, и социальные отношения представляют собой ткань из агрессивных ссор, нежных примирений, где никогда не бывает ничего объективного ни в жалобах, ни в склон-

ностях, которые одинаковым образом работают как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам.

Итак, мы видим, что если девочка не разрешит страх фаллической кастрации, если она видит себя «принужденной» принять или скорее терпеть свой пол как издевательство, это оставит в ее аффективности всегда открытую рану, которая будет воскресать при малейшей реальной неполноценности в жизни. Страх фаллической кастрации, сопровождаемый чувством вины, неизбежно будет запускаться во всех случаях, когда он покажется «естественным», потому что это войдет в резонанс с чувством вины в связи с женскими амбициями, которые она не разделяет.

Если, напротив, она разрешит страх фаллической кастрации, благодаря женскому нарциссическому реинвестированию и обнаружению вагинальной мастурбации, она сможет продолжать идентифицировать себя с матерью, и аффективная амбиция, характерная для этого возраста, будет обслуживать вагинальные фантазмы в согласии с нормальным развитием женской сексуальности. Так, она сможет отказаться от того, что было преувеличенно пассивного — может быть, мазохистического в качестве очищения, — добавленного к ее природной пассивности в поведении со взрослыми.

*Второй подводный камень:
фригидность из аффективного инфантилизма*

Приняв раз свою женскость, благодаря, как мы сказали, защитному механизму, который состоит в реинвестировании нарциссическим либидо личности в ее целостности, возникает второй подводный камень для девочки. Дело в том, что это нарциссическое отступление не препятствует инвестированию вагинальной эрогенной зоны либо потому, что мастурбация вызвала строгие выговоры взрослых, либо потому, что отец отсутствует в семье (умер или разведен) или потерял интерес к своим детям.

Девочка, агрессивные влечения которой имеют мало динамической силы, никогда не найдет тогда — какими бы ни были попытки соблазнить — средства завладеть вниманием мужчин. Будучи в этот момент нормально «закрыта» матери, она может все время оставаться в нарциссической установке, аффективно и

культурно инфантильной. Но причина тому, возможно, — недостаточность конструкции Я в анальный садистический период из-за воспитательной недостаточности или слишком большой строгости воспитателя; оба эти обстоятельства запрещают девочке перемещение экскрементных и мышечных аффектов либидо на виды деятельности в культуре, которые бы ее идентифицировали с матерью¹.

Можно задать себе вопрос, не проходит ли нарциссическое реинвестирование лица и тела (защитный механизм, сопровождающий разрешение страха фаллической кастрации) через глобальную регрессию либидо на оральной стадии. Я встретила дважды с верой детей в то, что сыновья были детьми пап, девочки — детьми мам. Этот возврат к детскому нарциссизму является, возможно, для девочки средством обладать свойствами фаллической силы отца по пассивному оральному способу (с аффективной точки зрения), как грудной ребенок женского рода обладал чертами матери. Это не будет результатом агрессивности эдипова конфликта (которого еще не было), но полной *дезинвестицией* матери через настоящее бесознательное отрицание либидо: невозможность далее идентифицировать себя с существом, которое разочаровало, обесценивание или отрицание всех достижений Я, производных от любви-привязанности, в которой мать была центром.

Эта возможность изменить схему идентификации могла бы объяснить также меньшую природную объективность женщины, в то время как девочки, однако, проявили на анальной стадии и при первых школьных достижениях в 5—7 лет реалистичный и позитивный ум, в основном более высокого уровня, чем у их ровесников-мальчиков, что очень хорошо знают учителя смешанных школ. Это может еще объяснить, почему *Я женщин чаще всего слабее*, чем у мужчин, и способствовало бы также объяснению, почему *их Сверх-Я рудиментарно* (за исключением случаев неврозов)²;

¹ Матери с комплексом вирильности провоцируют у дочерей проявления аффективной инфантильности. Они, становясь матерями, вызывают у своих детей ранние неврозы страха, ответственные за соматические или психические расстройства или за те и другие.

² И в силу этого мотива («что у них нет Сверх-Я» — когда им удастся его не иметь) они столь любезны к мужчине. «Можно все туда поместить» — «это

откуда большая легкость, с которой женщины адаптируются во взрослой жизни к среде, весьма отличной от той, что до сих пор была их средой, и без страданий им удается идентифицироваться с образом, на который тот, кого они любят, просит их походить. Это может объяснить часто встречающийся природный дар к языкам, пению, театру, танцам, который проявляется больше или меньше у всех молодых женщин.

Если в этой нарциссической установке, какая должна быть в норме стадией развития либидо, девочка не находит отца (Пигмалиона), чтобы ее сформировать и сделать из нее женщиной, если имеет место недостаточность мужской аффективности в ближайшем окружении ребенка, или если мать очень невротична и чернит отца, девочка, отказавшаяся от матери, потому что она больше не может ее инвестировать в плане либидо, возвращается к аутизму в ожидании лучшего. Это может быть объяснением исключительного мистицизма в период пубертата и отсутствия нормальных романтических фантазмов.

В этом случае вагинальная зона сенсibiliзируется, но может также не быть совсем пробуждена, во всяком случае она не сенсibiliзируется элективно, и женщины, которые могли стать сексуально совершенно нормальными, если с аффективной точки зрения они бы нашли мужчину, который бы занялся их образованием, остаются фригидными или полуфригидными всю свою жизнь, с многочисленными функциональными психопатологическими нарушениями в момент инстинктивных запросов либидо, месячных, предменопаузный период, менопаузы. Впрочем, после дефлорации или первого ребенка проявляются нарушения из серии колитов у женщин, с ним ранее не знакомых. Они — несомненно, следствие прогресса женской сексуальности, виновной в глазах Сверх-Я сексуального партнера. Действительно, есть много муж-

даст плоды». И наоборот, женщина заморожена тем, что в Сверх-Я есть от неопределенной цивилизации. Эта биполярность, несомненно, одна из данных пары, своего рода диалектика «ничего» и «всего», которая действует тем лучше, чем больше ... они распарены.

И из-за того, что у нее нет Сверх-Я — из-за того, что у нее его меньше, — женщина предстает «полной грации», т. е. присутствия. Обратите внимание, насколько ребенок, у которого нет Сверх-Я, тоже полон грации.

чин, которые предпочитают, чтобы их законные супруги были или делали вид, что они фригидны. Это те, кто остановился в плане либидо на границе фаллической стадии. Эти конфликты между нормальной женской чувствительностью, которая требует утвердиться, и запретами супружеской этики «умственно отсталого» партнера, бессознательно пробуждают посредством регрессии конфликты садистического периода и чувства неполноценности страха фаллической кастрации.

Если эти женщины остаются девственницами, невротические заболевания появляются лишь при менопаузе и по способу, производному от онейрической семиологии оральной фрустрации: страх одиночества, страх пропустить что-то, страх потерять свои средства нарциссической защиты¹, страх, провоцирующий новую вспышку ребяческого кокетства по инфантильному образу многочисленных разнородных и часто неэстетических украшений. В случае, когда в распоряжении Я — лишь культурные сублимации, требующие отменного физического здоровья, эти «старые девы»² страдают психоневротическими заболеваниями галлюцинаторной или онейрической серии.

Наоборот, если у кого-то из этих инфантильных вторичных нарциссов первым сексуальным партнером будет мужчина старше ее по возрасту, выбранный по модели отца, и если он будет на генитальной стадии, женщина может осуществить свою эдипову фиксацию на нем и только в этот момент войти в конфликт со своей свекровью и матерью или устраивать сцены ревности своему мужу по поводу бывших любовниц. Ее настоящий отец будет вмешиваться аффективно для нее не иначе, как в качестве сателлита ее матери, едва инвестированного либидо. Лишь после этого периода конфликтов и в случае, если она откажется от эготизма и «примет участие» в генитальной любви-привязанности, она сможет придти к облативности, присущей генитальной стадии.

¹ Стареть — что питает коммерческую деятельность институтов красоты.

² Они бывают среди женщин, которые находятся замужем за супругами-опекунами и которые, став или не став матерью, остались фригидными и инфантильными.

Мы видим в целом, что развитие женской сексуальности сильно отличается от развития мужской сексуальности, начиная с фаллической стадии. Сверх-Я мужчины формируется, чтобы разрешить сплетенные вместе комплекс Эдипа и комплекс кастрации. Его целью является дать избежать Я возврата страха кастрации, который бы был запущен переплетением эротической и аффективной агрессивности и пассивности по отношению к объекту любви — амбивалентность, которая не позволит ни физиологического автоматизма полового акта, ни мужского социального поведения в жизни. Кроме того, мальчик оказывается в неблагоприятном по сравнению с девочкой положении в том смысле, что в семьях, где слишком рано запрещают фаллическую мастурбацию, он не имеет больше в своем распоряжении эрогенной зоны для инвестирования и может лишь регрессировать к этим архаичным стадиям, кастрирующим для его вирильности.

Отказ от генитального эротизма в эдиповой аффективной атмосфере, какую представляет, следовательно, часто для мальчиков социальная адаптация до пубертата, объясняет частоту невротических симптомов и нарушений характера у них. Динамизм их агрессивных влечений отзывается их бунтарской установкой против страха кастрации в семье, школе и обществе.

Напротив, у девочки есть тайные средства бороться (торможение, пассивное сопротивление), и если она борется с невротическими реакциями комплекса вирильности на службе мощного Я, у нее никогда не бывает проявлений социальных нарушений или нарушений характера до пубертата. Ее интеллектуальная и культурная агрессивность даже тогда вызывают (до того, как она достигнет пубертатного возраста) восхищение ею взрослыми и победные удовлетворения самолюбия над своими ровесницами, фаза латентности которых проходит в активной пассивности или скорее в женской активности, которая кажется менее блестящей, и она такова иногда с чисто школьной точки зрения, что не так у невротически маскулинизированной девочки. Это, несомненно, объясняет, что в консультациях мы имеем на приеме в пропорции семь мальчиков и одну девочку(!), в то время как позже психопатология женщин более представлена, чем у мужчин (фригидность, запоры, мигрени ит. п.).

Можно тогда спросить себя, не является ли Сверх-Я в итоге защитным механизмом, обязанным все-таки латентному остатку страха сексуальной кастрации у индивида, который бессознательно не разрешил до конца свои прегенитальные конфликты.

Строгость Сверх-Я у девочки, которая не инвестировала вагинальную эрогенную зону посредством неразрешения страха фаллической кастрации, в сравнении с отсутствием Сверх-Я у девочки, которая его разрешила, но остается аффективно инфантильной до того времени, когда она проживет свой эдипов комплекс или свою менопаузу и, следовательно, не узнала страха вагинальной кастрации, являются клиническими фактами, которые, как кажется, поддерживают эту гипотезу.

Не исключено, что у взрослого с точки зрения либидо существа, т. е. достигшего доминирующей облативной генитальной стадии, Сверх-Я будет рудиментарным или даже отсутствующим, а энергии либидо — все на службе Я, мотивированного в своем поведении влечением к Идеалу, ось которого, расположенная у источников его сексуального гения, неразрушима.

Но такой человек, если он существует, вероятно, никогда не изучался психоаналитиками, потому отсутствие у него эгоизма заставляет его согласиться совсем не решать человечески неразрешимые проблемы и не впадать при этом в невроз.

IV. ЭНУРЕЗ

Возможно, удивляет частота энуреза. Этот несомненно удачный симптом, благодаря которому приводят детей, — об их неврозе не знали бы без него — не имеет сам по себе единственного значения.

Он означает как минимум стагнацию или возврат на уретральную садистическую стадию, т. е. ту, что предшествует фаллической стадии. *Он сопровождается аффективной регрессией с предэдиповыми озабоченностями по одному или нескольким пунктам, усложненной самой по себе чувством вины, потому что в большинстве случаев даже в регрессивном плане влечения не находят достаточного выхода. Энурез может также выражать регрессию к еще более архаичной стадии.*

Стойкость или возврат энуреза есть, стало быть, избирательный симптом для тех, кто не может позволить себе либо мастурбацию, либо амбициозные фантазмы, и кто бессознательно живет в эротизированной садо-мазохистической зависимости.

Для энуреза нет *одной* психотерапевтической установки, потому что она была бы нацелена на результат, а не на причину.

Только изучение общего аффективного состояния ребенка позволит судить, на какой стадии он находится и перед лицом какого препятствия он регрессировал.

Так, энурез должен в определенных случаях быть *соблюден*, несмотря на требование родителей и сознательное желание ребенка *в течение всего времени, необходимого для того, чтобы дать развиться либидо ребенка (благодаря переносу) до уретральной садистической стадии, началу фаллической стадии. И только тогда* можно будет без опасности для будущего добиться дисциплины мочевого пузыря. Требуя это слишком рано, врач сыграет роль кастрирующего родителя.

В соответствии с тем, что мы только что сказали, *есть случаи, когда мы получим немедленные или быстрые результаты* без последствий в виде нарушений характера или когда устранение энуреза за один-два сеанса будет безопасным для бессознательного. Это будет энурез у детей с маркированной агрессивностью поведения вместе с нестабильными результатами в школе, но иногда хорошими или отличными. Это на самом деле ситуация, с которой мы встречаемся *в разгаре нормального неразрешенного эдипова комплекса*.

Если, наоборот, эдипова установка поменяла направление (поиск пассивного соблазнения родителя того же пола), следует раньше пробудить право на соперничество с ним, помогая нашему маленькому больному (в плане реального) заработать восхищение матери (в данном случае наше, психоаналитика) и стимулируя в этом нашу маленькую нахалку понравиться папе, стимулируя кокетство, доверие к себе (право скрывать от психоаналитика нечто, если тот — женщина); и мы начнем с того, что будем минимизировать важность энуреза, симптома, который считается унижительным всеми детьми. Так, на следующем сеансе, когда реальный прогресс в поведении не принесет результата для энуреза, нам следует разуверить родителей и ребенка. Ведь мы просили «несколько сеансов»¹. Чтобы доверились нам, как и ребенку.

И только когда ребенок вернется в нормальную эдипову ситуацию, тогда можно будет *во имя* эдипова удовлетворения (доставить удовольствие маме и нам самим или папе, если это девочка, или чтобы показать себя большой девочкой в глазах мамы, которая этому не верит) попросить у ребенка легкое тогда аутоусугубившее усилие (думать об этом, ложась спать). *Если оно получится*, страх, исходящий из комплекса кастрации, последует с неизбежностью, хотя ребенок будет сознательно доволен результатом. Он выразится либо через *функциональные нарушения* (головные боли, зубные боли, усталость), которые столь справедливо относят

¹ Ср. Случай Жерара. Случай Клодин [С. 234.].

² Ср. Случай Ролана [С. 196.].

³ Это значит несколько недель в этом методе психотерапии с сеансами раз в неделю.

на всегда открытый счет «роста», либо в *страшных сновидениях* с кастрационным символизмом, либо посредством *механизмов самонаказания*, либо еще в *нарушениях характера*, нацеленных на то, чтобы вызвать наказание. Но мы будем *тогда* в состоянии *разрешить* этот страх, атаковав эдипов комплекс в рациональном плане и давая ребенку — которого мы освобождаем от его чувства вины — культурные субституты, сублимации, к которым, чтобы доставить удовольствие нам и родителям, он охотно присоединится, если он обрел доверие к себе, и это потому, что биологический толчок либидо согласуется с сексуальными удовлетворениями, приносимыми сублимациями.

Если ребенок на пассивной анальной стадии (эксcrementное недержание мочи и кала), следует позволить ребенку *общее* агрессивное *поведение*, прежде чем просить у него принести в жертву локальный гедонизм сфинктерных эрогенных зон. И по исчезновении этих функциональных симптомов мы сможем судить, выздоровел ли ребенок, лишь если ему меньше четырех лет.

Если ему больше четырех лет, несмотря на исчезновение симптомов (что достаточно для родителей), его можно считать психически выздоровевшим, лишь если он вступает в свой комплекс Эдипа, и нужно будет следить за ним и остерегаться рецидивов².

Если ему 6–7 лет, его следует довести до формирования и начала разрешения эдипова комплекса посредством нормального переплетения с комплексом кастрации — факт, за которым последует дезинвестирование эдиповых объектов, чтобы перенести нагрузку либидо на дружбы и сублимации в школе, играх, труде и интеллекте, многообещающими в социальном успехе в дальнейшем.

Если речь уже идет не о маленьком ребенке, но субъекте в период латентности, более-менее близком к пубертату, т. е. если больной, страдающий энурезом, перешагнул нормальную хронологическую стадию комплекса кастрации, нам нужно будет изучить в согласии с Я манифестации, которые Сверх-Я сделало неузнава-

¹ Ср. Случай Бернара [С. 187.].

² Толчок страха несколько месяцев спустя после выздоровления может вызвать рецидив симптома энуреза под прикрытием «пункта фиксации», к которому ребенок остается сенсibilизированным до разрешения Эдипа.

емыми, но которые, на взгляд психоаналитика, передают неразрешенные конфликты.

Так, у молодых людей, не разрешивших свой нормальный эдипов комплекс, но *вытеснивших* его во имя слишком сильного комплекса кастрации, встречаются латентные, бессознательные гомосексуальные манифестации. Такое-то Сверх-Я, например, разрешает, начиная с семи лет, товарищеские отношения лишь между индивидами одного пола, исключая другой. Товарищеские отношения между двумя полами оцениваются как виновные или неинтересные, но реальность состоит в том, что перед лицом индивида противоположного пола защитные механизмы вступают в действие — робость и заторможенный с помощью агрессивности страх и чувства неполноценности. Это показывает психоаналитику, что комплекс кастрации еще активен; следовательно — его следствие неразрешение эдипова комплекса.

Нам нужно будет, следовательно, изучить манифестации в согласии с Я и благодаря переносу модифицировать патологическое Сверх-Я.

Добавим, что многие неврозы страха из-за комплекса кастрации не дают *повода для энуреза*. Дело в том, что завоевание чистоплотности сфинктеров было уже более чем обеспечено, когда появились первые *настоящие* угрозы сексуальных мутилиации, т. е. угрозы, добавленные к эдипову комплексу.

Эти действенные угрозы могут быть — *первая возможность* — угрозами болезней или мутилиации, *изреченных взрослыми* и предполагаемых верными в момент вторичной мастурбации, потому что они пришли от воспитателей, «которые знают все».

Но они могут быть также — *вторая возможность* — внутренними угрозами, вызванными у ребенка проекцией его агрессивности на взрослого того же пола, что и он, во время эдипова соперничества; родителя, с которым он идентифицировался, которого он «интроецировал», чтобы нормальным образом бороться против первичного страха кастрации.

Наконец, *третья возможность*, эти действенные угрозы могут быть вовсе не угрозами генитальной мутилиации или мутилиации рук в связи с мастурбацией, но (идушие от взрослых-воспитателей

или физической или интеллектуальной неполноценности) препятствия для *естественных* защитных механизмов перед лицом первичного страха кастрации, которого, это известно, ни одно человеческое существо не может избежать, поскольку присущие ему влечения либидо являются «относящимися к обоим полам», а практическая адаптация к реальности требует, чтобы он согласился вести себя в соответствии с мужским или женским полом своих половых органов.

Вот почему *энурез может никогда не закончиться*. Ребенок бессознательно отказывается расти, чтобы не отказываться от этих относящихся к обоим полам прерогатив.

Он может, напротив, *почти закончиться* с 2,5 до 4—5 лет и вернуться в момент развития эдипова комплекса. И только с этого момента энурез может быть вменен деятельности комплекса кастрации. Действительно, чтобы был нормальный комплекс кастрации, нужно, чтобы *угрозы влетали* после растерянности, вызываемой констатацией отсутствия пениса у девочки; чувство неполноценности дублируется вторичным страхом кастрации перед табуированным эдиповым соперником. Эти угрозы соотносятся с теми, что мы поместили во вторую возможность .

Для того, чтобы имел место патологический комплекс кастрации (затянувшийся, неразрешенный после 8 лет), нужно, чтобы было пробуждение угроз первой возможности или угроз третьей возможности¹. И нужно еще, чтобы за этим отсутствием естественных защитных средств возникло острое чувство неполноценности по отношению к другим детям того же возраста и того же пола во время наметок еще без комплексов эдиповой ситуации. Отказ от *фантазматического* превосходства по отношению к сопернику не будет возможным, и ребенок будет с необходимостью решительно настроен на отказ *смотреть реальности в лицо*, разрешить свой сексуально кастрирующий эдипов комплекс, а следовательно — регрессировать перед биологическим напором либидо.

Итак, мы видим, что симптом энуреза имеет лишь относительное диагностическое значение. Из него одного, без знания сопровождающего аффективного поведения, невозможно вывести

¹ См. С. 75.

² Там же.

рациональную терапию; кроме того, когда он исчезает, ребенок в основном не излечен от своего невроза, но только на пути к излечению, вопреки тому, что думают родители, у которых «симптом один» вызывает тревогу, и достаточно ему исчезнуть, чтобы они были удовлетворены, не зная того, что этот симптом мутирует в другой, гораздо более регрессивный, как, например: колит, тики, заикание, бессонница или психодвигательная нестабильность с угрозой проявления в будущем перверсных сексуальных или делинквентных социальных поведений; и то, и другое — знаки незатронутого комплекса Эдипа, во всяком случае, еще не разрешенного.

V. СТРАХ СМЕРТИ И СТРАХ КАСТРАЦИИ

^встречается у многих детей страх смерти.

Чтобы следовать за наблюдением, которое мы приводим, нужно видеть, что такое смерть для ребенка.

Для ребенка, который обнаруживает смерть, это не «смерть», он ее не знает — и она, впрочем, для нас всех «немыслима», — она есть фрустрация мышечной агрессивности и аффективной агрессивности, большая, чем другие, т. е. так, как он это понимает: насильная неподвижность, магически очень долгая, и отсутствие любимого существа (значит — аффективная кастрация), также очень долгое.

Боязнь смерти нормальна: смерть нас ожидает всех, наша неполноценность по отношению к ней реальна, мы не знаем, что она из нас сделает, кроме того, что она приведет к исчезновению нашего существа, такого, каким мы его знаем. *Ужас* смерти также «рационален», но может существовать в норме лишь перед ее неизбежностью.

Но страх не зависит от внешних угроз. Доказательством служит то, что эти угрозы становятся действительными, лишь когда встречаются у ребенка чувства разногласия с его воображаемой амбицией.

Юношу 14 лет, Поля, тщедушного и отсталого, по умственному уровню и физическому виду — примерно 9 лет, доставили в «Анфан-Малад» в службу д-ра Даррэ с таким страхом смерти, что поставили диагноз тяжелого менингита из-за вызывающего тревогу диспноэ¹, сопровождающих его обморока, окоченения, болезненного лица.

На следующий день обратили внимание, что это истерик.

Я пришла поговорить с ним, и, говоря прерывисто, постоянно задыхаясь, он мне рассказал, что он дышал так уже два дня и что это было «потому, что в него попал камень, брошенный большим».

Он не помнил, но «это было воскресенье», наверняка.

[Диспноэ — нарушение частоты, ритма и глубины дыхания; одышка.]

На мой вопрос, «почему большой сделал это», он мне сказал, что он сам пытался бросить камень в голову этого «большого», потому что не любил его, а тот ответил.

Но это было уже давно, и он не был уверен, что камень в него попал, однако это было в воскресенье.

Однако утром того дня, когда его отвезли в больницу (тоже в воскресенье), «он видел, рядом с летным полем в Орли, как самолет разбился о телеграфный столб, а столб был вырван из земли». Эти последние слова были сказаны с таким затруднением в дыхании (и он изобразил на лице свой испуг икотой), что я ему сказала:

«Это, может быть, с того момента ты дышишь так, как сейчас. Ты испугался за столб. Ты не знал, что столбы не так уж держатся в земле».

Тотчас же симптом диспноза прекратился. Он мне тогда сказал, что солдаты в самолете были убиты на месте и что самолет мог убить его друзей, испанских беженцев, которые прибыли для того, чтобы не быть убитыми войной в их стране.

Я узнала затем, что «большой» был всего-навсего мальчиком того же возраста, что ему — 14 лет, но у него был вид мужчины. Они ходили вместе на курсы, которые проводили для школьников в Орли, чтобы подготовить из них механиков в военной авиации. Поль был там, «потому что они играют в самолеты», но через несколько недель все ученики должны будут летать по-настоящему и он не хотел больше ходить на эти курсы, он не хотел летать, боялся садиться в самолет, он хотел только «играть» в самолеты. Но его мать платила 6 франков в неделю за эти курсы, сказав, что он должен продолжать.

В первые дни в больнице Поль не хотел ничего есть, думая, что его хотят отравить. Он страдал, что его мать к нему не приходит, и все время говорил о деньгах, каких он ей стоит.

Мама его «била» много, у него были «следы ударов» (?) — Папа, «чтобы он не нервничал», запирает его в темноте. Сестра (моложе на 2 года) «очень плохая, но мама ее никогда не бьет».

Мать, совершенно безразличная и даже враждебная сыну, прикидывалась огорченной, но без всякого жеста нежности к нему. Это была огромная полнокровная женщина, от которой пахло вином. У отца — вроде слабости в сердце, но он никогда не получал пенсии, и его жена считает, что доктора не знают своей профессии, когда

они говорят, что у мужа ничего нет. Он «подхватил это» на военной службе, его пришлось увольнять по слабости, потому что он терял сознание при виде крови, а он был санитаром: «Это его сердце, но он такой дурак, что позволяет доктору выставлять себя» (sic).

Ребенок остался в больнице, и я наблюдала его в течение 10 дней; он чувствовал себя хорошо, был спокойным, ел, и было решено, что он выйдет из больницы, а я продолжу его лечить, но родители его не привели.

Три недели спустя ребенок пришел ко мне домой; он не спал ни секунды в течение нескольких дней, чтобы не умереть, потому что ему надо было быть уверенным, что его сердце бьется. Он был очень тревожный и не хотел отпускать мать. Когда он отпускал мать, он брался за запястье, потому что следил за своим пульсом. Мать, вместо того, чтобы регулярно приводить нам ребенка, как об этом договорились, показала между тем ребенка нескольким врачам, которые все сказали, «что у него ничего нет».

Так как я говорила, что хотела его лечить и принимать его регулярно, она сказала, наговорив много непотребных, грубых слов, что она найдет доктора, который «увидит», что «у него есть» за «один визит». «Врачам нужно знать свою профессию».

Этот ребенок, должно быть, находится сейчас в психиатрической больнице.

В этом фрагменте наблюдения очень ясно видно, что страх смерти был обусловлен страхом кастрации: по отношению к сильному «большому» чувство неполноценности было реальным; камень, который Поль пытался бросить ему в голову, представлял собой фантазм убийства.

Затем он идентифицировал своего врага с авиаторами, которые убивались при этом в воскресенье, но вырывая столб, и именно это было бессознательным травматизмом¹.

¹ Нужно по-настоящему пролечить много детей, мальчиков и девочек, чтобы быть убежденным в глубине их пристрастия к такого рода символизму («вырванный столб»), который нам, взрослым, кажется поверхностной остротой и к тому же неудачной, которую можно высмеять.

«Эта песенка наполняла меня ужасающей грустью:

Мы больше не пойдем в лес,

Лавры срезаны.

Ребенок испугался за столб. Затем он «рационализировал» свой симптом, мотивируя его боязнью, которая им овладела за жизнь своих маленьких друзей-беженцев (безоружных), с которыми он идентифицировал себя и которых самолет мог бы убить в то время, когда они укрылись от войны (как он хочет это сделать в подражание своему отцу).

Несчастный случай принес магическую реализацию пожелания убийства на субститутах взрослого кастратора (большой мальчик, унтер-офицер в Орли).

Мы видим через интенсивную эмоцию, испытанную Полем от вырванного столба, что тот бессознательно представляет его пенис. Сексуальная неполноценность, свойственная ему по отношению к половозрелым мальчикам, вызвала сцену камня, брошенного в голову своего одноклассника. Это неудавшееся покушение повлекло репрессии без жестокости товарища (один камень «должно быть» коснулся его сердца; давно, но это не было несомненным). Что было несомненным, так это то, что было воскресенье и что законная защита «большого» имела результатом *запретить навсегда в плане реального проявление агрессивности Полю по отношению к нему*. У него оставалось лишь воображаемое оружие — сформулировать магические пожелания смерти, центрированные на ближайших полетах, которые большой мальчик должен был совершить, как и он, и по причине этих пожеланий Поль не хотел больше продолжать ходить на курсы теперь, когда речь не шла больше о том, чтобы мастерить деревянные самолеты и играть с ними, т. е. речь не шла больше о представлении, а о переходе к действию.

Интенсивное чувство вины¹ сопровождало магическую реализацию (перемещенную на авиаторов) пожеланий Поля; и вот почему

Объясните же мне эти прихоти детства!», — говорит Жорж Санд (цитируется Х. Дойч²).

¹ Именно «это» «составило» в высшей степени специфично травмирующее событие.

² Не надо забывать, что чувство вины есть в своем начале ментальный защитный механизм против взрослого и внешнего мира, понимаемых как «всемогущие» и «всеполые».

³ [Deutsch, H. Ein Frauenskicksal — George Sand. // Imago. — 1928. — Bd. XIV. — S. 334—357.]

вырванный столб, который последовал за этой смертью, пробудил первичный страх кастрации.

Реальная беспомощность против взрослого, воспринимаемого как всемогущий и «всеполый», привела с помощью защитного механизма Я к магическому всемогуществу мысли.

Поскольку пожелание смерти осуществилось (перемещенное на авиаторов), вырывание столба принимало, тоже посредством перемещения, невыносимую остроту.

Эффективная смерть¹, за которой последовала эффективная кастрация² (вырывание столба из земли), влечет для Поля неизбежную угрозу смерти либидо: страх. Откуда симптомы смерти: выражение боли на лице, уничтожение аффективных влечений вплоть до вегетативного пассивного орального плана, блокировка дыхательных мышц.

Синдром был полезен ребенку «в его среде», где не поощрялось никакое прямое или сублимированное агрессивное влечение. Доказательством этому служит то, что через несколько дней в больнице он утратил свое болезненное лицо, ел (примирился с «хорошей» матерью), хорошо спал и улыбался. Он играл в кровати, вставал во второй половине дня. В то время как в школе он учился в классе детей 10 лет, его поведение с другими и медсестрами было поведением ребенка 3 лет — капризного, нестабильного, недисциплинированного, который искал повода, чтобы его наказали; но все это влекло ругань и не больше. За 10 дней он немного дисциплинировался, создавалось действительно впечатление, что ребенок расцветал. Однако его чувство вины возрастало из-за того, что мать ему говорила в редкие разы, когда приходила, что «он» ей стоит дорого в поездках.

Итак, в больнице ему была разрешена агрессивность в играх и чувствах. В разговорах, которые у меня с ним были, после первого и неожиданного улучшения я натолкнулась однажды на сеанс враждебного мутизма, затем — сеанс ненависти с порнографическими оскорблениями, за которыми последовали слезы и в конце расслабленная улыбка, потому что я ему все это разрешила, не «обижаясь».

¹ «которую Поль пожелал».

² «вызвавшая страх Поля».

Страх смог быть разрешен этими агрессивными разрядами влечения.

Напротив, по возвращении к себе его агрессивные влечения не нашли более разрешенного выхода, фантазмы убийства были слишком виновные и кастрирующие с момента истории с самолетами. И если бы они выразились в поведении или в речи, они бы натолкнулись на фрустрацию материнской и отцовской любви и на фрустрацию пространства, зрения, трогания, деятельности брутто во всех областях, за исключением области вегетативной жизни.

Страх, выраженный диспноэ и дисфагией¹, был рационализирован тем, что приписан «маленькому камню, брошенному в него, может быть, в воскресенье» большим мальчиком, ненавидимым и опасным, и который, должно быть, ранил его сердце. Поль мог бороться только против себя самого, *отрицая «свою» жизнь*. Загнанный внутрь, ребенок не мог больше жить и боялся, что его сердце перестанет биться².

В сновидениях больных, которые мы анализируем, и в фантазмах образ и даже «ощущение» смерти часто примешаны (как это показывает изучение латентного содержания этих сновидений и этих фантазмов) к страху, связанному с сексуальными влечениями. Эта связь страха кастрации и страха смерти есть знак невроза, и я думаю, что тревожная боязнь смерти есть всегда симптом страха кастрации, совсем как тревожная боязнь болезней, когда она появляется у живого существа — если оно не находится объективно при смерти.

Страх кастрации — это переживание *фрустрации либидо*. Он запускается конфликтом между влечениями, агрессивными и пассивными, поставленными на службу сексуальности, запретами из внешнего мира (в раннем детстве) или Сверх-Я (затем).

Но причина страха и конфликт остаются неизвестными для сознательной части Я.

¹ [Дисфагия — затрудненное глотание.]

² Добавим, что так называемая болезнь сердца отца (повод для его увольнения с воинской службы) делала ипохондрический симптом одновременно достойным как средство идентификации с отцом и обреченным на пассивное эротическое мазохистическое сверхоценивание, чтобы обезоружить реальную агрессивность матери.

Так, страх Поля происходит из комплекса кастрации из-за неудачи защитного механизма, необходимого для вытеснения агрессивных влечений. Они ему запрещены потому, что они привели бы с собой амбициозные фаллические фантазмы, даже те, что привели к садистической кастрации, аффективной и мышечной, причиненной обоими родителями. Отец был кастратором из личного страха, спроецированного на сына (чтобы он не нервничал), а мать — кастратор с садизмом и ненавистью к мужскому полу из бессознательной оральной фиксации на своей собственной матери (питье из бутылочки: алкоголизм), которая ей позволяла выносить только идущую от дочери агрессивность.

Когда Поль цеплялся за мать, это было бессознательно, чтобы его за это побили; это бы вызвало у него облегчение, но его мать, к сожалению, сменила свою агрессивную цель — ею стал «врачебный корпус». (До сильного приступа Поля она его никогда не показывала врачу.) У нее был теперь вид, что она идентифицируется со своим кастрированным и отсталым сыном, который никогда не сможет «пойти в авиацию», — то, в чем она никогда не смела себе признать сознательно, и его больше никогда не была.

Когда мазохистическая установка позволена Я садистическим объектом, субъект может посредством идентификации с объектом бессознательно стать своим собственным палачом, и Я боится болезни, преграды для жизни, или смерти, устранения жизни. Это настоящий ипохондрический механизм. Он достаточно хорошо нейтрализует страх.

Но когда мазохистическая установка не позволена внешним миром в объектных отношениях, субъект должен блокировать свое либидо в самом себе, направить свои пассивные влечения, не имеющие выхода на субститут объекта, против своих собственных агрессивных влечений; выхода больше нет. Это полная фрустрация либидо, т. е. смерть такая, какой она явилась ребенку в день, когда он ее впервые открыл; и так как больше не было свободной агрессивности, даже бессознательной, *тема разыгрывается в оральном плане, где отсутствие удовлетворений либидо — это сон*. Больной сознательно выводит равенство сон=смерть из страха уснуть.

Без психоаналитической психотерапии с отделением от семейной среды психическое успокоение может наступить, по-видимому, лишь путем психоза; ликвидация Я решает тогда проблему страха.

Страх, который переводится ментально как «опасение умереть» не есть, следовательно, страх «смерти», но «страх кастрации».

Этот невротический страх есть на самом деле «магическая боязнь» на службе генитальных сексуальных влечений, вытесненных Сверх-Я, движимым комплексом кастрации, и они ищут, как это обычно бывает в данных случаях, выхода в анальном или оральном планах. Это механизм фобии, и должно всегда говорить о *фобии смерти, навязчивой боязни смерти*, когда клинически субъект, органически здоровый, боится умереть.

КЛИНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I. ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТОДА

^ ^ эти, о которых мы будем говорить, были нам в большинстве случаев доверены для лечения в больнице Бретоно доктором Пишоном¹, врачом консультации и психоаналитиком. На специальную консультацию раз в неделю собирались аномальные дети, отстающие — те, у кого были нервные заболевания или нарушения в характере; сейчас консультация хорошо известна родителям и особенно школьным учителям XVIII-го округа².

Это значит, что наряду с детьми, которых нам приводили сразу, потому что их заболевания по своему виду относятся к тем, на которые нацелена эта специальная консультация, многие другие направлялись к нам после консультации терапевта.

Мы хотим показать, что действует лечение, помогая ребенку успешно разрешить свой комплекс кастрации и разрешить свой эдипов комплекс, а не «суггестивное личное влияние».

С ребенком метод свободных ассоциаций невозможен; в анализах используют метод игры, спонтанного рисунка, «разговора», который надо слышать посредством провоцирования разнообразных высказываний ребенка. Когда ребенок задает нам, например, вопрос, мы никогда не отвечаем прямо, но посредством возврата того же самого вопроса: «Что ты об этом думаешь?», и наши выражения ограничиваются несколькими ободряющими односложными словами.

Во время наших консультаций в больнице мы не используем игру, поскольку требуется оборудование, которым мы не располагаем. Нам остается, следовательно, беседа — такая, какой мы ее только что определили, в это время мы стараемся слушать, смотреть,

¹ Доктор Эдуар Пишон, организатор Психоаналитического движения во Франции до войны 1939 года и президент Парижского психоаналитического общества, скончался в начале войны 1939—1945 годов.

² Первая консультация такого рода в больнице, которая сформировала затем школу.

наблюдать, ничего не упуская, жесты — выражения, мимику, слова, оговорки, ошибки и спонтанный рисунок, к которому лично мы прибегаем часто. Через рисунок действительно мы входим в сердце представлений в воображении субъекта, его аффективности, его внутреннего состояния и его символизма. Последний служит нам, после того как мы его без слов поняли, для ориентации «разговоров» с ребенком, для того чтобы прояснить смысл его представлений, когда они являются нелепостями. Мы никогда не даем прямых интерпретаций рисунков.

Символы не служат психоаналитикам ключами к ребусам, как некоторые хотели бы думать. Появление символа недостаточно само по себе, чтобы позволить заключить, что речь бессознательно идет о том или этом. Нужен контекст, аффективная ситуация субъекта на тот момент, когда он дает его; слова, которыми он его окружает; роль, которую этот символ играет в игре, рисунке, сновидении, рассказанной истории.

Мы пользуемся теми же словами, что и ребенок. Когда он употребил символ или перифразу (для нас, психоаналитиков, таящую бессознательный аффективный смысл), мы используем эти самые символы и эти самые перифразы в словах, с которыми обращаемся к ребенку, но следим за тем, чтобы эмоциональное состояние, которое он с этим связывал, было изменено.

И психоаналитический диагноз уточняется лишь в течение лечения, диагноз в начале является симптоматическим.

Если бы кто-нибудь, далекий от психоанализа, слышал, как мы говорим с ребенком, он часто бы счел, что мы говорим абсурдные вещи, бесполезные, что мы говорим «чушь», что мы сами «играем» в ребенка с нашим маленьким больным. Частично этот человек был бы прав: это не те слова, которые бы мы говорили взрослым. Мы не стремимся внушить ребенку наш способ видеть, но только представить ему его собственные бессознательные мысли в их реальном виде. Мы не говорим также на языке «логики», который нацелен на то, чтобы поразить ум ребенка, он еще не является логичным (не будем это забывать); мы хотим говорить с его бессознательным, которое никогда и ни у кого не является «логичным»

Запомним это также!

вот почему мы пользуемся совершенно естественно символическим и аффективным языком, который принадлежит ему и касается его непосредственно.

Легкость, с которой ребенок принимается думать, жить с нами в богатстве воображения, предоставлять нам в своих рисунках свой внутренний мир, рассказывать сновидения, о которых часто он говорит своему окружению, что не помнит; признаваться нам в своих ошибках или рассказывать нам с непосредственностью о своих секретах, которые он не раскрывает никому, — эта легкость, это доверие являются базой нашего терапевтического действия: это *ситуация переноса*. Ситуация аффективного согласия с психоаналитиком, тот становится персонажем — и из наиболее важных — внутреннего мира ребенка в течение курса психоанализа.

Сам по себе *перенос* не служит ничему. Но его использование даст или не даст терапевтическую силу этой новой аффективной фиксации ребенка. Перенос служит терапевту, чтобы изучать аффективные реакции субъекта по отношению к нему и выводить из этого диагноз и терапию, к которой он прибегнет. Сама терапия «пройдет» лишь в переносе. Не стоит полагать, что перенос действует через суггестивное действие врача, ибо *суггестии необходим новый вклад, интеллектуальный и аффективный, в психизм субъекта*, в то время как во многих случаях, даже случаях психотерапии, мы не приносим абсолютно ничего нового ребенку.

На самом деле, если мы даем родителям советы и они их принимают (большей частью по причине доверия, которое мы пытаемся вызвать у них и которое — если не считать вербализацию их бессознательных сопротивлений — использует, таким образом, определенную дозу суггестии), *наша установка по отношению к ребенку другая*. В большинстве случаев он будет полностью неспособен передать ни одну вещь из того, что ему сказал доктор. Он к нам приходит напряженный, тревожный, он проводит какое-то время с нами и уходит довольный, что встретился с нами, иногда успокоенный, иногда молчаливый или веселый, иногда — на время — немного более нервный, чем в начале; редко ребенок уходит с наших бесед с «тем же выражением, что и при прибытии», и эту ремарку мы делаем сами, а также иногда ребенок; во всяком случае, сопровождающий взрослый не преминет ее сделать. Часто только ребенок говорит и

рисует, и мы лишь слушаем. Бывают сеансы, когда мы рассказываем историю, которая похожа на все другие истории. Иногда у нас «разговор», и тогда ребенок может вспомнить, о чем мы говорили, но с трудом, что сказал доктор, поскольку в большинстве случаев мы устраиваемся так, чтобы ребенок сказал, что он знает, не признаваясь себе в этом. Короче, интеллектуально мы ему не приносим почти ничего нового.

Если мы не действуем суггестией, тогда как действуем мы} Для чего нам служит этот пресловутый перенос?

Как это будет видно, мы действуем всегда следующим образом: сначала у нас разговор с матерью или родителями, всегда в присутствии ребенка, кроме исключительных случаев, когда мы просим об особой беседе с матерью, отсылая ребенка на несколько минут в коридор. У нас никогда не бывает такой особой беседы после частного разговора с ребенком.

Пока мы говорим со взрослым, мы пользуемся этим, чтобы незаметно наблюдать, как реагирует ребенок. Мы его обычно устраиваем за столом, с бумагой и карандашом, и мы ему говорим: «Сделай мне, пожалуйста, красивый рисунок, какой захочешь», поведение ребенка (и поведение родителей, в зависимости от негативной реакции ребенка или способа, каким он вмешивается, чтобы показать, что сделал) есть уже для нас интересная тема наблюдения (помимо самого рисунка). Получив от родителей полезные сведения, мы им даем короткое изложение нашего мнения а priori, нашего способа, отличного от их способа, рассматривать реакции своего ребенка. Даже не имея более обширной информации, мы ни в коем случае не принимаем предлагаемую альтернативу: болезнь или злоба. Мы пытаемся вызвать их доверие и их обещание приводить ребенка в соответствии с тем, как мы их попросим.

Мы просим тогда мать оставить нас вдвоем с ребенком; мы это делаем при первом посещении, если ни мать, ни ребенок не воспрепятствуют этому сопротивлением. В противном случае мы не подталкиваем, мы говорим, что считаем вполне естественным их недоверие и только обращаемся с просьбой к матери оставаться совершенно немым свидетелем беседы, в которую мы вступаем с ребенком. В настоящее время в консультации Бретоно недоверчивые реакции родителей по отношению к этим частным беседам крайне

редки, так как это вошло в привычку, и матери об этом заранее сообщают друг другу в комнате ожидания. Подготовленные, таким образом, вновь пришедшие относятся к этому вполне естественно. Во всяком случае, если на первой консультации ребенок проявил себя нерешительным, а мать недоверчивой, мне никогда не приходилось видеть, чтобы на втором сеансе мать или ребенок испытывали сложности, чтобы расстаться. Напротив, мать ему сама предлагает это чаще всего.

Это что касается практической точки зрения наших бесед.

Добавим, что когда речь идет о психотерапии, никакой врач не может ограничиться только наблюдением, чтобы поставить диагноз, в течение количества времени, сколько сочтет необходимым: людям необходимо лечение, и это уже хорошо, что они соглашаются уйти без рентгена, рецептов, лекарств («успокоительные» или «железы»), без диеты, короче — без вполне реальных доказательств, что они «были у доктора». Нужно, значит, по меньшей мере, с ними поговорить, снабдить их точными советами, которые приведут, если они им последуют, к улучшению, пусть даже небольшому, в поведении ребенка, благодаря чему у них будет к нам доверие, и они к нам его вновь приведут.

Это значит, что мы *вынуждены применить терапевтическое действие с самого первого дня*, даже до того, как нам станут известны детали случая. Здравый смысл — главный инструмент нашего терапевтического арсенала а priori. В нем нет ничего самого по себе психоаналитического. Это основа сознательных психотерапий, т. е. методов наших коллег-непсихоаналитиков.

К этим средствам психотерапии, обращенных к *сознательному*, мы добавим косвенную атаку бессознательных сопротивлений окружения, когда Я ребенка смешивается с внешним миром (3–4 года), окружения и самого субъекта после формирования четкого Сверх-Я (после 7–8 лет).

У родителей на самом деле есть лишь две установки перед лицом психических или невропатических симптомов. Они ссылаются либо на болезнь, «анормальность», физическую или моральную, ребенка, либо на его злую волю, лень, его намеренную злобу. При первой из этих интерпретаций с ребенка снимается какая бы то ни было ответственность, вторая нагружает его всей ответственностью.

Эти две установки — *ложные (как та, так и другая)* — имеют следствием еще больше укоренить ребенка в порочном кругу его невротических симптомов.

Первая усиливает чувство неполноценности субъекта, узаконивая его в какой-то степени и нанося рану его самолюбию чувством быть «анормальным». Кроме того, разоружая ребенка в отношении здоровой жизни, она позволяет симптому достичь цели: бегство перед лицом страха, более легкое, чем борьба, и она порождает невроты, для которых характерен уход в болезнь.

Вторая установка окружения посредством изъятия любви и непонимания, содержащихся в этом, *вызывает сознательное чувство вины*, связанное с симптомом, и ребенок пытается его преодолеть. Однако симптом отвечает на бессознательную потребность — он проистекает из блокирования и вытеснения влечения, энергия которого должна любой ценой найти средство выражения. Так, исчезнув на время, симптом появится вновь, усиленный в тех же пропорциях, в каких он был атакован, следовательно, тем более сильный, чем больше у ребенка воли и чувствительности; или тогда столкнутся с появлением другого симптома, более терпимого родителями и Сверх-Я ребенка.

К сожалению, воспитатели, врачи, психиатры подпевают родителям, либо пытаясь эксплицитно запугать ребенка, либо имплицитно выписывая лекарства.

У врача бывает иногда третья установка, еще более безнадежная, чем другие, в отношении родителей и детей. Выслушав и дав разные лекарства, в эффективность которых он сам не верит, он говорит: «Ну и потом успокойтесь, это ерунда, это нервное», — что равнозначно на самом деле тому, чтобы сказать: «Я в этом ничего не понимаю, и это мне безразлично». В то время как, если он ничего не понимает, у него по-человечески нет права терять интерес к больному. Он мог бы, по меньшей мере, перед лицом неудачи органической терапии попытаться направить больного к коллеге, у которого есть шансы «что-то в этом понять».

Проиллюстрируем двумя случаями — детей, последовательно доверенных не сведущим в психоанализе коллегам, затем нам — то, о чем мы только что сказали. Сравним клинические результаты двух установок.

Первая установка родителей и врача — «ребенок болен» — была нами представлена в исключительно простом случае Жозетты, изложенном нами во введении. Но в отношении болезни о чем шла речь?

Родители решили удалить Жозетту от своей близости. По крайней мере, так сочла Жозетта. И воспринятое как то, что у нее отобрали любовь, что совпадало с пробуждением интересов жизни и эдипова комплекса, это удаление должно было привести в отношении Жозетты к тому, чтобы осудить ее развитие, причину этого изъятия любви. Все это, конечно, не является сознательным, но оно *ощущается*.

Страх выражает беспокойство перед лицом изменения, о котором она слышала, но ей, главной заинтересованной, об этом не сообщили, т. е. «как будто» она не должна была это понять. Действительно, она отказалась обратить внимание на покупку дивана; но влечение бунта против *неудовольствия быть* лишенной папы и мамы выражается в симптомах *негативизма* (Жозетта будет против сна, пищи, предыдущих интересов и игр) и в возврате к *предшествующей стадии* эволюции либидо, что выражается в энурезе. Ребенок, лишенный любви (по крайней мере, в своих глазах), чахнет.

Понимание психоаналитика обратилось сначала (вопросом «Где она спит?») в самую суть темы — жгучей для ребенка трех с половиной лет, едва вступившего в эдипов комплекс. Затем, поскольку гипотеза психоаналитика подтвердилась, с учетом знания того, что отказ от удовольствия может быть принят только в обмен на другое, психоаналитик показала ребенку, что она понимает ее конфликт, позволила прочувствовать свое горе и выразить его в нормальном плане.

Жозетта страдала по-настоящему, утратив привилегированную ситуацию «маленького ребенка». Если мы приняли всерьез это большое детское горе, то для того, чтобы обсудить его значение с Я Жозетты. Мы ей дали возможность принять навязанный отказ, благодаря обещаниям неизвестных удовольствий для нее, и это согласовывалось с правом на ее развитие вместо того, чтобы препятствовать ему: «жертва, которую тебе навязывает реальность (твой

родители, твой возраст), тебе будет стоить новых преимуществ, которых ты еще не знаешь: быть любимой как большая девочка, которой будет гордиться папа, пойти в школу».

Мы видели, как у ребенка пропали симптомы с *того момента, как бессознательное сопротивление* принять страдание стало *бесполезным* и как развитие, на время поставленное под угрозу, вернулось к своему нормальному течению. Как только девочка выздоровела, она сама попросила свою мать пойти объявить докторше, без чего сама мать охотно бы обошлась.

Чтобы проиллюстрировать вторую установку родителей и врача — «ребенок ленивый, нехороший», — я упомяну случай ребенка 11 лет, Жана, второго и последнего в семье, состоящей из отца, матери и сестры 14 лет, все трое в добром здравии.

Жана привела в Бретано мать из-за его нервозности и тяжелых нарушений характера.

С доктором Пишоном он показывает себя неспособным оставаться неподвижным: делает движения пальцами, кистями рук, строит на лице гримасы, кусает губы. Кроме того, в присутствии доктора Пишона у него большие трудности в высказывании, по поводу которых ему советуют, кроме психотерапии, переобучение речи. Однако этот симптом исчезает затем в присутствии матери и моем: он появлялся лишь в присутствии мужчины.

Жан проявлял с раннего детства неустойчивость. Он постоянно в движении, ухмыляясь, дразня свою сестру, постоянно чешется, ломает мебель, грызет ногти, рвет свою одежду, неспособен старательно выполнять домашние задания. При виде того, как он растет и не излечивается от этого недостатка, на который школьный учитель также жаловался, родители устали от своих внушений. Они купили плетку и при такой угрозе получили («наконец», говорят они) время от времени полчаса спокойствия. Родители были удовлетворены таким результатом. Метод плетки закрепился в доме: «потому что именно так к нему нужно относиться». И мать стала говорить: «Отец всегда с плеткой в руке».

Но другой результат не заставил себя долго ждать: Жан был хорошим ребенком, до сих пор его пеняли только за его неустойчивость. Он стал все более и более нервным. Появились тики, затем временами, все более часто, Жан повел себя вызывающе, лежащем,

насмешником, грубияном, нахалом. Параллельно плетка все более активно уже больше не угрожала, а ударяла. Обозначились более серьезные реакции: мелкие кражи, злобные и весьма грубые поступки по отношению к товарищам, неповиновение, которые могли бы быть опасными при походах скаутов.

У ребенка удивительная чувствительность, и, хотя он не признавался в своих угрызениях суровому окружению, его постоянная неустойчивость, осуждаемая родителями, была им воспринята как большая вина. Семья Жана очень верующая, и сам он очень набожный. Из-за его позиции «плохого ребенка» была уязвлена его совесть.

Симптомы, против которых он сознательно боролся, исчезали, но заменялись молчаливыми тиками, менее неудобными для родителей; и, сверх того, владение агрессивным влечением, что выражалось в этой волевой и временной неподвижности, вызывало усиление влечения, откуда внезапные взрывы — одновременно благотворная разрядка для бессознательного и виновность для морализирующей инстанции: Сверх-Я. «Я не хочу быть плохим. Оно сильнее, чем Я».

Иначе говоря: как Я Жана выбирается из конфликта? Стремясь к тому, чтобы его побили, — это умеряет страх виновности. Это провоцирование «секущего» отца, непреклонной матери и — в отсутствие строгих родителей — нулевые школьные результаты и опасности, которым он подвергает себя, с одинаково снисходительными школьным учителем и вожатой. Это означает, что когда он не может подвергнуться физическому избиению, он стремится, чтобы другие ученики в классе его подвергли моральному избиению, стремится подвергнуть себя риску несчастного случая, который бы нанес ему физический ущерб.

Видна бесконечная цепочка невротических симптомов.

Известный врач (имени его я не назову), детский психиатр, преуспел в смысле интерпретации родителей. Дав нагоняй Жану и не добившись от него ни слова, ни слезы, он серьезным образом по-

¹ [Привычная для внимательной к вслушиванию Ф. Дольто встреча близких по звучанию вокабул, где в одном она видит и другое, как здесь: от *c'est plus fort que moi* (с'(се) — это) к *Qua* (Ja — Оно) *est plus fort que Moi*. В данном случае они и синтаксически синонимичны. — Прим. перев.]

советовал родителям в присутствии ребенка поместить его в приют или частный исправительный дом для аномальных первертов. Может быть, из добрых чувств; может, он хотел запугать ребенка, но дело обстояло так: ничего более не сказав родителям, он их отослал всех троих, вынеся этот вердикт. Но была вожатая Жана, социальная помощница д-ра Пишона в Бретоно, она посоветовала очень обеспокоенным родителям выслушать еще мнение д-ра Пишона, прежде чем принять решение. Так он был нам доверен.

Мать рассказала нам то, что мы только что изложили. Мы выслушали без всяких эмоций, и наши первые слова к Жану были в конце опроса матери: «Это все правда?», и, так как упрямый, ироничный, он не отвечал, мы добавили: «Бедный Жан, как я тебя жалею, какой ты, должно быть, несчастный». К удивлению матери, Жан, «неустршимый извращенец», разрыдался.

Перед лицом такой картины как себя вести? Сначала понять, о чем идет речь, прояснить эту симптоматологию, гораздо более сложную, чем в случае Жозетты.

Действительно, у Жозетты угроза шла от внешнего мира против Я в согласии с Оно.

У Жана конфликт с внешним миром полностью перестроен дополнительным конфликтом с Сверх-Я. *И это всегда так в возрасте после 6–7 лет, возрасте, начиная с которого формируется Сверх-Я.*

За этими вторичными и недавними реакциями, оцененными как злоба, нужно, стало быть, найти первопричину этой более давней нестабильности, что вызвала вмешательство отцовской плетки.

Жану 10 лет. Прежде чем войти в период латентности, прожил ли он эдипов комплекс?

Несомненно, он это попытался, но он его не разрешил, и у нас есть тому доказательство в виде симптома затруднения говорения в присутствии мужчины, субститута отца; оно доказывает вытесненную агрессивность, бессознательно проецируемую на всех мужчин, которые становятся в поле зрения ребенка магически опасными.

Жан достиг фаллической стадии, но перед угрозой кастрации, идущей от отца, и усилением бабушкой, матерью и сестрой происходящего от этого страха Жану пришлось тогда регрессировать к анальной стадии — вот смысл этих чередований взрывов агрессии,

сопровождаемых грубыми словами, и пассивного поведения раскаяния и мазохизма по отношению к родителям и товарищам по школе. Такое поведение характеризует амбивалентность анальной садистической стадии.

И он мне говорит, на самом деле, что он любит рисовать корабли, особенно военные, но он не может рисовать пушки, мачты, кабину командира и прожекторы (фаллический символизм). И он мне также говорит, что его сестра запрещает ему качаться на стуле, а сама это делает, когда мама не видит: это символизирует запрет на мастурбацию.

Что касается матери, она сама признается, что запрещает сыну прятать от нее малейшую из своих мыслей. «Это было бы самым большим горем, что он мог бы причинить ей».

Однажды он принес тайком картинки, которые ему дали товарищи. Какая это была драма! Ибо она «находит, что они ужасны, истории про бандитов, револьверы и приключения в этих грязных газетах». Таким не было ее горе недавно, когда Жан украл десять су с камина, чтобы самому купить тайком одно из этих изданий. Нескольким раз он скрыл от нее свои плохие отметки.

После нескольких бесед с Жаном я спросила у матери, есть ли у него то, что называют «плохими привычками». Бедную женщину вопрос вогнал в краску от стыда, она мне ответила: «Сейчас уже нет, к счастью, я его от этого отучила, но два-три года назад это нас беспокоило. Именно тогда мы заметили, что он был нервным. Но он понял и больше этого никогда не делает. У него иногда бывает нечто вроде тика, чтобы чесаться, теребя себя в штанишках, от чего мне стыдно; может быть, поэтому вы меня спрашиваете об этом?»

Во время одной из бесед, когда Жан мне признался о невозможности для него рисовать то, что, как мне известно, относится к фаллическим символам, я делаю намек на запретную мастурбацию. Он мне отвечает: «да, когда я был маленький...», и тут же продолжает: «но бабушка настолько всего боится, она думает, что я малыш, и не хочет, чтобы я один переходил через улицу; она говорит, что меня задавят».

Мы видим, таким образом, что произошло два-три года назад в момент сурового подавления мастурбации.

Жану в самом разгаре в этот момент фаллической стадии и своих эдиповых фантазмов (военные корабли на море) запретили его мастурбационные фантазмы и его честолюбивые и агрессивные фантазмы во имя смертельной опасности (переходить улицу) и риска отобрать любовь матери (если он от нее что-нибудь скроет). Чувства ревности и острой постоянной неполноценности, не разрешенные по отношению к отцу, у которого он не может вообразить орган (кабина командующего, пушка, прожектор), дают ему это нестабильное поведение по отношению ко всем проблемам, всем действиям.

Если бы, по меньшей мере, окружение с терпимостью отнеслось к спокойному утверждению Жана в этой более-менее регрессивной стадии, но позволив ему относящиеся к ней сатисфакции: заработав несколько су, быть свободным тратить свою казну по своему усмотрению, играть с револьверами и увлекаться военными приключениями или детективами, у Жана никогда бы не было вида ребенка-невротика — с социальной точки зрения, хотя и под влиянием пубертатного напора проблема Эдипа, которая определенно не была разрешена, как мы это знаем от окружения, снова бы предстала, без всякого сомнения, и в очень трудной для разрешения форме.

Из-за *семейного невроза*, напротив, в удовлетворениях по регрессивному типу ему было отказано. Был лишь один выход — невроз. Мы только что произнесли слово «семейный невроз»; действительно, мы встречаем в более 50% случаев детей-невротиков *невротическое поведение родителей или одного из родителей*.

В случае Жана речь идет о матери типа «корнелевских[^] женщин». Материальная ситуация — очень скромная. Мать не работает, но содержит дом. По одежде и манерам матери, так же как и сына, создается впечатление больше о добрых буржуа, чем мелких служащих. Мать запрещает себе любые радости, любые уступки слабости. Она, естественно, *фригидна* и изгоняет по своей воле любой интерес к сексуальному вопросу, который для нее отвратителен; бабушка Жана, которая по виду очень тревожна, балует свою дочь и внуков, но, испытывая тревогу по поводу всего, теряет голову при малейших рисках, присущих жизни. «Когда моя мать

[Т. е. в борьбе между чувством и долгом.]

приезжает к нам, мы все вечером чокнутые, в том числе и мой муж, который становится чокнутым, когда видит нас такими».

Что касается *сестры 14 лет*, мать мне говорит, что у нее второе детство было агрессивным и мятежным, затем внезапно, вот уже два года, она полностью изменилась. Она стала очень приятной, но она боязлива: у нее *фобия быть вне дома одной*, ей в высшей степени не хватает доверия к себе, это просто болезнь, и она по отношению к брату мстительна и глуха. «Она ему не спускает ничего, она ожесточается против него, а он совершенно такой же, какой она сама была раньше».

Отец также очень нервный, говорит мать, он кричит по поводу всего, и, как мы знаем, у него «всегда в руке плетка».

В случае, подобном данному, когда мы его поняли, *что делать?* Лучше всего было бы *пройти психоанализ матери*, но мы об этом и не думаем. Она довольна. *Отделить Жана от семьи?* Ему это было бы тяжело, потому что он любит свою мать, как свирепый и ласковый малыш по очереди, хотя моменты, когда он ищет ее ласки, редко бывают вознаграждены нежностью, так как добродетель не стирает накопленные упреки. Кроме того, отделение *ничего не решит*.

Мы собираемся *установить сильный аффективный перенос*, благодаря которому мы расшатываем реакции сопротивления *Сверх-Я*. Мы позволим Я рассмотреть амбивалентные по отношению к нам самим реакции поведения, например, думать о неприятных вещах, грубых оскорблениях по отношению к докторше, фаллической матери, подумав как раз обратное. Мы дадим это увидеть как что-то естественное, что не меняет сердечных отношений, которые существуют в реальности между ним и нами. Когда он нам признается в ослаблении в усилении, мы его жалеем: если он забывает вещь, которую обещал, и этим кажется очень огорчен, мы ему говорим, что мы этого немного ожидали и противодействовать нам не является плохим.

Если он нам рассказывает о семейных инцидентах, мы пытаемся ему *показать часть того, что он спроецировал, и часть того, что есть объективного*, в его интерпретации позиции других.

Один день отметил большой прогресс — тот, когда он мне сказал: «Сейчас, когда я чувствую, что мама очень нервная, я ничего

не говорю, и я думаю: это как для меня, это должно быть сильнее, чем она, и это не ее вина; но раньше я думал всегда, что это было из-за меня — хлопот, которые я доставлял. Как раз на этой неделе для меня все шло поразительно хорошо дома и в школе. Учитель меня похвалил и сказал маме, что я более не такой, как обычно. Тогда я понял, что мама была иногда нервная не только из-за меня». В этот день Жан заговорил со мной о своих рисунках и спросил меня, могу ли я показать ему, как нарисовать то, что он не умел, на военных кораблях? Бессознательно это было крайне важно. Я ему ответила: «Ты наверняка сможешь сам, когда сумеешь смотреть, как это сделано в реальности». — «Хорошо, я вам принесу, и, может быть, вместе с вами мне это удастся». На что я ему ответила: «Это вещи, которые интересуют мальчиков. Ты их нарисуешь гораздо лучше меня, но ты не осмеливаешься в это поверить, как будто ты думаешь, что ребенок должен быть менее ловким и более глупым, чем взрослый, потому что менее старый! Если бы я была твоего возраста, я бы была девочкой, и ты бы мне все показал».

Естественно, как следует и ожидать, как только симптомы, *неудобные для родителей*, исчезают, они прекращают приводить к нам детей, и для Жана, несмотря на благоприятное мнение школьного учителя, мать воспользовалась предлогом, что из-за консультации он пропускает утренние уроки, чтобы не посылать его; в ее глазах дела идут хорошо, он — «послушный».

Жан, однако, при всем улучшении далеко не излечен. Доказательством тому является то, что, проведя целый день со своим отцом впервые в своей жизни, на другой день он начал вести себя агрессивно.

Другой значащий факт конфликта Эдип — *неразрешенная кастрация* следующий: его учитель, чтобы его вознаградить за школьные усилия, подарил ему карманный нож. Какая радость! Да, но на следующий день Жан потерял нож. Отчаяние, возвращение на место прогулок, невозможность найти предмет! Жан был подавлен, обескуражен и в особенности трепетал, как бы учитель не рассердился, увидев, как мало для него значит его подарок. (Это была бессознательная интенция вины.) Учитель, когда узнал об этом, вместо того, чтобы бранить Жана, сказал ему: «Ну что ж, если по отметкам за месяц ты заслужишь, я тебе дам другой». По счастью

отец и мать не стали ругать Жана за эту потерю, слишком пораженные силой горя, которое его потрясло.

Жан через новое отношение своего окружения (родителям вернулась надежда) и особенно через удовлетворения самолюбия, полученные им в школе и со скаутами, смог найти какие-то компенсации для состояния неполноценности и суровой опеки, в которой держала его семья.

Посредством это детального примера видна цель, которую мы перед собой ставим: быть беспристрастным и помочь ребенку найти средство выражения вытесненных влечений, адаптируя их к рядовым требованиям его окружения и его личной этики, умерив его вину, удовлетворяя как можно лучше законные требования его либидо.

Итак, в этих двух случаях, один из которых — из самых простых (Жозетта), и другой — из наиболее сложных (Жан), видно, чем подкрепляется наша позиция, отличная от позиции, которую занимают обычно родители и врачи.

В случае Жозетты гипотеза органической этиологии не вязалась с отсутствием температуры и сложностью симптоматологии. Возврат к *энурезу* давал, впрочем, знать сам по себе об имеющей место тяжелой аффективной регрессии.

В случае Жана простого факта — принять по отношению к нему позицию «симпатии» — было достаточно, чтобы произвести переворот в его оплоте нечувствительности, предназначенном для борьбы против морализаторской установки, которую он от нас ожидал.

Когда родители нам доносят о выходках своих детей, злых, порочных, ленивых, наглых и т. д., мы не считаем родителей неправыми, мы довольствуемся тем, что их внимательно слушаем, просим уточнить обстоятельства, не вторя их стенаниям и упрекам. Мы никогда не отказываем ребенку в нашем доброжелательном отношении; в каждой из наших реакций, в каждом из наших мимических выражений, слов, жестов мы по своей воле нейтральны или сориентированы в терапевтическом направлении, которому мы предполагаем следовать. Мы никогда не порицаем. Мы стремимся понять «экономическую» причину (т. е. «более выгодную для принципа удовольствия»), которая толкает человеческое существо

восстать против других, жить в разногласии со своим ближайшим окружением, что не находится а priori в логике человека.

Если у ребенка есть сознание, что он плохо сделал, он может или не может почувствовать адекватное чувство вины. Иначе говоря, может иметь место преувеличение угрызений совести или, наоборот, недостаточность суждения. И мы пытаемся вновь прожить с ним социально порицаемый эпизод и оценить с его позиций, чтобы понять, почему его реакция была плохо принята. Тогда мы можем ему объяснить, почему он не может бессознательно принять на себя ответственность за свое действие или, напротив, почему он себя судит бессознательно с суровостью, не пропорциональной морали его среды.

Так, постепенно снимаются невротические барьеры и механизмы защиты, первоначально предназначенные для помощи ребенку и которые на самом деле держат его в данный момент пленником.

Ибо вот что произошло: для того, чтобы «лучше быть» субъективно на данный момент, у индивида произошло аномальное распределение сил либидо по схеме, которая рискует утвердиться в строительстве его личности, становящейся невротической личностью.

Но этот риск для индивида, будь он посягательством на его первородное богатство, есть сам риск жизни и начинается с самого зарождения, с момента, когда он выходит от соединения двух зародышевых клеток, рожденных от отца и матери и приносящих с собой — в потенции — силы либидо и возможности их вывести наружу по наследству. Наступают потом условия внутриутробной жизни, качество питания, пищи, даваемой с рождения. Появляются затем тысячи влияний, действующих самим своим присутствием и сложной ролью, которую они играют в формировании материальных и духовных данных; с ними молодое физическое и психическое существо будет себя строить; климат, пища, условия жизни, комфорт, среда, этические характеристики, звуки и ритм речи, религия, верования, фольклор, искусство, национальные и местные ремесла; короче, вся образованная раньше совокупность, независимая от него, как и от его матери, и что можно назвать коллективным Сверх-Я.

Важно даже отметить, «что определенный способ здоровья», «определенный способ равновесия» не являются специально уделом существ, достигших последней стадии развития человеческого либидо, облативной генитальной стадии. Все зависит от окружения, которое образует аффективную среду субъекта, и от собственных возможностей его либидо, потому что распространенный принцип психического здоровья есть *соответствие* между степенью аффективности субъекта и степенью аффективности окружающих. Но очевидно, что человеческое существо, которое достигает бессознательным развитием своего либидо — облативной генитальной стадии или приближается к ней, сохраняет легче, чем другой, свое равновесие, каким бы ни был аффективный уровень окружения, поскольку оно реагирует рациональным образом на ощущаемые им рассогласования. С психоаналитической точки зрения нельзя, стало быть, сказать, что моральное страдание будет само по себе причиной или доказательством невроза: оно — лишь причина или доказательство аффективного *рассогласования*. *Практический способ, каким субъект реагирует на это, будет называться нормальной реакцией или невротической реакцией; нормальная реакция — та, что позволяет личности сохранить целостность и свободу действия своих живых сил, это благодаря творческому выходу для них.*

Психоанализ нам позволяет, таким образом, понимать у любого индивида — будь он психотик, в той или иной степени невротик или здоровый, — элементы, из которых он аффективно состоит, и «субъективную логику» его поведения, *которая столь часто для всех нас совершенно нелогична*. Он позволяет также при помощи переноса в терапевтической ситуации изучать бессознательные механизмы субъекта, его поведение по отношению к психоаналитику, зависящего от того, кто находится по природе вещей напротив.

Выявление архаического и прошлого детерминизма реакций, которые характеризуют его неадаптацию к реальности, позволяет субъекту самому проделать другой и более адаптированный синтез с элементами, которые были в нем неведомо для него, и он их осознает благодаря анализу переноса (т. е. более глубоким изучением причин его аффективного поведения по отношению к своему психоаналитику).

Психоанализ сам по себе никогда не сделал человека более здоровым, чем раньше; он только ставит его на путь выздоровления после лечения посредством личной работы по синтезу, которую ему остается проделать после исчезновения бессознательных мотивов (они привязывали пациента во время психоаналитического лечения ко всему, что его окружало, в частности к персоне врача). Эта работа по синтезу может в той или иной степени быть начата во время лечения, когда психоаналитик способен на значительное количество генитального либидо, благодаря чему он бессознательно не испытывает страха чувствовать, как его анализируемый достигает аффективного расцвета, даже если тот готовится к тому, чтобы превзойти его собственный

Во всяком случае психоаналитик не может вести своего анализируемого к точке психоаффективного развития, которой он сам еще не достиг. И, наоборот, врач не может во многих случаях из-за отсутствия фундаментальных возможностей либидо у анализируемого привести его в конце лечения к завершённому психоаффективному развитию.

Нам часто возражают, что наши курсы лечения крайне долги и вследствие самого этого факта дорогостоящи. Это так, и все по-настоящему психоаналитические процедуры, т. е. процедуры лечения, основанные на реконструкции личности самим субъектом, которому врач отдает лишь свое реальное присутствие чувствительного «реактивного свидетеля», непредвзятого медиатора, работающего по контракту и временно, с необходимостью являются длинными. Но только среди таких курсов лечения бывают полные и окончательные выздоровления, какими бы ни были дальнейшие условия жизни субъекта.

Однако во время лечений и часто с самого начала субъект чувствует себя более счастливым, некоторые из его симптомов могут даже очень быстро исчезнуть. Не станем заблуждаться: это выздоровление — лишь видимость. Оно есть эффект переноса. Важное место, которое психоаналитик и психоанализ занимают в жизни анализируемого и которое является «средством» лечения, ослабляет некоторые невротические реакции субъекта, потому что сама его привязанность к врачу захватывает либидо в целом, с этого времени отвлеченного от своих предыдущих фик-

саций. Сама эта привязанность — невротического порядка, т. е. нерациональна, поскольку не базируется ни на каком стоящем резоне, кроме доверия а priori к кому-то, кто должен вас вылечить. Это доверие может быть основано на доказательных клинических фактах, на обоснованной интеллектуальной безопасности, но это не объясняет «модальности» аффективных отношений, которые с первого контакта входят в игру в позиции больного по отношению к врачу. Это всего лишь, если позволить себе образ, ипотека на выздоровление.

Можно допустить, что есть *виртуальное выздоровление*, значит возможность остановить лечение, когда бывший невротик обрел в практической жизни новое равновесие и когда изучение его бессознательных механизмов показывает, что его инстинктные влечения — для части, которая не может быть трансформирована в сублимации, — приняты его сознательной личностью, т. е. его бессознательные механизмы успокоены.

Лечение обеспечено лишь тогда, когда анализируемый, помимо длительного исчезновения своих симптомов, «внутренне живет в мире». Это значит, что он реагирует на реальные трудности жизни без страха посредством установки, спонтанно адаптированной к требованиям этики в согласии со средой, в которой он выбрал жить, и со своими собственными требованиями; и это, позволяя своим инстинктным влечениям адекватные выражения (разрядки либидо в достаточном качестве и количестве), обеспечивающие сохранение достигнутого равновесия.

Эта работа требует долгой и медленной подготовки. *Она окончена лишь тогда, когда субъект находится на взрослой стадии — не только по реальному возрасту, но и по аффективному и ментальному возрастам. В глубине любого существа анализ не находит никогда только то, что там есть.* Это говорится как для тех, кто воображает найти в этой новой науке и ее практическом применении панацею, так и для тех, кто считает психоаналитиков достаточно слепыми, чтобы так думать.

Как мы уже сказали, для простоты и ясности работы мы представим только случаи лечения не посредством чистого психоанализа, но психотерапевтического метода, производного от него, который, адресуясь людям, проходящим обучение, дает значительные прак-

тические преимущества в скорости ценой минимального вмешательства врача.

Этот метод, который, помимо обращения к сознательному больного, специфически относится к психотерапии, обращается пункт за пунктом к психоаналитическому опыту. Наша внутренняя установка абсолютно такая же, что и та, которую мы используем в настоящих психоанализах.

Мы помещаем себя, следовательно, в точку зрения, существенно отличную от точки зрения моралиста. Однако наше действие имеет определенную воспитательную ценность достаточно прочесть наблюдения, приведенные ниже. Дело в том, что в любой психотерапии, как только мы уходим от строгости психоаналитической техники, мы имеем, *хотим мы этого или нет*, воспитательное действие.

Эта установка пойдет от нашей личности, а значит — от нашего бессознательного. Но из двух психотерапевтов тот, кто прошел психоанализ, имеет больше средств, чем другой, быть ближе к идеалу объективности.

В самом деле, что означает термин «объективность», когда речь идет о наблюдении за поведением и психоаффективными механизмами индивида? Это означает, что врач не должен ставить себя ни на моральную, ни на культурную точку зрения, что он не должен выносить никакого оценочного суждения, что его целью должно быть различение элементов (влечения и контрвлечения) в основе внешне нормальных и аномальных реакций субъекта, которого он обследует. Но так как речь идет о реакциях живущего существа по отношению к феноменам, которые действуют также на другое живущее существо (одно из них — больной, другое — врач), очевидно, что существуют многочисленные причины ошибок, *начиная с влияния бессознательного врача*. Рассмотрим еще одно сравнение: если смотреть на пейзаж через красное стекло, убираются вследствие этого все красные лучи из поля наблюдения. Так же и для психотерапевта, который сам есть синтез, адаптированный к обществу. Личный способ, каким он успешен, влияет на его объективность, и все это совершенно неведомо для него самого.

¹ Анна Фрейд поддержала, в противоположность Мелани Кляйн, легитимность этой воспитательной акции.

У нас есть лишь одно средство сгладить эту трудность — *заниматься психоанализом лишь тогда, когда мы сами прошли психоанализ* как можно глубже и как можно дольше.

Вот большая преграда, перед которой ставят психоанализ, и она не из малых, на самом деле. Нет ничего более тяжелого, более тягостного, чем психоанализ, для индивида, в каком бы хорошем здоровье он ни был. Энергия и настойчивость, требуемые для этого, обнаруживаются, возможно, легче у людей, имеющих смелость и простоту признать свои трудности, ища для этого средство излечения. Когда это врачи, и они используют, чтобы лечить других, знания, приобретенные ценой своего собственного опыта, я не думаю, чтобы их можно было бы по-человечески в этом упрекнуть.

Иногда раздаются колкие шутки, и для них есть некоторые основания; одна из них состоит в высказывании, что все психиатры рано или поздно становятся сумасшедшими, и добавляют, что это следствие того, что они живут среди сумасшедших. Мы не говорим, что это верно, но определенно то, что желание заниматься психическими болезнями не придет никогда к индивиду, внимание которого не привлечено непонятными для него конфликтами. Если у такого индивида состояние будет ухудшаться по истечении нескольких лет психиатрической практики, нет необходимости искать причину в ежедневном контакте с психоневротиками; достаточно того, что его собственный невроз эволюционировал, и это бы случилось, в какой бы социальной сфере он ни действовал.

Другая шутка, которая иногда принимает значение аргумента против психоанализа у тех, кто хочет рационализировать свои бессознательные сопротивления (как будто установка перед лицом психоанализа, который есть наука, может зависеть логически от мнения по поводу того или иного из ее подмастерьев), состоит в том, что «все психоаналитики — бывшие невротики».

На это мы ответим: детские психоаффективные детерминанты, ведущие индивида к выбору медицинской карьеры, одни и те же для психоаналитиков¹ и для всех других врачей.

¹ Мы не говорим о психоаналитиках, не имеющих медицинского образования, ибо помимо медико-психиатрической терапии, психоанализ — наука, которая интересует в разной степени воспитателя, социолога, криминолога, историка и вообще всех тех, кто интересуется делами человеческими.

. Человеческая симпатия ко всем, кто страдает, лежащая в основе выбора медицинской карьеры, есть сублимация, идущая напрямую из беспокойства перед нашим собственным страданием, бессознательно ощущаемым в течение нашего развития, если мы наделены чувствительностью, которая делает нас более уязвимыми, чем других. Из средств защиты, используемых перед лицом этого страдания, одно — и наиболее успешное — есть интерес к тому, чтобы облегчить страдания других. Этот интерес изначально может происходить только из проекции на других того, что испытываешь в самом себе, — современный механизм анальной садистической стадии. И этот интерес прикладывается тогда лишь к существам, которым по бессознательным причинам мы можем себя уподобить, и, естественно, к тем, кто испытывает те же самые страдания, что и мы, или те, на кого мы проецируем наши.

Но настоящая готовность служить другим, которая существует у некоторых врачей, исследователей, хирургов, выражается в полном расцвете их аффективности вплоть до завершенной взрослой стадии «призвания» — только она позволяет прекрасную и универсальную преданность и внутреннее спокойствие; восхитительный пример этого дают нам некоторые, даже не замечая того. Не будем допускать ошибку, заключающуюся в том, что реальная преданность путается с мазохистической установкой лжемученика. Бывает, что верный делу врач является мишенью для нападок других; он представляет тогда доказательство своего настоящего равновесия, продолжая, несмотря на трудности, которые он встречает, следовать своему полезному делу, которое есть смысл и цель его жизни.

Для нас, как нам кажется, Фрейд — один из примеров такого типа врачей; вот почему мы им глубоко восхищаемся.

Любой врач, интересующийся психическими болезнями, должен пройти психоанализ до того, как практиковать. Действительно, его вкус может быть лишь механизмом невротической защиты, в этом случае он не окажет в психиатрической области социальные услуги, на которые был бы способен, используя в другом месте свои настоящие способности к сублимации. Если, напротив, после своего психоанализа его вкус к психиатрии окажется основанным на настоящем врожденном даре интуиции, чувствительности, и его аффективное и сексуальное поведение покажет, что он достиг облативной

генитальной стадии своего собственного развития, он сможет тогда с минимальным риском для себя и других специализироваться в психической терапии.

Некоторые люди хотели бы встретить среди психотерапевтов лишь замечательно и спонтанно уравновешенных людей. Отдают ли они себе отчет в невозможности того, чего они хотят? Что такие люди существуют, мы этого не отрицаем, но мы утверждаем, что их очень мало среди врачей и, несомненно, еще меньше среди тех, кого интересуют психические болезни. Мы сами, если бы наше внимание не было привлечено к аффективным конфликтам не только вокруг нас, но еще и в нас самих, без сомнения никогда бы не стали углубленно изучать вопрос, о котором здесь говорим. И те, кто читают эти строки, в силу самого внимания, которое они нам уделяют, доказывают тем самым, что эти вопросы для них вовсе не являются посторонними.

Нет ничего уничижительного в квалификативном определении «невротический». Наша «воля» ничего не может против невротических симптомов, кроме разве того, чтобы усугубить; наш «разум» действует так же. Разум и воля, используемые, чтобы спрятать от самого себя и от других свои аффективные трудности, отрицая и в то же время преодолевая их сознательно, — оружие, недостойное искреннего человеческого существа. Эта позиция, неloyальная не только по отношению к другим, но в особенности по отношению к самому себе, есть, возможно, для умных людей основное моральное Зло. Самое странное — кроме тех, у кого есть идея тайн бессознательного, • — это то, что люди с такой установкой могут похвалиться этикой. Если они не врачи и эта установка помогает им меньше страдать, мы не можем их в ней упрекать, но врач не имеет права смотреть с субъективной, присущей ему точки зрения на болезнь и страдание. Больной страдает и просит у него помощи.

Будучи естественно уравновешенным в качестве того, кто предназначает себя психотерапии и еще более психоанализу, врач должен — скажем еще раз — знать себя основательно. Он этого не может сделать посредством интроспекции, ибо судит о себе тогда лишь через свои собственные бессознательные механизмы и не может быть полностью объективным; и если он стремится быть таким, он будет еще более таким после психоанализа.

То, что после психоанализа психиатру удастся обладать совершенным аффективным равновесием, более-менее длительным, это возможно, но что он обладает этим спонтанным и длительным равновесием без психоанализа — вот квадратура круга, которой некоторые настойчиво добиваются.

Каждый из нас берется за дело лишь при сублимированном либидо. Однако мы хорошо знаем, что сублимации — это механизмы защиты перед лицом страха, т. е. морального страдания и что их отличие от симптомов, называемых невротическими, — лишь отличие социального практического значения.

Все знают, что не ждали психоанализа, чтобы заниматься психотерапией. Но оставалась эмпирическая область для врачей, имеющих от рождения качества тонкости, чувствительности, здравого смысла и, следует сказать, в особенности интуиции. Метод экстрапсихоаналитической психотерапии менялся с каждым из терапевтов, и их терапевтический опыт с субъективными исходными позициями нельзя было передать. Он был на самом деле основан на переносе, который они использовали неведомо для себя и которым они пользовались, чтобы иметь личное влияние на больного — значит, главным образом суггестией. Что перенос имел негативного, проявлялось в отказе от лекарств, — против них больной становился даже агрессивным и надменным.

Некоторые психотерапевты получают в ряде случаев отличные результаты, и с терапевтической точки зрения лучше психотерапевт-непсихоаналитик, который лечит, чем психоаналитик, который не вылечивает.

Но терапевтические средства, применяемые во все времена нашими собратьями, мы делаем своими, если это необходимо в нашей психотерапии, особенно, чтобы получить доверие родителей, когда речь идет о маленьких детях, ибо от них зависит материальная возможность для нас лечить или не лечить их детей¹.

¹ Вот почему нужно хорошо знать взрослых и их аффективные реакции посредством практики классического психоанализа взрослых, чтобы попытаться предупредить вредные реакции родителей и предупредить их как можно лучше, чтобы предохранить наших маленьких больных, их детей, от их бессознательных реакций, часто пагубных, за их хорошими сознательными намерениями.

Если же в описании случаев ниже мы пользуемся иногда советами здравого смысла, призывающего к сознательному, и эти случаи любой психотерапевт признал бы за свои, дело в том, что здравый смысл есть необходимая база любой психотерапии; но, кроме того, это пробный камень, если можно сказать, психоаналитических интерпретаций.

Ложная интерпретация — идет ли речь о сопротивлениях или конфликтах влечений — *никогда не изменит реальное практическое поведение больного субъекта*. Даже если она кажется интеллектуально соблазнительной, ее терапевтическое действие окажется клинически нулевым и иногда усугубляющим.

Вот почему мы предлагаем врачам, читающим нас, принять терапевтический критерий, «испытание лечением», как это принимаю в органической терапии.

Я не думаю, что по чести найдется коллега, который скажет, прочитав эти случаи, что дети после лечения более больны, чем раньше.

Такие, на первый взгляд, парадоксальные слова нам, тем не менее, были сказаны очень симпатичной женщиной, с которой мы не были знакомы, но позже узнали, что она была из наших старших коллег.

Это было по поводу случая очень аномального ребенка, о котором она слышала, и его случай мы в основных чертах набросали. У этого ребенка, о нем мы здесь не говорим, ибо это было бы слишком длинно (случай потребовал настоящего психоанализа), был среди других симптомов страх кастрации с фобией смерти и всем тем, что по ассоциации об этом заставляло думать. Из-за этого состояния он был глубоко отсталым и также одержимым навязчивыми идеями, и ни одна школа не принимала его.

Симптомы все исчезли. Ребенок, которому сейчас 8 лет, ведет себя для своего окружения в целом, почти как дети его возраста, хотя у него есть еще, на наш взгляд, заметное аффективное отставание, и он отстает в школе .

¹ Из его психоаналитического лечения, которое длилось один школьный год из расчета два раза в неделю, я привожу рисунки 1, 2, 3, 4 и 5 (С. 163 и далее).

Недавно у него в школе тяжелый несчастный случай стоил жизни одному из его любимых товарищей. Клинический результат, который учительница, мать и я сама сочли ощутимым: вместо того, чтобы отреагировать, как он сделал бы несколькими месяцами раньше посредством невротических симптомов органического страха с обмороком и мутизмом, наш маленький больной отреагировал на несчастный случай, как большинство детей из его класса, и не как самые нервные. Вернувшись к себе, он рассказал, еще потрясенный, о событии матери естественным и детальным способом (кровь и т. п.). В первый раз в своей жизни он попросил мать научить его помолиться за своего маленького друга (нужно сказать, что Церковь и все, что к ней относилось, составляли часть его фобий). Ночью, к большому удивлению своей матери, он спал без кошмаров.

Поведение этого ребенка перед лицом непредвиденного и трагического события (хотя лично мы знали, что он еще не выздоровел) говорит его окружению и нам, и, я думаю, всем честным людям о значительном улучшении, особенно для тех, кто знал его основные, очень серьезные заболевания до лечения¹.

И, однако, врач, о котором мы говорим, шокированная детальным описанием несчастного случая, сделанным ребенком матери, объявила с агрессивностью, которая могла удивить кого угодно, но не психоаналитика: «Ваш ребенок стал еще более аномальным, чем раньше. Вот что это означает!» (sic). Я не ответила. Затем несколько мгновений спустя, так как мать семейства из присутствующих, одна из моих знакомых, мне задала вопрос, моя коллега, до того как я ответила, заявила с напряженным видом: «Ну, ну, все это не для маленьких девочек». (В этой маленькой дружеской группе находились, кроме нашей коллеги, матери одной из молодых женщин, только мужчины и женщины около или старше тридцати лет, многие семейные — отцы и матери семейства.)

Мы рассказали эту маленькую историю только по причине общего интереса, который в ней содержится. *Очень трудно объективно давать изложение психоаналитического случая.* Это не вопрос,

¹ [Запись 1971 года.] С тех пор ребенок нормально проучился в школе, прошел военную службу, женился, отец семейства и успешен в профессиональной жизни.

повторим, интеллекта — это вопрос аффективности. Психоанализ пробуждает, вследствие вытесненных влечений, значительный страх у многих взрослых.

Неведомо для себя наша коллега дала нам интересный пример, потому что он типичный:

— Отрицаются факты.

— Атакует тот, кто вам дает мотив страха (психоаналитик); она атакует меня, меня не зная, словами-«кастраторами», которые, несомненно, для самого субъекта напоминают те, что ее собственное Сверх-Я, говоря, как ее мать, ей говорило в присутствии ее смертельных эдиповых фантазм.

Очевидно, что если бы я говорила, например, о лечении перелома при помощи новой системы обездвижения, эта самая врач была бы всего лишь безразличной или заинтересованной, и ее аффективные реакции не вошли бы в действие.

Заметим, что отношение молодых в настоящее время в медицинских интеллектуальных кругах редко бывает столь аффективным и столь сопротивляющимся, и это легко объясняется.

Мы надеемся, что эта работа, в которой мы представили каждодневные наблюдения, клинические факты, покажет терапевтическую пользу психоанализа¹.

¹ [Примечание 1971 года.] Пусть оценят в 1971 году путь, пройденный с появления этой книги в 1939 году, книги, которая была моей диссертацией по медицине.

II. НАБЛЮДЕНИЯ

мы даем сначала несколько рисунков, полученных в ходе лечения случаев, которые далее изложим. Мы им предпосылаем два примера сновидений, чтобы показать, как выраженные конфликты похожи, какой бы ни была форма, данная этому выражению, и особенно каким бы ни был возраст субъектов.

1. СНОВИДЕНИЕ

«Была ночь, я был у себя в комнате, я услышал шум в "маминой комнате", мне было страшно, и я не хотел туда идти. А потом я взял револьвер, у меня его нет, и решил туда пойти. Дверь была открыта, но невозможно было пройти, и я не видел остальной комнаты, как это бывает, когда дверь открыта. Думаю, что там был человек в черном, спрятавшийся. Дверь была, как гильотина. Если через нее проходили, посредством защелки опускался нож, он отрезал голову. Я проснулся в поту».

(Это сновидение взрослого импотента 25 лет. Это сновидение страха в связи с комплексом Эдипа и «первосценой» полового акта родителей. Ср. с рисунком №4 ребенка 7 лет.)

2. СНОВИДЕНИЕ

Ребенок 10 лет, энуретик, видит сон два дня спустя после прекращения своего энуреза, что он бьется с гигантами, убивает кого-то из них.

На следующий день то же сновидение: он убивает всех гигантов, за исключением одного, потом он его тоже убивает и своей шпагой отрезает у него ступни ног, потом кисти рук и пытается ему отрезать голову, «но это было слишком твердым, и у меня сломалась шпага, тем хуже! Я был вынужден отказаться от этого».

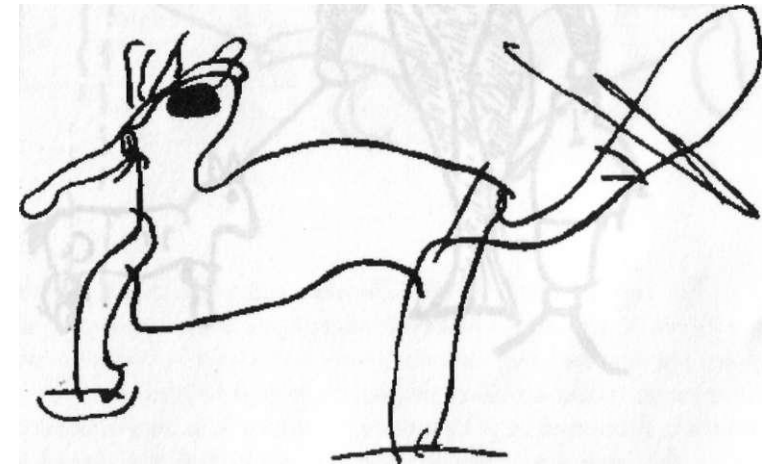
Эти сновидения, далеко не кошмары, были чудесными. Он себя чувствовал таким довольным, гордым и сильным, что с этого дня учеба в школе показалась ему очень легкой и занимательной, особенно счет, «как будто открылся занавес».

Этот самый ребенок сделал рисунок № 6 на предыдущем сеансе, что повлекло с моей стороны вопрос, из-за которого он дополнил рисунок (С. 168).

3. РИСУНКИ

А. СТРАХ КАСТРАЦИИ (МАЛЬЧИКИ)

1

Конь (у мальчика фобия к лошадям и к магазинам, торгующим кониной с возраста 3 лет. Один только их вид погружает его на улице в каталептический сон). Нос, ноги, хвост отрезаны.

«Ребенка-фонаря-который-видит-ночью» привели связанным «мужчиной-моря», как кога, у которого была сломана лапка и которого отвели к ветеринару, и собака, которой отрезали хвост. «И потом ветеринар режет кошек» (тот же ребенок).

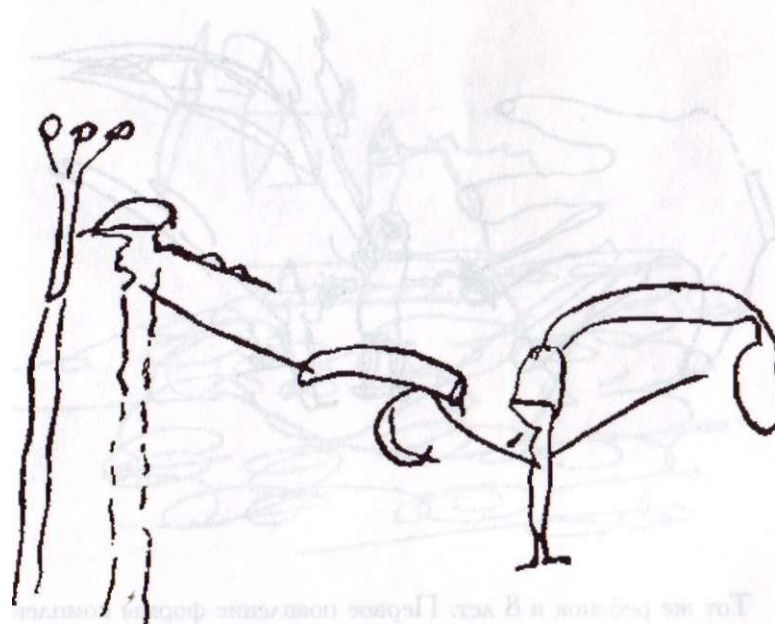
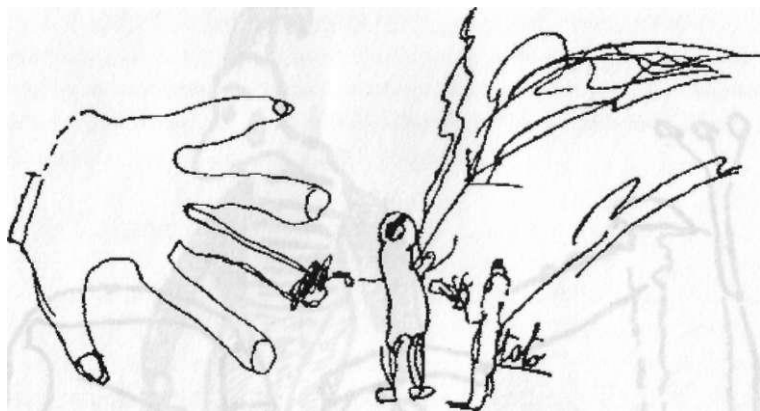

Рисунок про историю китайского господина — он потерял свой банан, и одна дама его взяла у него (см. С. 72) (тот же ребенок).

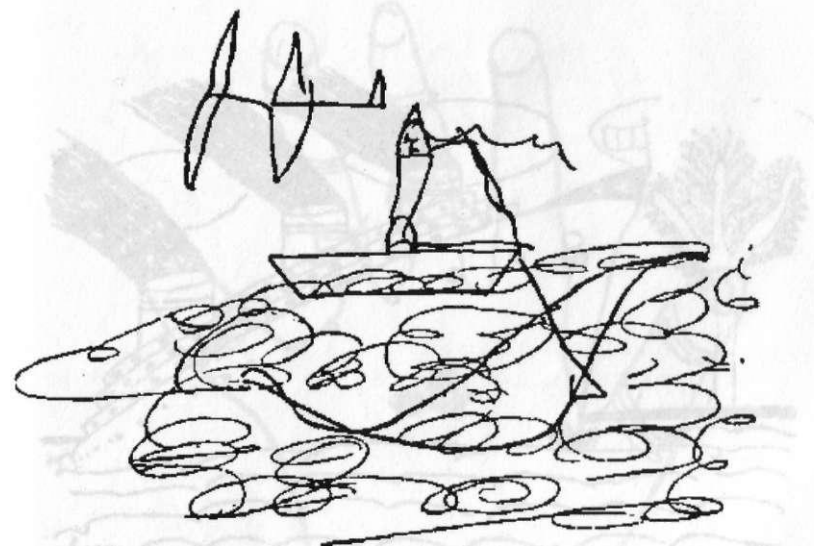
В. КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ (МАЛЬЧИКИ)

4

Тот же ребенок в 8 лет. Первое появление формы комплекса, т. е. бессознательной, прожитой кастрации. На неделе он прищемил палец в двери спальни «мамы» (но это спальня «обоих» родителей), вследствие ссоры со своей старшей сестрой (образ для него «злой» матери). Во время этой ссоры он убежал в «мамину комнату», якобы чтобы «увидеть в окно», потому что сестра все время мешает ему «все видеть». «Скафан» — это «человек моря», но маленький мальчик Тото — это «хитрец, который умеет постоять за себя»; у него красный помпон моряка; «и я тоже стану моряком», говорит ребенок. Отец служил и воевал во флоте. Штрих черного карандаша на голове водолаза обнаруживается постоянно на всех рисунках, где ребенок рисует своего дедушку, «у которого есть большая бритва» и у него иногда бывают ссадины на щеке, когда он бреется.

5

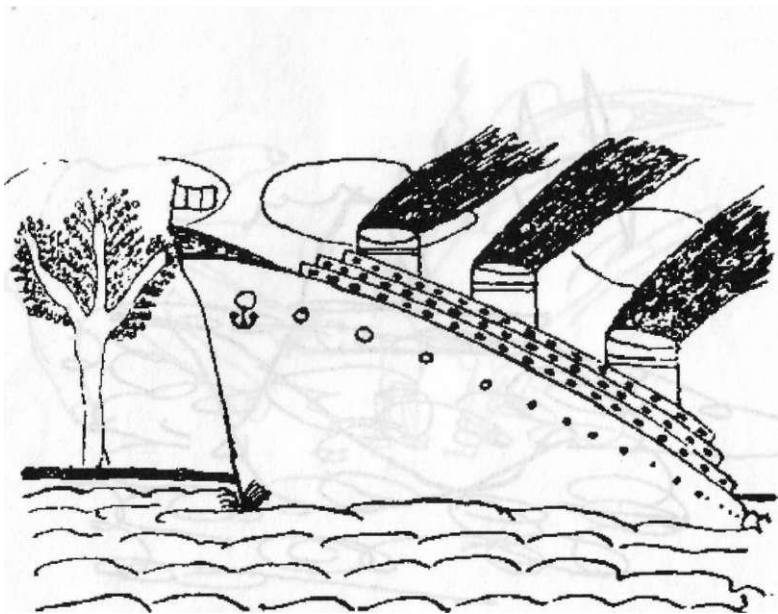

Символический рисунок «Первосцены». Садистическое обладание матерью (тот же ребенок; рисунок был сделан на три недели раньше предыдущего). Кит дал ему *увидеть* что-то эдакое! Нужно *видеть* эти прыжки, но он туда сует свою штуку, и в конце он выигрывает, и оттуда — кровь!» «Он» — это «мужчина-моря».

Ср. примечание 1, С. 46.

[Во французском языке женского рода. — Прим. перевод]

6

Мальчик 10 лет, энуретик. Символический рисунок фаллической матери. Мальчик нарисовал сначала только корабль на море (частая эдипова репрезентация). На мой вопрос: «Знал ли он, что женщины сделаны не так, как мужчины?», ребенок добавил дерево в море, «потому что чего-то не хватало, но это не настоящее дерево» (фаллическая мать) (см. С. 172).

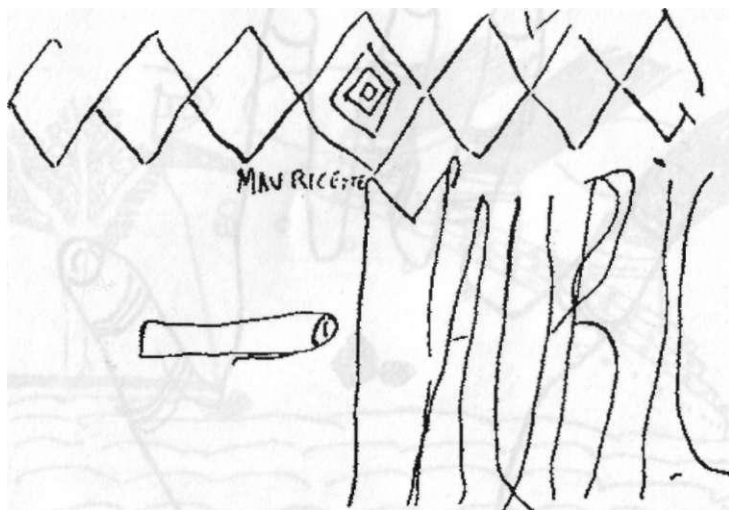
С. СТРАХ КАСТРАЦИИ (ДЕВОЧКИ)

7

Рисунок Морисетт, 8 лет. Она хотела быть мальчиком с рождения маленького брата, которому несколько месяцев. Изначально на рисунке ничего не было в ладони. Она добавила две точки после моих объяснений, касающихся ее страдания от ревности, и они сняли с нее чувство вины.

8

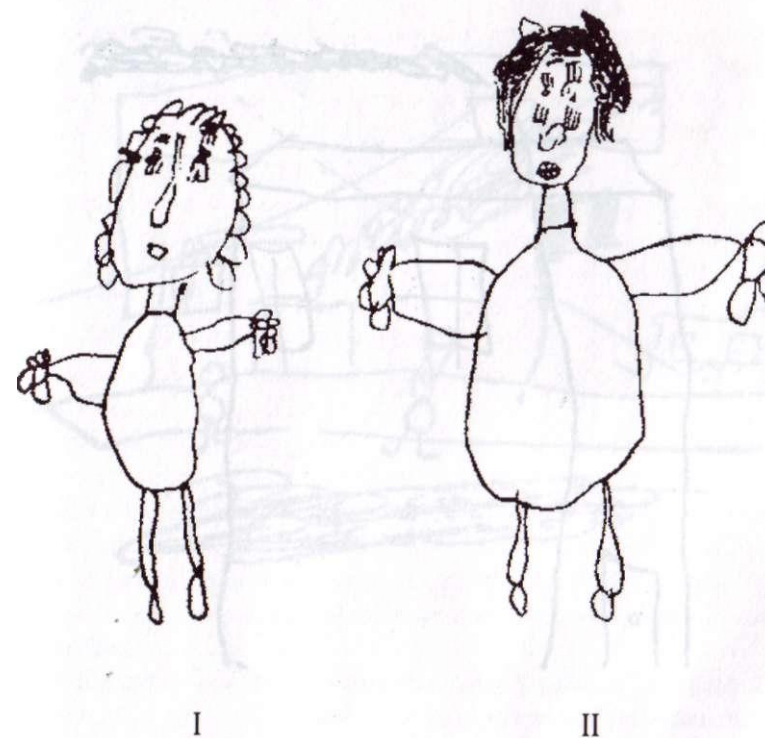

Второй рисунок Морисетт. Ясно виден символизм: если бы не было этого «отрезанного пальца», Морисетт была бы Морик (произносить «Морис», учитывая орфографическую ошибку; Морисетт начала писать). «Это вопрос украшения», (она считала себя некрасивой). См. сноску 1 на С. 108.

D. Рисунки Клодин

(см. С. 234)

9

Оба рисунка от 22 февраля

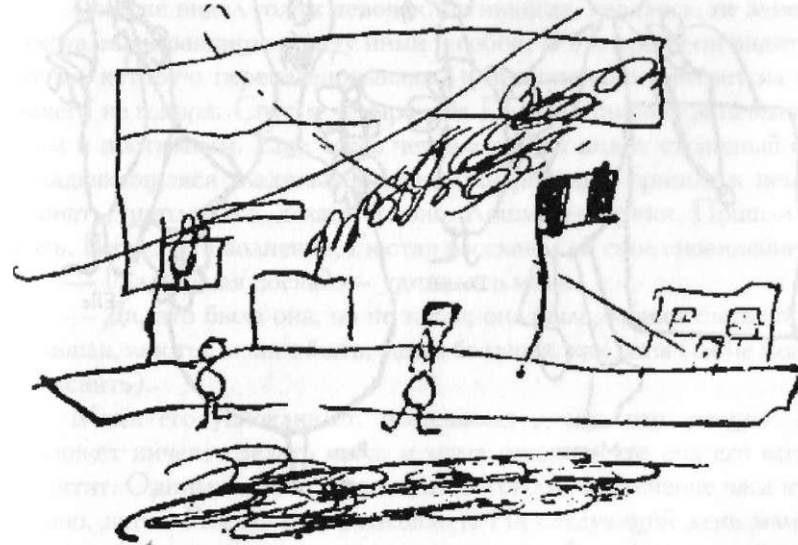
10

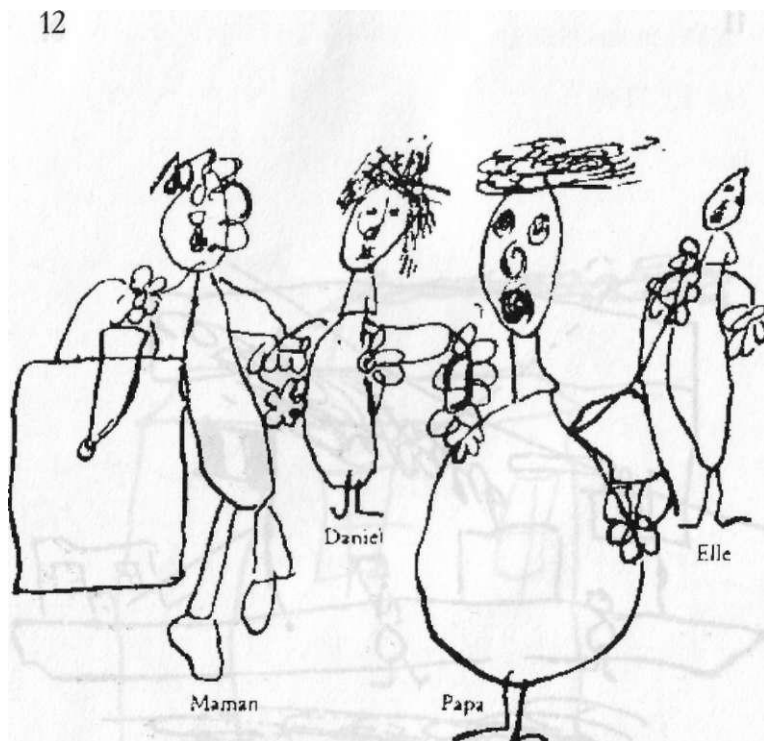
Второй рисунок Морисета. Если видеть его глазами, то он бы не был этого цвета, «каждый палец», Морисета был бы Морик (произнеси «Мори» — услышишь архаический звук «и» и «и» — Морисета — палец (палец)). «Это — выкройка упрощенная». (См. рисунки себя и др. рисунки в С. 108)

Клодин, 1 марта.

11

Клодин, 8 марта.

Клодин, 22 марта.

(См. наблюдения за Клодин, С. 234).

Не будем удивляться, что не встретилось представлений в картинках, специфичных для комплекса кастрации у девочек.

Следует отметить, что часто серьезный подводный камень на этой стадии исключительно проживается в теле: аппендицит — смерть ребенка — смерть женственности. Это не в случае Клодин, она преодолела этот этап в благополучных условиях.

Мы видели, какая разница существует между комплексом кастрации у мальчика и комплексом кастрации у девочки.

4. ГЮСТАВ

Три года

Здоровый ребенок (по записям, ведущимся изо дня в день его матерью.)

Гюставу почти три года. Его мать беременна, он замечает это и задает вопросы, он заинтересован ответами матери: у нее будет малыш.

Он уже видел голых девочек, но никогда, казалось, не замечал сексуальной разницы между ними и собой. В это время он видит девочку, которую перепеленовывают, и внимательно смотрит на нее, ничего не говоря. Спустя четыре дня Гюстав становится невыносимым и противным. Еще через четыре дня он видит страшный сон: складывающаяся гладильная доска с шарнирами пришла к нему в кровать, щиплет его, делает больно. Кошмары, крики. Пришла его мать. Весь еще в волнении, Гюстав рассказал ей свое сновидение:

— Гладильная доска? — удивилась мама.

— Да, это была она, но не такая; она была, может быть, такая большая, как ты; может быть, такая большая, как папа (он не может объяснить).

Мама его успокаивает, показывает доску, это «вещь», она не может ничего сделать сама, и мама говорит, что она его всегда защитит. Одним словом, «они об этом говорят» в течение часа этой ночью, затем Гюстав снова засыпает. На следующий день мама у него спрашивает, помнит ли он о своем сне. Да, и они еще об этом долго говорят, мама говорит, что не позволит, чтобы кто-то ему сделал больно.

Характер Гюстава восстановился, он снова стал хорошим, как раньше.

Несколько недель спустя Гюстав принимается чесаться, особенно тело; мать думает вначале, что это пруригинозная сыпь, но нет ничего. Она, тем не менее, моет его и присыпает успокоительным порошком, но ничего не помогает, Гюстав чешется все больше и больше, что вызывает даже маленькие язвочки при расчесывании. Но что любопытно: он чешется везде, кроме генитальной зоны. Его мать удивлена и обращает его внимание, что у него не везде чешется, как он говорит. Может быть, ему запретили играть со своей «той-

что-писает»? Да, отвечает Гюстав, он чесался там тоже, но няня рассердилась один раз и сказала ему, что если он притронется к своей «той-что-писает», он будет писать все время, и Гюстав не хочет этого, ему придется надевать подгузники, как маленькой девочке. Мама говорит об этом с Гюставом, она знает лучше, чем няня, нет в опасности, и она добавляет:

— Это *твоя* «что-писает» и ты можешь с ней делать, что хочешь, она твоя.

Это объяснение попало как раз в причину навязчивого чесания, потому что оно исчезло за несколько дней (мастурбация от этого не стала, впрочем, более явной).

В добавление к этому на следующий день после разговора с мамой когда бабушка, увидев, что Гюстав чешет себе лицо, стала его в этом упрекать и приказала прекратить, Гюстав ответил:

— Бабушка, это *мое* лицо, и я могу с ним делать, что хочу.

Причиной кожного зуда после угрозы няни было распространение на всю кожную поверхность напряжения либидо, изначально локализованного в фаллической зоне.

Некоторое время спустя Гюстав начинает проявлять боязнь по любому поводу, становится стеснительным. Он рассказывает матери, что постоянно видит один и тот же плохой сон: он видит опасного мужчину, у него злой вид и у него большая лопата. «Немного, как моя, говорит Гюстав, слегка больше». Мужчина ничего не делает, но он может сделать больно этой большой лопатой, он — сильный. Гюстав не сможет никогда держать такую большую лопату.

— Да нет, сможешь, говорит мама, когда ты станешь большим. Мужчины все — маленькие мальчики, прежде чем станут большими. Тогда Гюстав детально рассматривает все конечности своего тела: нос, пальцы, кисти рук, ступни (за исключением своего пениса), сравнивает с матерью и добавляет: «У папы это еще больше». Мама утверждает, что это вырастет у Гюстава и что позже он будет, как папа, и даже твоя «что-писает», добавляет мама.

— Но есть те, у кого ее больше нет, она упала.

— Ты думаешь? Это правда? С кем это случилось?

— Я видел девочку, у нее не было больше ее «что-писает».

— Да нет же, говорит мама, у девочек их никогда не было, и когда они вырастут, у них никогда не будет ее такой, у мамы ее нет, у

женщин нет «той-что-писает», девочки и мальчики сделаны неодинаково и поэтому папы и мамы не являются одинаковыми.

Гюстав размышляет, потом говорит:

— Глаза, они слишком глубоко, их нельзя оттуда достать, но ноги, руки, если их сильно потянуть, они могут выпасть, не так ли?

— Да нет же, говорит мама, это очень прочно; невозможно, чтобы такие вещи случались.

— Потяни за них, посмотрим, очень сильно. (И он хочет, чтобы его мама сильно потянула за пальцы, кисти рук, ступни.)

— Ты же видишь, говорит мама.

— А моя «что-писает»?

— Так же, отвечает мама.

— А если бы это был злой, очень сильный мужчина?

— Никто не сможет. Это держится слишком хорошо. Такого никогда не бывает. И потом папа и мама рядом, чтобы никогда не было злого мужчины около тебя.

Мы видим, следовательно, что Гюстав, констатируя отсутствие пениса у девочки, объясняет это потерей. Он ассоциирует свой половой орган со своими конечностями, только их маленькие размеры его занимают, и он выражает свое чувство неполноценности по отношению к мужчинам, сильным, как папа, и даже по отношению к женщинам. Страх сексуального калечения держится на ложных интерпретациях. Его амбиция стать сильным наталкивается на его настоящую неполноценность ребенка. Разочарование, которое он испытывает, пробуждает его мстительную агрессивность, и он проецирует свои чувства на мужчину «сильного и злого», субститута отца, откуда — страх от сновидения. И в его сознательном появляется симптом: застенчивость, трусость, поведение девочки. Мы видим здесь живую, как намечается один из первых страхов и зарождающийся комплекс кастрации — он в некоторых случаях сможет отметить все развитие мальчика.

Девочка, которая (с его точки зрения) обладает совсем маленьким спрятанным фаллосом, достойна зависти; она ничем не рискует. (Глаза слишком глубоко сидят, чтобы можно было их оттуда достать.)

Объектная установка по отношению к матери разыгрывается по пассивному типу. Это то, что выражается символической игрой:

заставить сильно тянуть маму за все концы. Он хотел бы, это ясно, чтобы мама поиграла тоже с его «что-писает», что было бы эквивалентно успеху пассивного соблазнения.

Преимущество этой аффективной ситуации по отношению к матери, когда маме она нравится (и нередко можно слышать, как матери с гордостью говорят о своем сыне: «Он — паинька, от него забот не больше, чем от девочки»), или запрещают своим сыновьям играть грубо в смелые мальчишечьи игры из «страха, как бы он не сделал себе больно»), в том, что мальчик остается любимым матерью и у него нет необходимости входить в соперничество с отцом; напротив, ему удается соблазнить также папу. Эта предгенитальная пассивная установка, если она продляется, будет противостоять нормальному развитию эдипова комплекса, который в этот момент только начинал заявлять о себе.

Еще одно слово о юном Гюставе. Это может показать, что симптом несет в себе искупительное значение; и это подтвердит интерпретацию, что мы дали женскому пассивному поведению, у которого была цель устранить магическим путем угрозы сексуальной мутуляции.

Некоторое время спустя после предыдущих фактов Гюстав принялся страшно бояться войны, об угрозах которой он слышал. Действительно, семья Гюстава находится в Австрии, и это угроза аншлюса, затем — атмосфера войны, войска и т. д. Война — он ее боится, «он может умереть». Мать объясняет ему, что он швейцарец и что ему нечего бояться. В этот момент Гюстав без конца кашляет, при аускультации¹ врач не находит тому никакой причины; как-то зашел разговор о том, чтобы пойти в кино, и мама говорит: «Да, когда ты не будешь кашлять». С этого момента больше не слышали, что Гюстав кашляет. Мама его отвела в кино. Но через несколько дней непрерывное шмыгание носом, хотя у Гюстава не было никакого насморка, вынудило мать сказать: «Ноне шмыгай же так носом», и Гюстав ответил:

- Если я не кашляю, нужно, чтобы я шмыгал.
- Почему же? Доктор сказал, что ты не болен.

¹ [Аускультация — метод прослушивания звуковых явлений, связанных с деятельностью внутренних органов.]

— Но нужно же, чтобы я что-то делал, понимаешь, так я всегда останусь швейцарцем.

5. СЕБАСТЬЕН

Десять лет

Приведен из парижского пригорода матерью. Ребенок очень нервный, не поддающийся дисциплине, лгун, любит командовать. Ничего не учит в школе, учитель уже не может больше его выносить. Делаем тест (5 октября).

12 октября:

Результат теста Бине—Симона (М-ль Ашар) дает: ментальный возраст — 8 лет 6 месяцев (очень возможно, что есть нарушения). Во время тестирования ребенок показал себя очень довольным собой, нестабильным; отвечал не раздумывая, убежденный, что знает, плохо адаптируясь к последовательности нескольких действий. Мать жалуется, что неделя была очень плохой: приступы гнева, вранье (типа мифомании).

Он поднялся однажды утром в 5 часов и отрезал пуговицы со своих брюк (его застали за этим делом, но ему ничего не сказали, он снова лег), и несколько часов спустя он сказал, что это сделали в школе. На брюках пуговицы постоянно срезаны, и он всегда говорит, что их отрезает один одноклассник. Мать не знает, врет ли он или не в своем уме. Его можно убить, но не добьешься признания.

У меня достаточно быстро сложился хороший контакт с матерью, она мне рассказывает в деталях о своих неудовольствиях, одиозной жизни, что создает Себастьян дома. Его приступах гнева, чтобы все сломать. Ничто не может его запугать. Мать не может постоянно работать (она работает прислугой), потому что Себастьяна нельзя оставить в классе — его нигде не переносят. Он все время опаздывает. Он не делает уроков, несмотря на призывы к порядку матери, которая, в конце концов, помогает ему делать их или делает сама.

У мальчика во время нашего разговора тревожное и упрямое выражение, он не отвечает ни на один вопрос и пожимает плечами, когда мать говорит.

Мать кажется мягкой, но не очень умной. Она говорит, что мальчик подчиняется в целом отцу больше, чем ей. Отец — санитар в населенном пункте по соседству и приходит лишь раз в неделю домой. Он зарабатывает мало, и матери действительно нужна свобода, чтобы работать. Она просит у нас, вообще говоря, по совету школьного учителя адрес специального пансионата, куда принимают трудных детей.

Мы просим мать изменить в одном пункте ее поведение по отношению к Себастьяну в течение ближайшей недели: не говорить ему два раза вставать, чтобы идти в школу. Тем хуже, если он не встанет. Чтобы она нам пообещала не заниматься этим больше. Себастьян достаточно большой и знает, что школа это не притеснение, и, если он предпочитает жить с беспокойной совестью, это его дело, и он от этого не будет знать ни больше, ни меньше, если пропустит школу, и он узнает, что он свободен учиться или остаться позади других.

Мы объясняем матери, что если Себастьян злой, значит, он это предпочитает. Он свободен. Врачи — не для того, чтобы его ругать, но чтобы понять. Мы попытаемся ему помочь, если это возможно. Если нет — тем хуже: ему дадут адреса пансионатов для трудных детей, где, впрочем, ему будет очень хорошо, но жаль, если попадешь насовсем в трудные дети, если у тебя доброе сердце.

Мать обещает нам следовать нашему совету, но она немного обеспокоена последствиями. Мы ей говорим, что даже если он совсем не будет ходить в школу на этой неделе, она должна оставаться к этому безразличной, но только привести нам ребенка через неделю.

Во время разговора с матерью Себастьян сменил поведение и слушал.

Мы остались только вдвоем. Общий разговор о его отставании в школе и его поведении «маленького» в жизни. Может быть, мама наскучила ему: она думает, что хорошо делает, и это его раздражает. Так вот, в 10 лет ты уже достаточно большой и знаешь, хочешь ли учиться или нет. Если не хочешь, нет смысла, чтобы весь дом стоял из-за этого на ушах.

— Да, я буду хорошим, отвечает он, я буду хорошим, это нехорошо быть таким, я буду хорошим (возбужденным тоном, с видом порицающим и важным).

19 октября:

Себастьян ходил в школу каждый день, неделя прошла хорошо что касается поведения дома до вчерашнего дня, сказала нам мать. Вчера ужасный каприз в час обеда, Себастьян отказался сесть за стол и убежал за поселок.

Одна с Себастьяном. Завязывается разговор на общие темы с пятого на десятое. Я его поздравляю за его усилия до вчерашнего дня. «Но что произошло вчера?»

— Да, это нехорошо, это нехорошо, я больше так не буду. О, нет. Я хорошо знаю, что это нехорошо и т. п.

Я у него спрашиваю:

— Когда ты видишь папу?

— По четвергам.

Тогда они проводят весь день вместе, занимаются работами в саду. Папа хороший. Он ему показал свою тетрадь. Это было лучше.

Течение его речи, по-прежнему, возбужденное, беспокойное; в тоне — снисходительность и важность, как будто он говорит голосом взрослого, читающего нравоучение.

— Видит ли сны, хорошо ли спит?

Страшные сны, кошмары. У него они всегда так. Он кричит, это будит маму, ему страшно даже, когда просыпается. Пламя, сожженные самолеты, воры.

По поводу школы Себастьян принимается «ябедничать», будто бы он возмущен манерами других, «которые делают ужасные гадости».

— Это нехорошо! Они закрываются в туалете, чтобы их не видели.

Я спрашиваю:

— Совсем одни?

— Да!, но разве не отвратительно! (и с помощью большого количества деталей он мне описывает занятия мастурбацией с тряп-

ками, «потому что они это не делают без ничего!», описания с целью создать у меня дурное мнение о подобных шалопаях).

— И еще я об этом рассказываю маме, и она мне говорит, что это негодяи, не нужно никогда делать это. Но я, я ведь не отвратительный. О, на что это похоже, и еще потом это у них на лице видно.

Я его слушала (впрочем, темп его речи не позволил бы мне вставить слово) и в то же время думала о пуговицах со штанов, о которых я с ним никогда не говорила. Его мать сказала об этом д-ру Пишону, но не мне. Несомненно, Себастьян считал, что я не знаю об этом.

Так как мне показалось, что у его дыхания слегка кислый запах ацетона, я попросила сделать анализ мочи; медсестра была как раз свободна, я ей доверила Себастьяна, ему я сказала придти затем ко мне.

Ему сделали анализ, который, впрочем, не обнаружил ацетона, но произошла поучительная сцена. Когда речь зашла о том, чтобы помочиться в баночку, это было отчаяние, слезы. Его мать прибежала. Себастьян зарыл голову в юбки в отчаянии, и он все еще находился в таком состоянии, когда медсестра пришла сказать мне результат. Он не хотел со мной идти назад. Его мать улыбалась со словами:

— Видите ли, ему стыдно делать в баночку, он не привык.

Я взяла Себастьяна и увела его за руку.

— Пойдем, не бойся, видишь, мама считает, что тебе стыдно, потому что ты сделал в баночку, а в этом нет ничего стыдного. И потом тебе не было стыдно: когда стыдно, не бывает такого шумного отчаяния, и если бы тебе было стыдно, ты бы не боялся снова придти ко мне, ведь я тебя об этом попросила. Тебе было не стыдно, тебе было страшно. Может быть, немного от того, что ты мне сказал о других до этого, это ты этим занимаешься, может быть, даже всем. Ты подумал, может быть, что это увидят по твоей письке?

Тогда в слезах и рыданиях отчаяния Себастьян признается, что я права. Я даю ему поплакать, и потом мы говорим об этой мастурбации, которую я называю «делать это» его собственным словом. Я ему говорю, что он не один, — много маленьких мальчиков несчастны из-за этого. Я его разуверяю относительно страхов отсече-

НИД...лового члена, угроз болезней, имбецильности, сумасшествия, |н>|)>МЫ

Я ему говорю, что, должно быть, это не очень приятное занятие |ц| когда боишься столько вещей; следует, значит, думать, что ему трашно хочется, чтобы подвергать себя риску столько опасно • гей, несмотря на страх, который есть у него. Так вот, нет, никогда **НИ** I лучается подобных историй. Просто забиваешь свою голову рас- Кмниями.

Я у него спрашиваю: может быть, это у него вызывает зуд? Умеет ли он мыться? «Нет, он никогда там не трогает» (sic: это объ- Ш пнет тряпки). Тогда я ему говорю, что там надо мыться, как и пов- • |пду, впрочем, я ему объясняю, как. По этому случаю, так как он | гесняется, я ему говорю: «Но я, как твоя мама, и как мама — док- п>|>. У него генитальные органы довольно развитые для его возраст- |.|, па головке полового члена раздражение.

Я ему говорю:

— А мама думает, что ты еще малыш! Но ты же большой мальчик п ты знаешь много вещей, которые бы удивили маму, я в этом \трепа.

— Вы ей не скажете, что я вам сказал.

— Нет же, это никого не касается, кроме тебя. Это личные де- \i Все люди это знают, но об этом не говорят. Если твоя мама тебе гн I казала все давешние истории, может быть, она считает, что ты in IиМОзаболеешь?

— Да, есть в деревне один идиот.

— Ну вот идиоты «делают это» все время, потому что они ИДИОты, но они идиоты не потому, что они «делают это». Я доктор, и I Пид(1 это лучше, чем мама. Все мальчики, все мужчины делают • in иногда, но не без остановки. И потом, даже если бы это было • 110X0, лучше было бы сказать себе, что делаешь плохие вещи, пусть г будешь собой гордиться, но лучше, чем придумывать истории, чтобы осуждать других.

И добавляю:

— Я ведь не говорю, что ты врешь. Похоже на вранье, но стоит • • | и начать выдумывать, как ты уже этому веришь, так?

- Да, и тогда как будто это уже не я.

Да, но это все-таки ты. Твои товарищи тоже это делают?

— О, нет, о, может быть...
 — Почему «может быть»?
 — Не знаю, я их не видел. Но иногда они говорят о вещах... а я, я не слушаю, я не хочу слушать, это некрасиво.
 — Какие вещи?
 — Ну, такое... дети... женатые.
 — Но это не некрасиво. Говорят, что это некрасиво, маленьким детям. Но когда растешь, все интересно, и это вещи тоже, конечно. Папа и мама тоже были маленькими, и они выросли.

Я ему даю подумать и потом добавляю:

— Хочешь ли ты, чтобы я сказала, правда ли то, что рассказывают твои товарищи ?
 — Да, они, может, не знают.
 — Что ты думаешь?
 — О, я думаю, что они правы, я так же думаю.
 — Что они говорят?

Следует туманное описание сексуальных отношений. Мужчина кладет что-то в женщину. Я прошу уточнить. Есть понятие отсутствия фаллоса у женщины, но нет о другом органе, кроме кишечника. Я объясняю устройство женщины. Я говорю:

— Семя дает мужчина, и иногда семя начинает расти в матке женщины. Это природное, от этого ей не больно. Малыш вырастает за 9 месяцев, и тогда это рождение. Что?

— Один говорит — через бок, и еще один — через низ; но это операция: «ты» идешь в больницу, и «ты» (sic) лежишь.

— Да, это через низ. Ты видел, как распускается цветок. Так вот, мама так же. И это природное. Ей немного больно, тогда она говорит себе: «надо же, он собирается родиться», и она идет в больницу, чтобы все было чисто, потому что малыш рождается совсем маленьким, он только и может, что кричать, и мама иногда очень плохо себя чувствует. Удобнее быть в больнице, где делают все для нее и для малыша. И потом вскоре появляется молоко, которое вырабатывается само по себе в груди мамы, и малышу остается только сосать. И папа, и мама довольны потому, что он от них и он на них похож.

Себастьян размышляет, потом говорит мне:

— И если бы мама знала то, что мы говорили.

— Ну да, она была бы может быть удивлена, потому что она считает, что ты еще не знаешь, как она стала твоей мамой, но она была бы горда знать, что ты большой.

-- Да, но она?

— Она что?

— Знает ли она обо все этом?... О, какой я дурак, раз я родился. (Фантазм табуированной матери).

После этого разговора я ему говорю: «Итак, ты видишь, что нужно хорошо работать, чтобы получить сертификат и научиться ремеслу, зарабатывать деньги и стать, как папа».

И так как я знала про ежевечерние комедии с уроками, я ему сказала поторопиться их сделать быстро по возвращении, чтобы потом пойти весь вечер играть.

Отведя его (успокоенного и улыбающегося) матери, я ей сказала: «Это большой мальчик, скоро вы будете им гордиться». Я у нее прошу последнее усилие на эту неделю: не заниматься его уроками. Сделает ли он их или нет, это его дело. Она проверит тетрадь раз в неделю в день выставления отметок, но пусть предоставит Себастьяна только контролю учителя.

26 октября:

Себастьян преобразился. Его мать говорит нам, что она его не узнает. Мы его ей подменили. Она еще более удивлена ночными изменениями, потому что он без конца разговаривал и кричал от своих кошмаров каждую ночь, не просыпаясь. Он спит теперь спокойно. Он ее не вывел из себя ни разу за эту неделю.

Она последовала моему совету относительно уроков, и в четверг их проверил папа. У него 10 по поведению. Она настолько довольна, что не привела бы его к нам, учитывая их отдаленность от Парижа, если бы Себастьян не попросил с настойчивостью поехать сказать мне эти хорошие новости.

Теперь, когда он хороший, можно ли поместить его в пансион, чтобы она могла бы работать прислугой?

Я прошу поговорить сначала с Себастьяном.

Он спокойный, говорит медленно или — скорее — нормально, простым и естественным тоном. Он мне пересказывает то, что мать уже рассказала. Оценки за домашние задания и на уроках: 7 и 8.

Учитель сказал, что стало лучше, что у него никогда не было 10 по поведению. Он делает сам уроки, он думал, что у него не получится, мама ему сказала: «Я тебя не буду просить, чтобы ты показал, и я о них говорить не буду, но если тебе будет нужна моя помощь, попроси». И он добавляет: «Но мне не понадобилась».

Он говорит со мной о папе, о его велосипеде, на котором он катается. Меня это удивляет (потому что он маленький) и спрашиваю его, какого роста папа. «О, он вам по плечи, гораздо меньше, чем вы. Мама тоже гораздо больше него». И помолчав: «Я хотел бы быть выше его».

Пока я записываю наблюдения по его поводу, Себастьян молча рисует. В последние разы он болтал без умолку. Его рисунки: красивый корабль «Нормандия» с флагами, задумки довольно детской и с раскрашенными большими буквами; инициалы имен его дядей, братьев матери, о которых он мне говорит с восхищением: «Они большие», я хотел бы быть похожим на них, «у них хорошие профессии», но его отец два года был безработным, пока не нашел места санитара в приюте, очень мало оплачиваемое. Мать говорит, что он «не силен». (На самом деле, он, должно быть, на грани лилипутства.) Себастьян говорит, что он хотел бы заниматься теми же профессиями, что его дяди. Мы говорим о пансионе, и он согласен.

2 ноября:

У него по-прежнему все очень хорошо. Мать говорит, что определенно он более не тот, какой был. Он более не нервный, нет больше приступов гнева. Он послушный, но не слишком. Он играет, весел, у него нет больше ночных кошмаров и ужасов. В школе его более не узнают. Учитель этим удовлетворен.

19 января:

Себастьян мне написал, чтобы сообщить о своих новостях. «Я слушаюсь маму и папу, я работаю немного лучше в школе, заработал хорошие баллы. И я думаю о вас».

30 марта:

Мы написали матери, чтобы узнать, поместила ли она Себастьяна в один из указанных пансионатов и хороши ли у него дела. Она

отвечает, что она его оставила, потому что с ним стало очень легко. Она может работать и не быть дома, потому что он смирный, когда один дома. Она очень довольна им со всех точек зрения.

Заключение

Речь идет, конечно, о страхе кастрации. Символизм пуговиц на штанах был трогательной ясности. Прогноз великолепный.

Поведение как «довольного собой», роль глашатая морали, в то время как его мифомания отягощала других его ошибками, — что все это означало?

Себастьян проецирует на других ответственность, и ему удается реально считать их виновными. Его Сверх-Я говорит, как мама, и клевета позволяет маме усердствовать, но, в конце концов, чувство вины накапливает Себастьян, оно добавляется к его страху кастрации, ищет успокоения, которое он находит в смехотворных сценах по поводу ребяческого непослушания и систематического негативизма.

Исключительно быстрой развязкой этот случай, несомненно, обязан, ложной интерпретации, данной Себастьяном анализу мочи, что случилась нечаянно после его лживых высказываний и его фразы: «это у них на лице видно».

6. БЕРНАР

Восемь с половиной лет

Мальчика привела его бабушка, ей было поручено родителями отвести его в больницу по поводу энуреза, который прекратился лишь на полтора месяца в возрасте шести лет во время его пребывания в деревне, и особенно по поводу недавнего появления — сначала эпизодического, в настоящее время ежедневного — дневного недержания мочи и кала. Эти нарушения стойко держатся, несмотря на все наказания.

Бабушка говорит о Бернаре, что он «как все дети, упрямый, грубый, если к нему пристаёт брат, рассеянный». Она говорит, что родители любят давать волю рукам и что Бернар получает пощечины «чаще, чем полагается, потому что действует на нервы всем,

что ни на что не обращает внимания, но это ерунда, его же любят». Что касается школы, бабушка не может нам дать сведений. Бернар говорит, что у него — 27-е место из 45.

Он был помещен к кормилице с 2-х недель до 4-х лет. У него — брат 4-х лет, Рене. Родители забрали Бернара к себе, чтобы отдать Рене на его место к кормилице, но Рене там оставили только на 2 года.

При физическом осмотре абсолютно нечего отметить. Толстощекий ребенок, инфантильного вида; когда сидит, кажется, что развалился на своем стуле; маловыразительный; у него еще молочный зуб.

Оставшись с Бернаром, ничего из него не вытягиваю, кроме рисунка; он мне его делает, очень стыдясь, что не умеет рисовать. На нем — человек, который ведет грузовик (его отец — водитель грузовика).

Одним словом, мальчик очень нестабильный, рассеянный, отказывающийся от любого усилия, сам по себе не агрессивный, но противодействующий значительной силой инерции.

Учитывая, что энурез закончился в 6 лет во время пребывания в деревне без родителей в тот момент, когда маленького брата также не было с ними, и что он возобновился по его возвращении, думаю, что ревность по отношению к брату играет свою роль. С другой стороны, Бернар выказывает себя грубым лишь со своим братом и когда тот ему надоедает.

Я тогда говорю о других детях, как Бернар, которые ревнуют к своему брату, я объясняю, что ему есть от чего, поскольку он сам был лишен своих родителей так долго, и я говорю, что ревность, может быть, — не очень симпатичное чувство, но это существует, и что, может быть, он хотел бы иногда сделать по-настоящему больно Рене. Я добавляю, что думать и действовать — это не синонимы; стоит лучше знать, что ты ревнуешь, и попытаться уладить другим образом, чтобы вызвать зависть другого в плане, где тебя не вытеснят. Он, например, большой и станет сильным типом, «крутым», хорошим учеником; тогда папа и мама будут гордиться, он их вынудит считаться с ним: «Наш старший такой, наш старший эдакий». Это не сразу произойдет, но я ему помогу, и в ожидании, что семья это заметит, я ему принесу вознаграждение на следующей неделе,

если работа пойдет хорошо. Что касается историй делать в штанишки, я считаю, что это не имеет никакого значения, сказала ему я, это делает его похожим на малыша и это плохо пахнет, но если ему это приятно и нет ничего, чтобы ему было приятнее, я ему не буду мешать. (8 марта)

22 марта:

Ребенок не захотел придти в предыдущую среду, потому что у него была контрольная работа; родители не возражали, потому что у него уже был прогресс, но особенно значительный прогресс он сделал с 15-го (т. е. со дня этой контрольной работы). Что касается симптомов, которые их интересуют: энурез — это было только один раз, — и он начал делать в штаны днем только раз.

Бабушка говорит, что он немного изменился: он менее спокойный и более резкий, чем раньше со своим братом. Рене одиозен со своим большим братом, особенно в последнюю неделю. Он у него забирает тетради, прячет, мешает спокойно работать. Мать ради мира считает правым маленького, «тогда тот орет все время». Прежде Бернар получал пощечины и уступал.

Бернар, весь довольный, когда говорит мне, что у него 17-е место из 45, я его хвалю и ему показываю, что брат ревнует его, что тот ходит в школу. Если Бернар еще немного ревнует Рене, то потому что мама его больше балует; он несомненно прав, но бабушка, кажется, его предпочитает маленькому брату (Бернар мне это подтверждает), и это компенсация, и потом Рене напрасно делает — он никогда не будет старшим, он всегда будет на 4 класса младше, если Бернар не отстанет в школе. Он пойдет в подмастерья на 4 года раньше Рене и будет зарабатывать деньги на 4 года раньше.

29 марта:

У Бернара больше не было недержания ни мочи, ни кала ни днем, ни ночью. У него значительный прогресс, говорит бабушка, и учитель сказал об этом его отцу. Он ему больше никогда не делает упреков, в то время как раньше больше всего ругал его он. Я прошу увидеться с отцом.

19 апреля:

Бернар приходит со своим отцом, большим и кротким мужчиной. Он мне говорит, что доволен переменой в Бернаре и тем, что он стал чистоплотным. Он видит, что и характер его тоже меняется. По словам бабушки, я говорила о его характере и сказала, что все логично. Это их удивляло, но отец мне говорит, что он заметил, действительно, со временем перемены с ним — что Бернар не был по-настоящему более толковым, чем его младший брат, и только начинает быть таким. Он мне описал нестабильность Бернара: мать просит его помочь ей накрыть на стол, Бернар слушается, но потом он берется за все и достает все, что есть в буфете. Мать шлепает его и отсылает, а Бернар плачет. Часто он забывает, за какими покупками его послали.

Я остаюсь с Бернаром наедине, и он мне рассказывает, что ему досаждают сейчас то, что младший брат настолько боится темноты, что не хочет спать в комнате папы и мамы, а хочет лечь в кровать Бернара.

— Я плохо сплю, и потом иногда у меня плохие сны.

Момент спустя Бернар добавил:

— У Рене плохие привычки, потому что он нервный; может быть, вы могли бы его вылечить от его нервов.

Я спрашиваю:

— А какое у тебя мнение о плохих привычках?

— О, мама говорит, что он заболевает, она его шлепает и говорит, что доктор его ему отрежет.

Я отвечаю:

— Так вот, это неправда, ты скажешь об этом Рене. Это истории про страшилище, и ты хорошо знаешь, что это тоже неправда. Так говорят малышам, чтобы их запугать. Вот почему Рене нервный, и давай ты придешь с ним в следующий раз.

Хорошо видно, что Бернар посредством этого посредничества своего брата говорил мне о своей собственной мастурбации, которая вызывает страшные сны.

Заключение

Это лечение еще продолжается, но мы подумали, что оно интересно самой своей простотой: возвращением к пассивной анальной стадии. Переоценка своих способностей (по поводу, например,

его чувства неполноценности по отношению к рисованию) разрешила проявление ревности, амбиции, агрессивности и позволила Бернару перейти на активную анальную стадию. Но нестабильность и страшные сновидения обозначают комплекс кастрации, подтвержденный его занятиями мастурбацией.

7. ПАТРИС

Десять лет

Приведен к врачу, потому что медленный и очень нервный. Он беспрестанно двигается, его учитель жалуется на это. За столом он ест очень медленно. Комедии по утрам, чтобы встать. Так сказать, ритуальные и ежедневные сцены, потому что он не закончил молитву. Иногда — наважденческие заботы при укладывании спать и что одеть, в другой раз — беспорядок, грязь, он «складывает все в кучу».

С точки зрения учебы — он в седьмом классе в лицее; хороший ученик по рисованию, декламации, чтению, очень плохой в орфографии, средний по математике. Плохие отметки на уроках, нерегулярность в выполнении домашних заданий, очень плохие отметки по прилежанию и поведению. Ничего не отмечено в отношениях с товарищами. Патрис — единственный ребенок.

С отцом постоянные ссоры. Отец очень нервный, говорит мать, и не может выносить ребенка (?).

Постоянные конфликты между родителями по его поводу.

Во время всех этих семейных ссор Патрис ведет себя, как фанфарон и наглец, торжествует, когда завоевывает очки, настолько, что его мать, втянутая в дискуссию между отцом и сыном, чтобы защитить мальчика, принимается его ругать, потому что он использует ситуацию. И это она «клюет», по его выражению. Короче, вечные сцены, семейная атмосфера вскипает из-за «пустяков»: например, если Патрис ест или не ест хлеб с мясным блюдом, садится ли он как попало в кресло, качается ли на стуле и т. п.

Кажется ясным, что Патрис, единственный сын, эксплуатирует напряженную ситуацию в родительской паре, в которой ему нет места. И ему тогда невозможно вступить в эдипов комплекс без

чрезмерного чувства вины, которое поступает на службу комплексу кастрации и вызывает неудачу самонаказания.

Терапевтическая цель, которую следует поставить, — это разделить трио, позволив Патрису реальные победы, производные от эдиповой ситуации, но играющие на субститутах эдиповых объектов, т. е. вне семьи.

Но мать работает и говорит, что она не может ходить. Значит, нужно действовать быстро. (В конце нашей беседы она согласится, чтобы Патрис приходил один, если надо.)

Не подвергая сомнению то, что мать нам говорит об отце достаточно страстным тоном, мы принимаем к сведению лишь то, что она нам говорит о ее собственном отношении к Патрису.

«Пусть она нам поверит: Патрису не нужны ни лекарства, ни смена обстановки».

Последовали советы общего порядка — очень простые, сказанные в присутствии ребенка, имеющие целью вернуть семейные инциденты к их настоящим пропорциям. Мы пытаемся обесценить роль, которую, как считает мать, она должна в этом играть. Патрис достаточно большой, чтобы у него были ссоры с отцом и чтобы она в это не вмешивалась, говорим мы. У него нет необходимости, чтобы его защищали. И потом — есть медленно, есть с хлебом или без хлеба строго с точки зрения Патриса, не имеет ровно никакого значения. Если Патрис не кончил обедать вместе с другими, пусть возьмет свою тарелку с собой, закончит есть в другом месте и принесет ее затем сам на кухню. Если он не захочет съесть всю порцию, пусть оставит, — это никому не доставляет неудобств. Днем, когда проголодается, он съест больше; впрочем, лучше пусть он сам себе накладывает вместо того, чтобы накладывали ему. Он возьмет по аппетиту.

Эти слова здравого смысла, казалось, поразили мать, так же как и мальчика. Этот разговор без эмоций затрагивает перенос ребенка и вызывает вопрос матери:

— Но тогда что я должна делать? Вы думаете, что это легко!

— Я знаю, говорю я ей, издали мы видим вещи трезво. Не берите себе в голову и если вы хотите оказать мне доверие, пообещайте единственную вещь на эту неделю: утром вы скажете, который час, Патрису один единственный раз, и больше вы ни о чем не будете

беспокоиться! Пошел ли он в лицей или нет, ушел с опозданием или без завтрака или не умывшись, вы этим не занимаетесь. Если его оставят после уроков, тем хуже для него, и если он устроит так, что его не накажут в лицее, тем лучше для него. Это не пройдет, может быть, как по маслу, он будет от этого страдать, и вы тоже. Но выдержите, я вас прошу об этом, только на неделю. И если вы действительно хотите мне помочь, действуйте без всякой тени придиорок. Если ему не удастся встать вовремя, если его накажут, не торжествуйте. Наоборот, утешьте и ободрите на следующий день.

Патрис затем остался наедине со мной. Установился очень хороший контакт. Он говорит со мной о том, о сем и рассказывает недавний инцидент с видом торжествующего фанфарона в начале и жертвы — в конце. Это было по поводу покупки матерью столового сервиза, который он выбрал и посоветовал. Его отец был в ярости, и он «его отругал и отхлестал».

Я возвращаюсь к его рассказу и показываю ему, что, должно быть, произошло: ему польстило, что мама покупает то, что он считает красивым, — то, что она сделала, потому что ее вкус совпал, несомненно, со вкусом Патриса. Но Патрис захотел увидеть в этом личную победу и, должно быть, похвастался, чтобы подразнить отца, «показать ему нос». Естественно, папа, он умный, понял наглое намерение. Патрис хотел пощечину, и он ее получил. В реальности Патрис очень хорошо знал, что мама купила этот столовый сервиз не для того, чтобы ему польстить. Он воспользовался представившимся случаем, чтобы поругаться с отцом и затем принять вид бедной жертвы.

Патрис немного оскорблен, но признает, что то, что я ему говорю, — правда.

Тогда я ему объясняю, что он ревнует мать и что он несчастен. Он хочет похорохориться, обмануть самого себя, думать, что мама любит только его и одержать победу над отцом. Но, ничего не поделаешь, с отцом также надо считаться. Это так. Он не был нужен родителям, чтобы жить, в то время как он не смог бы обойтись без них. Вот почему вместо того, чтобы быть довольным, когда он одерживает победу около мамы, это как будто он совершает что-то плохое и не может этим воспользоваться. И он стремится к тому, чтобы его наказали. (7 февраля)

14 февраля:

Неделю спустя после первой беседы Патрис приходит один и приносит мне письмо от матери, в котором она мне пишет, что очень довольна Патрисом. Вначале она была в отчаянии первые два дня после нашей консультации. Он никогда не был таким ужасным. Несмотря ни на что, она сдержала обещание, данное по поводу утра, и Патрис встает теперь только сам и раньше времени. За что, удивленная и довольная, она меня благодарит.

Патрис раскрыт и спокоен, рассказывая содержание письма, известное ему.

Он мне говорит, что с отцом у них было очень плохо первые три дня. Это были драмы каждый раз за столом, все время по поводу его медленности и потому что он ел либо один хлеб, забывая про блюдо, либо блюдо, забывая про хлеб. Папа сердился, мама не говорила ничего. Но вот уже четыре дня, как больше нет инцидентов за столом, потому что — не делая этого специально — он больше не забывает и ест одновременно и хлеб, и содержимое тарелки; и он первый этим удивлен.

Ему ставили 6, 7, 8, 9 за уроки, потом вчера... 3! Он этим огорчен из-за средней оценки. Он ведь очень хорошо знал урок и хотел получить 10. У него спросили притоки Луары, а он назвал притоки Сены, но без ошибок, и поэтому вместо 0 получил 3. Он хочет получить более высокую среднюю оценку. Я его в этом ободряю и говорю, что это не очень страшно; я ему показываю *психогенную сторону неудачи* в этой рассеянности, как будто у него не было права получать 10. Патрис добавляет, что он боялся упреков своего учителя, но тот ничего не сказал. Три дня назад, видя, что он знает лучше уроки, учитель ему сказал: «Патриса я все больше уважаю», и вчера следом за инцидентом с географией, так как Патрис понял первым устную задачу, учитель сказал: «Патрис попадет в группу умных». Патрис — весь гордый, и я ему говорю, что он доставляет мне большое удовольствие, так же как и своей матери.

Он мне еще рассказывает, что он влепил гнусному типу, который ему угрожал все время и давно хвастал перед всеми, что он сильнее, чем он. Патрис избегал все время приближаться к нему, потому что другие его боялись. У него тоже от него уже «попорчена физиономия». «Но тем хуже, на этот раз я сказал «посмотрим», и

потом тот оказался внизу. Он был в ярости и оскорблен, а все были довольны. Ну, видите ли, я думал, что этот тип, он меня поимеет».

Мы видим, таким образом, как амбивалентность по отношению к отцу смогла быть перемещена на внешний мир. Пассивная гомосексуальная составляющая была перемещена на учителя (и он горд его соблазнить), и агрессивная составляющая находит, чтобы переместиться на «гнусного сильного типа», который служит субститутом для эдипова объекта.

В то же самое время ситуация в семье становится полегче. Патрис может быть счастлив доставлять удовольствие маме, энергия либидо перемещена с эдипова соперничества на борьбу за жизнь в плане реального: успехи в школе и в других областях, не только разрешенные, но и получившие одобрение. И мы видим, как страх кастрации еще действует вначале на эти победы, определяя неудачи самонаказанием (плохая отметка из-за рассеянности), причиненные Сверх-Я.

Этот случай с точки зрения медицины и сложности был, стало быть, очень простым. Одна беседа с матерью в присутствии ребенка и две беседы с глазу на глаз с ним изменили симптомы.

Но не будем обманываться. Наша терапия не излечила Патриса.

Она позволила ему единственно осознать свое место в жизни с новой позиции. Бессознательному мальчику удалось отказаться от своих симптомов, благодаря удачному перемещению с удовлетворениями в конце. Первые три дня (худшие, чем когда-либо) показывают бессознательное сопротивление Патриса. К счастью для мальчика, мать сдержала обещание, данное нам. Ее молчание вместо привычного вмешательства во время инцидентов первых дней за столом позволило комплексу кастрации «дать поспеть» эдипову комплексу. «Очарование» в магическом смысле слова, которое поддерживало мальчика в садомазохистической установке по отношению к отцу, исчезло; последовало огромное освобождение либидо, и оно сразу смогло послужить инвестированию возможностей для сублимации. Психотерапевт сыграл лишь роль катализатора.

Заключение

Подобные случаи очень многочисленны. Можно даже сказать, что Патрис — в большей или меньшей степени типичный

единственный, одаренный ребенок, и у них комплекс кастрации непременно очень сильный, ибо эдипова ситуация должна с необходимостью разыгрываться на отце и нет большой возможности к перемещению.

Прогноз хороший, но еще есть, что делать, — это будет позволено Патрису чередой его успехов в школе, надеемся на это: это смягчение суровости Сверх-Я.

8. РОЛАН

Восемь лет

Мальчик нестабильный, его привела мать по совету директора школы по поводу энуреза и нервозности дома и в школе.

Трое, помимо него, детей: Жаклин (5 лет), Люсьенн (4 года), Даниэль (1 год), и беременная мать. Между Роланом и Жаклин самопроизвольный выкидыш в 4,5 месяца.

Ролан был на грудном вскармливании до 1 года, он никогда не покидал родителей. Стал чистоплотен в 2,5 года и оставался чистоплотным и после рождения Жаклин до того, как мать, беременная Люсьен, отослала Ролана спать каждый день у бабушки, которая живет совсем рядом с ними.

И там он принялся почти сразу же мочиться в кровать и не прекратил, несмотря на все испробованные воспитательные средства (обещания подарка или наказания).

Ролан очень ревнует к сестрам, он с ними злой и очень их дразнит. Он дразнит, но относится с любовью к своему брату Даниелю, которому один год. Нарушения характера — злость, недисциплинированность, нестабильность, капризы, приступы гнева — появились в особенности уже как год. «Теперь приходится кричать все время на него», — говорит мать. Я подчеркиваю совпадение: маленькому брату — год. Нет никакого сомнения, что в его глазах рождение этого мальчика вытеснило его в сердце матери. Пока были только дочери, он страдал меньше.

В начале беседы с его матерью Ролан смотрел на нас с вызывающим и упрямым видом. Он отказался рисовать и сесть. В конце беседы он стыдлив и грустен, он слушает, что мы говорим.

Я оставляю Ролана одного с собой и говорю ему о горе, каким для него, старшего, у которого была мама только для него в течение трех лет, было видеть, как появляются другие. Ролан плачет горькими слезами и ничего не говорит. На мой вопрос, «хочет ли он вылечиться от писания в кровать», он мне отвечает: «Нет, мне это все равно», и кажется искренним: «Этого хочет мама».

Я не настаиваю, чувствуя, что мама «засвечена» в данный момент. Я восхваляю роль и возможности «старшего» в семье. Для Даниеля он — как гигант, который знает все. Позже он сможет работать, как мужчина.

Ролан рассказывает мне тогда о своем дяде, который работает на железной дороге, и он хочет делать, как он. Его отец — разносчик посылок. «Он строгий», но по тону, каким Ролан это говорит, я чувствую, что он его любит, восхищается его строгостью. Я говорю ему тогда, что если он станет настоящим большим мальчиком, его отец будет им гордиться. Кажется, это его трогает.

Мы затрагиваем гигиену генитальной чистоплотности. Ролан признается, что он почти никогда не моется, и только лицо. Половой член часто чешется, особенно ночью. Я у него спрашиваю, не чешется ли он, даже если у него нет зуда. Он отвечает «да» очень тихо, опустив голову. Я спрашиваю, кто ему это запретил, что ему так стыдно. «Бабушка. Она говорит, что скажет папе». (Заметим, что энурез появился с тех пор, как он стал спать у нее.)

Я минимизирую важность всего этого, настаивая на том, что надо быть каждый день чистым, и особенно на более интересных вещах: работе и прерогативах старшего. (30 ноября)

21 декабря:

Мать пришла с Роланом только три недели спустя. Неделю назад Даниэль был настолько болен (воспаление легких), что ей пришлось отправить его в больницу. Боялись за его жизнь. Сейчас он вне опасности.

Ролан делал в постель гораздо меньше в первую неделю после нашей беседы, но недержание возобновилось еще сильнее на второй неделе.

На этой самой неделе (когда заболел Даниэль) он пропустил занятия в школе. В школе учительница сказала, что он будет делать

все, что угодно, если им будут заниматься особо. И мать меня просит ее от этого избавить, потому что с ним слишком трудно, и чтобы я его послала в профилакторий или в деревню! (сколько родителей приходят просить об этом по тем же причинам!).

Я объясняю матери, что, удалив его от себя, она ему даст поверить, что любит меньше, чем других, он и так этому верит. Он несчастен и поэтому мстит другим и несносен.

И в присутствии матери я говорю о ее беременности (не скрываемой).

Оставшись с Роланом, я продолжаю говорить на эту тему. Он говорит стыдливо, что он об этом знал, но делал вид, что не знает, потому что думали, что он не понимает. Я отвечаю, что не нужно стыдиться быть умным, наоборот. Я ему говорю, что он тоже был в животе своей мамы долго, пока не родился, а потом она его кормила своим молоком, как других, и, когда он был болен, мама занималась только им, как Даниэлем на прошлой неделе.

Он мне рассказывает, что на той неделе, когда он пропустил школу, он выполнял поручения для одного господина, он слесарь. Тот хотел ему дать 4 су, но Ролан отказался. В последние дни он ходил просить пустые коробки на рынок и приносил их на спине маме, чтобы разводил огонь и чтобы она сэкономила на дровах (стало быть, чтобы ему простили его отлучку и разделить вину с мамой, в то же время сыграть в «большого»). Я слушаю, не отвечая, и совсем не ругаю его за пропуски в школе.

28 декабря:

Сделал в кровать всего два раза, обе ночи проведены у родителей. В другие ночи у бабушки, которая ему угрожает наказаниями, без энуреза, но с кошмарами и пробуждением в страхе.

Матери он сказал, что не помнит сновидения, ну а мне он их рассказал. Ему хотят отрезать голову. Крокодил у него глотает кисть руки и руку до локтя. Его заперли в тюрьму, и он сбегает со своим товарищем. Ему часто снится, как один господин ему отрезает голову.

Ночью в своем сновидении про тюрьму он играл сначала с товарищем и машинкой. Они прицепили карабин к машинке и развлекались тем, что убивали кота, таща его за хвост. «Ему было больно, но мы ему не давали убежать, это было забавно, даведь?» Я отвечаю: «Конечно!»

10 января:

Мать мне говорит, что в кровать он сделал только раз и немного; от этого он проснулся. Это было после особенного хорошего дня, когда он поиграл в поезд и в лото с папой. Ролан лучше выглядит, у него больше нет сновидений. Он хорошо спит и ест. Он все больше добр со своим братом, он его больше никогда не дразнит. С сестрами у него больше нет тех ссор.

Оставшись со мной, Ролан принимается болтать свободно. Он доволен, что у него нет больше этих дурных снов, из-за которых он боялся спать.

Он мне рассказывает кучу историй, где у него самая лучшая роль. Он пойдет один к парикмахеру. Он помогает папе носить коробки в 100 кг! Маме он нужен. В доме нужен мальчик, который помогает во всем, ходить за дровами, носить маленького брата и т. д.!

Он говорит мне, что отдаст все свои игрушки своему маленькому брату, когда он подрастет, и «все, что у него есть, это тоже для Даниеля!»

«Ну и шшио... даже для моей сестры. Вы понимаете, она хочет играть с моим поездом тогда, когда мне нужно помогать папе и маме в разных вещах; мне все равно, я это говорю, что она может играть с ними в это время».

Что касается школы, в соответствии с механизмом проекции, «учительница стала доброй».

Заключение

Если Патрис был типичным единственным ребенком, Ролан представляет собой тип строптивного старшего многодетной семьи.

Симптомы, цель которых — дать дополнительную работу маме, имеют, по крайней мере, преимущество заставить его заниматься собой и младшими; так, все средства принуждения, имеющие целью устранить симптомы (угрозы бабушки), в качестве единственного эффекта вызывают ночные страхи и ужасы.

Нужно было примирить Ролана с матерью, девочками, женщинами, отнестись к нему как большому мальчику (поговорить с ним открыто о беременности матери) и дать ему желание завоевать уважение взрослых. Только так можно было ему позволить отказаться от инфантильного поведения.

Неразрешенный комплекс кастрации символически выражен сновидением про гильотину следом за садистическими играми.

Ликвидация комплекса кастрации выразилась сновидением, где он спасается из тюрьмы после того, как оттаскал кота за хвост, и особенно, рассказав мне свои сновидения (мне одной), он мне доверил в символическом плане свой страх сексуальной мutilяции и по моему отношению к рассказу о коте он увидел, что я выразила согласие на месть коту (здесь символ отца).

9. АЛЕН

Восемь с половиной лет

Единственный ребенок, никогда не покидал своих родителей, умный (первые слова — в 10 месяцев), приведен матерью по поводу энуреза.

Ален мочится в постель, по крайней мере, раз в ночь, иногда несколько раз.

В своей жизни он переставал мочиться в постель лишь на две недели в начале летних каникул.

Спит один. Обследование негативное. Генитальные органы нормальные. Мальчик кажется умным, хороший ученик в школе: 3-е или 4-е место из 30.

Отец служит в полиции (офицер), он очень боится за ребенка. Он не хочет, чтобы тот играл, из страха, что будет потеть, он не может выносить шума, он постоянно предсказывает болезнь Алену, если тот идет гулять в дождь или холод и если он играет с другими, боится заразных болезней.

Оба родителя — противоположного мнения, и мать хотела бы поместить его в скауты, чтобы он встречался с другими детьми. (Я ее в этом поддерживаю.)

По четвергам и воскресеньям Ален сидит с родителями или матерью дома — так этого желает отец.

Наедине с Аленом устанавливается хороший контакт после того, как он долго удерживал мать, потому что боялся, что, оставшись со мной наедине, «ему ее отрежут». Мама ему это сказала.

Давно ему этим угрожали в больнице. Я его разуверяю и говорю, что этого никогда не делают. Этого также не существует, как и страшилища. Я ему говорю, что писание в кровать — это не от мастурбации. «Я это делал, когда был маленьким, но трогать себя — этого со мной никогда больше не бывает; я понял, что это некрасиво». — «Да, говорю ему я, некрасиво также совать пальцы в нос, но это не ужасно, и от этого не бывает насморка. Это бывает время от времени, но не на людях. Когда дети скучают, это иногда сильнее них».

Он говорит со мной о папе, он строгий. «Он в полиции! Ну и он ужасный» (sic). У нас с ним совсем плохо. Он таскает за волосы, и он бьет по лицу, если громко говорят. «Он не хочет, чтобы я играл в электрический поезд, потому что от него шум, а его мне дал он». Я ему говорю, чтобы он играл, когда того нет дома, и делать рисунок или картинку, когда папа дома. (2 ноября)

9 ноября:

Ален ни разу не мочился в постель за неделю, но он был гораздо более непослушным и невыносимым. Мать рада результату относительно писания в постель, но в ужасе от того, что он стал недисциплинированным и цепляется к словам.

Оставшись с Аленом, я ему показала автонаказательную роль его нарушений. Он дает себе право быть настоящим мальчиком, и я этому рада, я его с этим поздравляю, но у него нет необходимости в том, чтобы его наказывали и ругали, как малыша, — тогда мама не знает, что делать, отчаивается и не уважает его больше.

Я советую матери отдать его в скауты, чтобы дать выход его потребности двигаться, шуметь, и поместить его в атмосферу молодых, но также попросить его сделать определенные усилия, чтобы ей доставить удовольствие в обмен на скаутство.

В школе — неизменно блестящие отметки.

16 ноября:

Чистоплотность держится. У мальчика от этого гордый вид. Ален в скаутах и доволен этим.

Заключение

Мы видим в этом крайне простом случае экономическую роль симптома.

Энурез детерминирован двумя вещами:

1. протест агрессивности перед лицом угрозы сексуальной мутиляции;
2. субститут по уретральному садистическому регрессивному способу фаллической мастурбации.

Энурез, стало быть, виновен и вызывает фантазмы и мазохистическую установку по отношению к отцу.

Уверение врача, что его не кастрируют и что это не запрещено, не «ужасно» мастурбировать — хотя и не «красиво», — вызывает устранение симптома, но чувство вины перед отцовским Сверх-Я заставляет его провоцировать новые угрозы быть отринутым матерью.

Осознание этого механизма приносит успокоение этой тревоги и позволяет Алену получить поддержку матери против отца (это то, что значили скауты) и пойти в нормальном направлении, что также есть желание отца.

В этом случае представляется, что отец Алена является тревожным и что выбор профессии выдает сильное вытеснение его агрессивных влечений, которые отныне он может лишь запретить этому единственному сыну (своему alter ego), для жизни которого он столько боится.

10. ДИДЬЕ

Десять с половиной лет

Ребенок приведен на врачебную консультацию по поводу значительного отставания в школе, невозможности продолжать обучение в этом классе. Хороший мальчик, очень мягкий, но невнимательный; у него застывшее, невыразительное лицо. Очень хорошее общее состояние.

Мальчик родился в 8 месяцев, акушер сказал, что послед был таким же тяжелым, как ребенок (?). Отсутствие ринита при рождении. Селезенка не увеличена. У матери хорошее здоровье — она живая, веселая, шумная, умная, южного типа, «живет, говорит она,

лишь ради ребенка» со смерти отца (легочный туберкулез), «последствия войны», когда Дидье было 5 лет.

Единственный ребенок, он постоянно живет с матерью.

Дидье ходит в школу с 7 лет. К 8 годам учеба в школе начинает становиться хуже. Он учится в религиозном учреждении, где вопрос об отчислении не ставится.

При первом обследовании д-р Пишон отмечает: «Из него нужно тянуть слова, чтобы он сказал, что Париж — столица Франции, а Англия — остров. О том, что Карл Великий предшествовал Наполеону, мальчик говорит обратное правде, и кажется, что его мало заботит, что у него спрашивают и что говорят».

Проводят тест Бине — Симона, тот показывает интеллект выше среднего уровня его возраста, и записывают: «Нарушения, обнаруживаемые у него, — это нарушения характера. Они начались лишь после смерти отца». На самом деле при опросе мать отмечает, что изменения в характере датируются смертью отца; ребенок, которому было 5 с половиной лет, пригрозил покончить жизнь самоубийством. Принимают решение о психотерапии. (30 марта)

27 апреля:

У мальчика идеально неподвижное лицо, он не поворачивает головы, глаза опущены, он — застывший, как статуя, и у него нежный, как у девочки, голос; он открывает рот лишь, чтобы сказать, и тотчас его закрывает. Вначале *полностью невнимательный*; постепенно, давая ему говорить об отце, матери, других в колледже, видно, что образ покойного отца — это образ «сверхчеловека», что мать не внушает ему никакого доверия в серьезных вещах, но что она ее очень любит.

Мать кажется понимающей.

Просветив мальчика по сексуальным вопросам рождения детей, девочек и мальчиков, и т. п., о которых они говорят друг с другом, сочиняя, в школе, — я посоветовала матери не заниматься, несмотря на ее опасение, учебой в школе ее ребенка.

4 мая:

У него успехи в школе. Учитель отметил очень хорошее прилежание. (Обратим внимание на тревожный сон: бандиты хотели

его убить; приятный сон: он был в больнице Бретонно и говорил со мной).

И мая:

На хорошем пути. Оценки лучше: 8, 9, 9; пока еще нет 10. Ребенок задает такие вопросы: Почему есть люди, кто поет хорошо, и те, кто поет плохо? Подробности о видах змей. Какого размера новорожденные? Ребенок читает от начала до конца свои учебники в начале учебного года, потом раздосадован, не находя в них объяснения всему. Затем у него нет интереса учить уроки. В ближайшую неделю у него уединение и первое причастие.

Рекомендации матери — позволить ему читать книги Жюль Верна и журнал «Сьянс е Вауйаж».

23 мая:

У Дидье было первое причастие. Он мне приносит картинку и свое фото.

Он приносит мне также диктант, плохой, где ошибки подчеркнуты, но не исправлены ребенком в момент, когда их прочитывают по буквам громким голосом. Неправильно решенная задача, но не понятая затем, потому что учитель отказался объяснить после урока.

Я советую попросить у одноклассников, которые решили задачу, их работу после исправления.

Сновидение: что он приходит слишком поздно, другие уже ушли, он не знает куда, он потерялся. (Те трудности в учебе, перед лицом которых он сейчас находится: постоянно отстает от других).

Я советую взять репетитора, студента или во всяком случае мужчину, чтобы он успешно сдал переходный экзамен.

Мать была на приеме у постоянного лечащего врача, он ее горячо поддержал в том, чтобы продолжить психотерапевтическое лечение в течение по меньшей мере трех месяцев. Она ожидала, что он над этим будет смеяться.

/ июня:

Дидье сегодня в течение всей беседы смотрит прямо в лицо. Мать записала его во «Французские скауты». Дидье от этого очень счастлив. Он ходил в воскресенье, осмелился взять на себя риск залезть на деревья, как и другие; в начале — неуспешно, затем полу-

чилось, несмотря на падение с ветки. Но вечером дома, желая обтесать свою скаутскую палку, он достаточно глубоко порезал большой палец. Я ему объясняю механизм самонаказания, я ему говорю, что нужно продолжать взрослеть, как мужчина, несмотря на маленькие испытания, которые хотят на него напустить страх, как кошмары в начале лечения.

Мы говорим о его отце, который бы им гордился на земле и гордится им оттуда, откуда его видит (ибо Дидье очень верующий), видя, что его сын, который его замена, его продолжение на земле, становится потрясающим типом, как он. Он не ревнует. Наоборот!

Помолчав несколько минут, Дидье мне рассказывает: «В протестантских скаутах есть один мальчик, который развлекался тем, что всаживал нож в красивый дуб, нож отскочил и попал в него, вошел в щеку, пронзив с одной и другой стороны». Этот рассказ по ассоциации с его отцом очень значим.

Поговорила с матерью. Я ее поздравляю за инициативу со скаутами. Тогда она мне говорит о *жертве, которую она приносит, чтобы расстаться с сынишкой, видеть, что он счастлив, когда собирает свой рюкзак, не думая о ней;* и она его в этом упрекнула как-то. (А только что я затронула с Дидье этот аспект его механизма самонаказания, и он мне ответил: «О нет, я знал, что меня записала мама, сама»).

Мать мне сказала, что когда ее муж умер, ей понадобилось много времени, чтобы смочь выносить ребенка, «что вот он живет, а что муж умер, это было, излагает она, ужасно для нее». У них мог бы быть другой ребенок, чтобы заменить этого, если бы он умер вместо отца. Она не могла выносить его веселости, его вопросов.

Мать добавляет: «Лишь два года спустя к 7 годам вдруг я увидела, что ребенок уже был не таким и не как другие, и отвела его к "докторам"».

Еще раньше я записала при разговоре с ней, что несмотря на ее удовлетворение от улучшения с мальчиком и подтверждение хорошего влияния этого лечения ее семейным врачом (если бы он сказал обратное, она бы не привела больше Дидье), я отметила видимую ревность по отношению ко мне. «Вы же женщина, так вот теперь лишь вы правы и знаете обо всем, я считаю, что это слишком, а я всегда старалась жить лишь для него и чтобы он мне доверял; как правило, он не верит ничему, что я говорю».

Я же сегодня действительно отметила как очень хорошую ее собственную идею отдать его в скауты и сказала в присутствии ребенка, что она — помощница для нас; что если Дидье привязался к своим руководителям, даже за счет риска, что мы, она и я, переходим на второй план, нужно, чтобы она этому радовалась.

Я ей говорю, что для нее тоже свобода в дни выезда в лагерь и выхода мальчика будет спасительной, что у нее есть право жить для себя, а не только для ребенка, для которого это немного тяжелый груз чувствовать себя исключительным центром ее труда, забот, удовлетворения.

Мать мне говорит, что ее более всего поражает в сыне, то что уже несколько дней он смотрит прямо в глаза, разговаривая с людьми, чего он никогда не делал.

8 июня:

Он провел каникулы на Троицу в лагере без инцидентов. Эта новая жизнь ему очень нравится. Престиж руководителей, восхищение товарищами, «хорошими и знающими» — не как в школе. Хотя он думал, что лучше было бы на автомобиле, он не признался в этом и шел пешком, как все. Только ремень его рюкзака порвался. Счастливый случай, благодаря которому его за него несли.

Ночью сомнамбулой он вылез из своего спального мешка и лег рядом с тем, кого он больше всего предпочитает.

15 июня:

На хорошем пути. У него теперь небольшие конфликты с матерью по поводу задач по арифметике, которые она хочет заставить его делать. Мама быстра на руку, и Дидье получает пощечины. Все это не драматично и доказывает, что семейные отношения вошли в новое русло.

Дидье жалуется на боли при ходьбе в нижней части правой ноги, колене, тиббиальном гребне, бедре. Я посылаю его на консультацию к хирургу. (Ничего не обнаружится).

Поговорила с матерью, она удивляется изменению с ним, на которое все обращают внимание. Дидье разговаривает открыто, он более живой и т. д.

«Но когда речь идет о задачах, его глаза становятся без выражения, он больше не слушает. И он любит пощечины!»

Я даю понять матери, что ему не хватает *основ*. Ему нужны уроки, на которых он пройдет изученное с начала.

На вопросы по поводу одежды Дидье — потому что я обратила внимание на то, что, несмотря на разную одежду, он всегда носит штанишки с лямками, — мать говорит мне, что она их придельвает нарочно, даже когда она покупает штанишки с гульфиком, потому что она считает это более приличным и более чистым (sic). В течение долгого времени мальчик был одет девочкой, и она мне говорит еще — по моей просьбе, — что до 7 лет у него были восхитительные кудри и для нее было жертвой обстричь их.

Мать шумно выражает свое расстройство, «понимая теперь», что она оказала плохую услугу своему сыну. С этой поры она будет надевать на него штаны, как у других мальчиков. «Ах, если бы мне сказали об этом раньше!» Но вместо того, чтобы быть от этого опечаленной, она по видимости находит это забавным (?).

22 июня:

Мальчик собирается перейти в другую школу. Письмо новому учителю, чтобы объяснить необходимость начать обучение основам.

По поводу правила трех, которое я ему объясняю и которое он понимает впервые, я ему показываю: 1) что он сомневается в самом себе; 2) что когда он видит число, он теряет полностью значение этого числа (франки, метры ткани, яблоки и т. п.), это становится цифрой вне реального, с которой не знают, что делать, ни как она появилась в этом действии.

Сегодня мальчик усталый и с температурой. Следствие инфицирования вакцинацией; подмышечный лимфатический узел.

Письмо учителю, который будет заниматься им в ближайшее время во время частных уроков.

29 июня:

Мать Дидье не хочет, чтобы он ехал в лагерь этим летом. Нечего делать, так как она дала обет поехать с Дидье в Лурд, вымолить выздоровление ног бабушки по материнской линии!

Достойно большого сожаления и значимо, что она дала этот обет три недели тому назад. Дидье поедет затем на два месяца в Сент-Етьенн, где ее двоюродный брат учитель будет с ним заниматься.

Психотерапия в сознательном плане. С Дидье: советы для жизни (на каникулах он позволяет обычно, чтобы ему приносили завтрак в постель, и встает лишь в десять часов!). Я ему подсказываю, как он может по-другому использовать утро.

Матери: чтобы она ни в какую не занималась работой во время каникул. Чтобы она предоставила единственно и эксклюзивно кузену направление работы и санкции, если она не сделана; чтобы она не занималась ни навязыванием времени домашних заданий, ни проверкой выполнения программы.

6 июля:

Дидье говорит немного обо всем, особенно о внешнем виде взрослых мужчин (шляпа, рост, английский вид д-ра Пишона, отметины от ударов в ходе маленьких битв между руководителями скаутов). Он мне рассказывает о спортивных играх: он хочет научиться плавать этим летом, и самому недавно ему удалось продержаться впервые на воде, делая движения руками, но он еще не осмеливается делать движения ногами. «И потом это слишком утомительно».

Он мне напишет летом и придет снова в октябре.

Дидье говорит мне, что до того, как познакомиться со мной, он часто видел сны и всегда кошмары; сейчас он сновидений почти не видит, и это никогда не бывает неприятным.

28 декабря:

Дидье вновь пришел ко мне в конце первой четверти; у него дела идут хорошо; он ходит в коммунальную школу. Мне адресовано письмо учителя.

Учитель прочитал мое письмо, адресованное будущему учителю, который у него будет, и сказал матери, что благодаря этому он выдержал с Дидье вначале, ибо он его счел бы отсталым, а его случай безнадежным, что ему кажется сейчас совершенно неправильным. Дидье испытывает очень большое восхищение и реальную любовь к своему учителю, «как к Вам», мне говорит его мать.

Он ходит вновь на скаутские собрания, и его руководитель считает, что он прогрессирует. Он разговаривает с другими, участвует в играх. В школе он приятельствует со всеми, кроме двух-трех, и составляет единое целое с большинством в классе.

В общем рейтинге он был 27-м из 42 в конце декабря (то же место, что в ноябре).

С декабря я получила короткое письмо от матери, где говорилось, что успехи в школе и в скаутах продолжаются. Она не хочет больше приводить к нам ребенка, потому что предпочитает, чтобы он не пропускал учебу в среду утром.

Дидье еще далек до выздоровления, но мать развивает огромное сопротивление при видимой доброжелательности; и так как она цветет от счастья, лишь бы у Дидье были какие-то результаты в учебе и ей не было за него стыдно (ей, которая столь сильна в арифметике, орфографии и т. п., — когда она была молодой, она сдала на аттестат неполной средней школы и т. п.), ей большего не нужно.

Она могла бы вернуться на работу (медсестрой или учительницей, уже не помню), но этого не сделала, чтобы не расставаться с Дидье. Она также не захотела больше выходить замуж. Впрочем, она считает мужчин «детьми», а своего ребенка «вещью».

Единственная политика, которую я смогла употребить в отношении такой матери, более чем кастрирующей, следовало бы сказать *поглощающей* (впрочем, она много смеется, показывая все свои зубы, они длинные), польстить ей ее слабым местом: «умом», «женщина, как вы!» и т. п. В зале ожидания больницы она всегда имела успех, разговаривая в окружении других матерей.

Она не осмеливалась забрать у меня ребенка, потому что я ей сказала, что она была «достойна восхищения, раз у нее возникла идея привести к нам его». Но вспомним, что она невинно призналась мне, что ходила после третьего сеанса с Дидье к своему старому лечащему врачу рассказать ему о психотерапевтическом лечении, на котором он находился; она ожидала, что тот над этим посмеется. Если бы это было так, я бы их больше не увидела. Но старый врач, напротив, счел, что ребенку стало значительно лучше, порекомендовал ей продолжать лечение еще, по крайней мере, три месяца (жаль, что он не сказал один год!).

Вот что произошло в это время в уме этой женщины.

Когда она отдала Дидье в скауты (узнав от другой матери, что я это посоветовала ее ребенку), она захотела поспорничать со мной, доставив ему это удовольствие; и я ее с этим горячо поздравила. «Увидели же, что она была умная, без нее что бы я сделала?» и т. п.

Но она, должно быть, разозлилась затем от того, что ребенок был доволен, собирая свой скаутский рюкзак, и оставлял ее одну, чтобы уйти с «людьми, которых он не знал!».

Вот почему на следующей неделе она дала, никому не сказав об этом, обещание Богородице поехать помолиться с *Дидье* в Лурд летом. Естественно, привлечение неба на свою сторону посредством обета, было не более чем человеческим оружием — будь то уговоры руководителя скаутов или желания психоаналитика, которые могли бы соперничать с ней! О, ирония: фаллическая мать и кастрированный сын будут просить святую Деву, чтобы она вернула ноги, т.е. его силу старому парализованному дедушке! Если бы это не было так грустно и речь не шла о будущем мужчины, смешнее не придумаешь.

Заключение

Хотя бы из-за сопротивления матери случай *Дидье* интересен, ибо установка этой женщины имеет бессознательные мотивы. Она думает, что любит ребенка, и она его разрушает.

Мы видим, как этот ребенок, веселый, живой, шумный и более продвинутый для своего возраста с раннего детства, затухает, закрывается после смерти своего отца; его внешний вид, выражающий отсутствие интеллекта и неуспешность в школе, мог бы выдать его за отсталого, если бы учитель не был нами оповещен о базовых лакунах и о живом интеллекте ребенка в сочетании с большой чувствительностью, что ничем не было выражено в его поведении.

В 5 лет *Дидье* был в разгаре эдипова периода; единственный сын, и, хотя он был переодет девочкой, у него был соперник, его отец.

Смерть отца нагружает ребенка чувством вины, связанным с магическим пожеланием его смерти, потому что ребенок в этом возрасте рассуждает еще в соответствии с мышлением, называемом садистическим анальным, нерациональным.

Кроме этого, мать вместо того, чтобы сжать в объятиях маленького мальчика, который у нее остается, взрывается агрессивным отчаянием по отношению к ребенку: почему не умер он вместо своего отца? Она бы могла его заменить новым ребенком.

Желание самоубийства, которое появляется у ребенка со смертью отца, показывает, до какой степени смог достичь страх вины

перед лицом потери. Он был не только виновен, но от него отказывалась мама. Более того, женский внешний вид, штанишки с лямками, сверххранний и яростный запрет мастурбации зафиксировали несексуальную предгенитальную установку, т.е. мазохистическую и соблазняющую по отношению к взрослым, кем бы они ни были, *мужчинами или женщинами* (следовательно, также и к отцу), и мальчик должен был в этот период быть не в нормальном эдиповом комплексе, но регрессировать на анальную стадию перед лицом комплекса кастрации и разыгрывать свой комплекс Эдипа по анальному способу, которому присуща амбивалентность.

Страх, возникающий от реализации пожелания смерти, должен был тормозить не только фаллическое развитие либидо, но также наложить запрет на агрессивность анальной стадии, магически ответственную за это эдипово убийство. Отсюда — невозможность малейшего усилия, самой незначительной мышечной активности, малейшего шума. *Дидье* нам едва улыбнулся (не показывая зубов), он ни разу не посмеялся с нами (но я знаю, что он смеется со скаутами). Он не может идентифицировать себя ни с матерью (она его отвергла), ни с отцом (он его убил, и тот будет мстить; ср. ассоциацию ножа в щеке, после того как поговорили об отце на сеансе 1 июня).

Он регрессирует тогда к пассивной оральной стадии, и даже в этой точке он не может укрыться от комплекса кастрации, который разыграет еще в сновидениях страха с видимым символизмом (бандиты его убивают). За каждым прогрессом будет следовать самонаказательная неудача с кастрирующим символизмом (порезанный палец, боль в колене). *Дидье* далеко еще до выздоровления.

Но он нас любит и не чувствует себя виновным, предпочитая нам мужчин — д-р *Пишон*, — потому что мы ему разрешили привязаться к своему руководителю в скаутах и благодаря нам у школьного учителя хватило терпения, за что он был вознагражден. У *Дидье* теперь есть школьные и аффективные удовлетворения во внешнем мире. Наконец, у него больше нет кошмаров.

Но настоящая ситуация с его либидо по отношению к объектам его любви-привязанности является еще ситуацией гомосексуальности, уже не такой, какой она представлена в оральной фазе или в начале анальной фазы, но в момент уретральной фазы с валоризацией пениса (шляпа у мужчин, мужской голос) в соответствии со спосо-

бом, который предшествует появлению комплекса кастрации в связи с эдиповым комплексом. *Нужно дать Дидье прожить спокойно это просроченное время, как будто ему 3 года*, несмотря на его 11 лет и представительную фигуру мальчика 12 лет. Сомнамбулизм в скаутском лагере, где Дидье вылезал из своего спального мешка, рискуя простудиться, и шел лечь рядом со своим любимым другом, выражает эту аффективную ситуацию. Мы также не проработали данную ситуацию. К счастью, в данный момент мать находит это *очень забавным*, и руководитель скаутов был достаточно понятлив, чтобы интерпретировать это как невинное свидетельство детского энтузиазма у мальчика с болезненно закрытой чувствительностью.

По нашему мнению, социальный прогноз для Дидье хороший, но с сексуальной точки зрения с близостью пубертата Дидье не кажется нам способным при данной матери разрешить вопрос иначе, чем посредством явной гомосексуальности. Это в наиболее благоприятном случае, ибо у него гомосексуальность представляет собой единственную модальность бессознательного, разрешенную его Сверх-Я, калькированную с материнского Сверх-Я.

Дидье не кажется нам способным на лучшее, чем добиться негативного Эдипова комплекса. Это значит, что его Сверх-Я перверсно и позволит ему лишь пассивную роль в педерастических отношениях. В случае — это возможно — если объекты любви заставят его вытеснить свою гомосексуальность в подростковые годы под угрозой потерять их уважение, Дидье потеряет тогда большую часть своих средств сублимации и будет, несомненно, вынужден жить сексуально импотентным за счет богатой женщины, властной, которая в будущем ему будет рассказывать свои приключения с другими мужчинами. Это будет более или менее открытый вуайерист, и в любом случае социально заторможенный мазохист.

Нам, однако, еще дозволено надеяться, хотя в очень слабой степени, ибо у матери нет больше интереса лечить сына, теперь, когда он успешен в учебе, что мы все-таки сможем наблюдать за Дидье в его отрочестве и дать понять матери необходимость для него настоящего психоанализа, для которого мы посоветовали бы предпочтительно психоаналитика-мужчину.

И. МАРСЕЛЬ

Десять с половиной лет

Мальчика привела мать по поводу бляшки алопеции¹. Она, вроде, появилась после провала на экзамене по катехизису. Это большой и толстый мальчик крупного телосложения, блондин, вялого вида. Его выражение лица не патологично. Лицо круглое, мало сформированное (неявно выраженный гипотиреоз²), половые органы мало развиты. Учится посредственно. Мать говорит, что мальчик часто делает орфографические ошибки, меняя местами буквы. Он вялый, безразличный, эгоист, ленивый.

Анамнез — ничего.

Отец здоров, коммивояжер в автомобильной промышленности.

Мать очень нервная, «была пляска святого Витта³ в 11 лет и несколько нервных депрессий». Ее тело покрыто бляшками витилиго⁴ (они не бывают на лице). У нее большая щитовидная железа, она увеличивается в объеме в определенные периоды, уменьшается в другие.

Брат Морис 15 лет, здоров (5 января).

12 января:

Ребенку проводят медицинское лечение: тирео-орхитическая органотерапия.

Тест не показывает интеллектуального отставания.

23 февраля:

Бляшка алопеции уменьшается. Мальчик более внимательный в школе. Эндокринное лечение было прекращено 1 февраля. Нет заметного прогресса со стороны половых органов. Вновь принимать органотерапевтические лекарства.

¹ [Алопеция — патологическое выпадение волос]

² [Гипотиреоз — синдром недостаточности щитовидной железы.]

³ [Пляска святого Витта — синдром ревматического поражения центральной нервной системы.]

⁴ [Витилиго — дерматоз, проявляющийся в депигментации кожи.]

6 апреля:

Алопеция почти исчезла, но недовольны работой в школе.

В заключение отмечают: «Мальчик, возможно, страдает гипотиреозом, но в его лени есть чисто психогенный элемент. Он не понимает необходимости работы в школе. Он предпочел бы быть в сельском хозяйстве — к этому, может быть, есть смысл его сориентировать на самом деле».

Мальчик нам тогда доверен. Мать при мысли, что ее сын мог бы заниматься таким делом, дрожит от стыда, потому что она желает, чтобы ее дети получили образование и имели почтенное положение (*sic*). Ее отец был врач!

Очень плохой контакт с матерью, торопливой и нервной, потому что мы требуем, чтобы Марсель приходил регулярно каждую среду. Она не принимает психотерапию. Видя такое ее отношение, мы отказываемся, сказав ей, что она не права, потому что она была бы возможно менее нервной, несмотря на эндокринные заболевания, если бы и ее тоже подлечили морально в молодости.

27 апреля:

К нашему удивлению, она вновь приходит три недели спустя; она подумала, говорит она. Она более снисходительна, что касается лени Марселя и его эгоизма. На самом деле, добавляет она, то, что я ей сказала тогда, может быть, не является неправдой. У нее в жизни были депрессии, которые играли на нервах, и даже ее пляска святого Витта в 11 лет последовала за смертью матери. Ее отец, строгий врач, не выносил, чтобы слушали друг друга. Она признается, что крайне нервна, у нее — необходимость раздавать пощечины налево и направо, и их принимает в основном Марсель, потому что он может все стойко переносить, именно он (*sic*), в то время как его старший брат скрупулезно сверхчувствительный — настоящая девочка. И от него, впрочем, только удовлетворение. Отец — человек, поглощенный своей работой. У себя дома он совсем не разговаривает, а с Марселем — только языком «ломаным», «младенческим», как будто ему еще два года.

Я замечаю, что у Марселя открытый ум за его застывшей внешностью. Но нужно ждать 20—30 секунд, пока он не отреагирует на то, что я ему говорю. Я перехожу на его ритм.

Так как я говорю ему, что мне доставит удовольствие, если он будет учиться лучше, и в другой момент, так как я разговариваю с ним как с равным, говоря, что «разница между взрослыми и детьми не в неполноценности последних», у него глаза полны слез. Я реабилитирую в его присутствии призвание сельского труженика и спрашиваю, откуда у него этот интерес. Я узнаю, что от школьного учителя, который ему понравился когда-то, и с каникул, когда сосед-фермер был с ним очень добр и давал ему заниматься садом. Нынешний учитель назначил его смотреть за классными растениями.

Марсель и Морис спят в одной кровати, и это глухие ссоры. Морис — мальчик с механизмами навязчивости, трудолюбивый, придира и блестящий ученик. Марсель этому завидует, и я ему говорю, что его понимаю. Но если мама их сравнивает, это не имеет значения, потому что у каждого из них своя жизнь, которая может быть очень разной: два брата — это два разных человека, и сравнение невозможно.

Учитывая относительную зажиточность среды, можно было бы посоветовать матери укладывать мальчиков, каждого в свою кровать, но вмешательство нужно отложить с осторожностью на следующий раз, потому что сеанс наедине с Марселем уже сильно заставил нервничать мать. По моей просьбе она мне обещает дать ему работать самостоятельно на этой неделе.

4 мая:

4

Значительное улучшение — «с начала до конца», говорит мать, после двух первых дней вслед за посещением, и когда он немного слишком заважничал.

Вместо шести ошибок в диктанте у него не более одной-двух. Он делает уроки полностью один. Раньше мать их проверяла и помогала ему, считая неспособным выполнять их самому.

Мальчик разговаривает гораздо более открыто со мной, и он смеется! Он не осмелился придти один на консультацию, ни остаться одному, пока его мать зашла в магазин, несмотря на ободрения матери и ее обещание зайти за ним.

Мать показывает себя, стало быть, удовлетворенной в целом, но его старший брат, придира-молчун, живо желает еще одну вещь:

чтобы Марсель оставил его в покое. Марсель ему мешает работать. Я прошу, чтобы у них были отдельные кровати, мать отвечает мне, что это невозможно. Я настаиваю.

(Марсель мне принес рисунок яблок и груш, сделанный для меня).

И мая:

Мать начинает сотрудничать с нами, несмотря на личные трудности. Она получила от отца разрешение купить диван для Марселя. Она считает, что он прогрессирует не только с точки зрения учебы в школе, но и в «смекалке», и в общем внимании к тому, что происходит вокруг него.

На другой день после последнего сеанса Марсель проявил враждебную аффективную реакцию против матери и брата после покупки, за которой она его послала одного впервые (шоколадная булочка) и с которой он не справился, не осмелев заговорить в лавке, чтобы спросить ее, так как не увидел в витрине.

На этот раз он мне принес скопированный рисунок, изображающий двух удивленных котов перед котом, который важничает.

18 мая:

В мое отсутствие мадам Годе (моя коллега по психотерапии в отделении г-на Пишона) приняла его и записала: «Мальчик пришел один. Он разговаривает с доверием. Прогресс продолжается. Очень хорошее впечатление».

/ июня:

На этот раз Марсель пришел один и без боязни. Он получил 9 из 10 по контрольной по декламации (в предыдущий раз — 0). У него вышло в среднем 6,5 за уроки за месяц (у него никогда не было больше 4-х). Общее состояние — явный прогресс; я его хвалю. Он рискнул пойти гулять один по новому маршруту, несмотря на беспокойство старшего брата, который вроде хотел, чтобы мать ему запретила это под предлогом, что он потеряется. Марселю было страшно, что брат окажется прав, ему было жарко, но он этого не показал и не ошибся дорогой. У него нет агрессивной реакции

из-за предыдущего сеанса. Но вот две недели, как у него икота несколько раз в день с 14 до 19 часов.

15 июня:

Непрерывный прогресс. Иногда он признается, что ленивый: делает на скорую руку домашние задания. Память отличная, и он не читает учебный материал — ему достаточно послушать, когда объясняют! Но иногда объясняют не всё, тогда его «ловят». Я его побуждаю прилагать усилие, чтобы читать каждый день, что задали. Это ему докажет, что он заслуживает быть успешным в те дни, когда его расстроит неудача.

Икота исчезла. Мальчик мне указывает на другое нарушение симпатической системы. Когда он устает, у него левое ухо горит, а правое холодное. Это неприятно. Раньше врач ему предписывал Симпатил (Sympathy1) с этой целью, но это не помогает. Я минимизирую значимость этих легких «неудобств», которые меня не беспокоят.

29 июня:

Оценки за месяц показывают явный успех в учебе. У Марселя вдвое выше каждая из отметок на уроках за задания по счету и орфографии по отношению к предыдущему месяцу, и у него максимальная отметка за прилежание и поведение. Учитель очень удовлетворен. И, вопреки прогнозу в феврале, он пойдет в октябре в класс сертификата. Живые поздравления.

Есть, конфликты с братом, улаживаемые кулаками, которые мать терпит более-менее.

Марсель попросился плавать и начал нырять. В течение недели он осмеливается прыгать с трамплина в 4 метра. Мать его поддерживает монеткой.

Ребенок не проводит органического лечения с февраля. Предписана серия лекарств в августе, и им говорят повторить с начала учебного года в октябре.

30 ноября:

Выпадение волос возобновилось.

Во время каникул было столь большое улучшение, что мать не сочла необходимым привести Марселя в начале учебного года.

В начале учебного года он показал себя совсем другим, чем раньше: серьезный, наблюдательный, милый, большой мальчик. Его влияние — определенно хорошее на нее и его брата, говорит она. Некоторые трудности, спад в школе, неделя Всех Святых, и с тех пор возобновление алопеции.

Что касается меня, я не видела Марселя с июля; я поражена утолщением инфильтрированных бедер, более тучным видом Марселя, его толстым животом, поглупевшим взглядом, более инфильтрированными щеками и его тусклыми густыми волосами.

Мальчик подавлен спадом в учебе за две недели, видно, что он хочет учиться хорошо. Его глаза пробуждаются при разговоре со мной. Возобновить серию лекарств. Взвесить его и измерить.

26 января:

С физической точки зрения вид немного лучше, чем в ноябре. Бедра менее инфильтрированные, живот уменьшился, лицо немного одутловатое, но меня поражает выражение беспокойства, напряженный лоб, видимость усилия, чтобы слушать, что ему говорят, и медленность понимания. Вид гипотиреоза в соединении со смешанным гипофункционированием; половые органы еще мало развиты.

С точки зрения учебы в школе учитель удовлетворен. Но результаты пока посредственные, особенно в орфографии. Марсель часто — как «тупой», он жалуется на комок в горле. Дома — постоянные крики матери, чтобы он сел за уроки, говорит она.

Кажется, что произошла регрессия. Мать начинает цепляться к Марселю с утра до вечера, чтобы его ругать. У нее ужасно беспокойный вид сегодня. Она считает его все более толстым (но она его не взвешивала и не измеряла). У меня впечатление, что в настоящий момент непонимающей и сопротивляющейся проявляет себя мать по двум причинам. Она лично унижена, если успех Марселя при экзамене на сертификат не заявляет о себе с определенностью, и вместо того, чтобы попытаться понять физиологическую и психологическую ситуацию своего сына и помочь ему, она устраивает из

этого личное дело и доводит его нотациями попусту. Она его затопила пораженческими речами и прогнозами.

Другая причина (в которой она хочет себе признаться) — то, что Марсель начинает свой пубертат. Он теряет детский вид, я нахожу, что он стал лучше. Он похудел, его бедра менее инфильтрированные, но более мускулистые, и мать говорит с видом отвращения и агрессии, меряя его взглядом сверху донизу — потому что я сказала «что он становится мужчиной»: «Ну вы не требовательны, я нахожу, что он еще больше потолстел. Я считаю, что он все хуже и хуже со всех точек зрения!».

Лечение: курс пилоригландулярных инъекций Шоэ. Марселю мы говорим лишь, что очень удовлетворены им и его упорными усилиями. Затем, отведя мать в сторону, я пытаюсь ей объяснить ее аффективную установку, результат которой неблагоприятен для Марселя, в то время как у нее есть добрая воля. С очень суровым отцом, хотя и почитаемым, она страдала. И она, может быть, страдает, видя, что Марсель становится солидным мужчиной, крепко скроенным, в отличие от Мориса, у которого она ценит тонкость, девичью нежность и деликатную комплекцию.

8 марта:

Ребенок преобразился, благодаря уколам. Он похудел, снова приветлив, трудоспособен. Учитель этим удовлетворен. У Марселя больше нет комка, который появляется в горле. Орфография остается единственным слабым местом, которое заботит мальчика. Он отказался от идеи о сельском хозяйстве и думает о торговой школе.

Заключение.

Это наблюдение интересно по причине осложненности случая: он одновременно дизэндокринический и психологический.

С января по апрель органическое лечение физически улучшает Марселя, в то время как нарушения характера проявляются больше и плохие результаты в школе усиливаются.

С апреля по ноябрь без лечебной терапии ребенок меняется с точки зрения результатов в учебе и характера, в это же время все-

таки, начиная с октября, появляются новые симптомы дистиреоза¹, не влияя на прогресс в психике. Мальчик к нам приведен лишь в конце ноября, в это время эндокринное ослабление заметно, и его отзвук на учебу в школе приводит к трудностям с законным чувством неполноценности — без добавленного к этому самонаказания. Лечение терапии достаточно тогда, чтобы восстановить равновесие.

В настоящий момент мальчик вступил в пубертат. У него более нет нарушений в характере, он в согласии со своей семьей и школьной средой, ему еще не хватает доверия к себе, но он приобрел уважение своих учителей.

Марсель на пути к выздоровлению, которого, может быть, он не достигнет никогда; во всяком случае удачная адаптация к своей семейной невротической среде — это компромисс, к которому мы попытались его привести, единственное в данный момент решение конфликтов до тех пор, пока ему придется оставаться в семье.

Основная трудность этого случая — прежде всего мать. Несмотря на сознательную добрую волю, у нее сильный невроз и органическое заболевание. У Марселя — большие трудности отказаться по отношению к матери от мазохистической установки, тем более что его старший брат (влияние которого сильно ослаблено в настоящее время) затрудняет его освобождение.

Чтобы вести Марселя и продолжать лечение, нужно прибегать к дипломатии с матерью, умерять ее (а она всегда в крайностях), не подталкивая и нейтрализуя, насколько возможно, ее кастрирующее влияние на Марселя, чтобы позволить любить, тем не менее, свою мать. Любимец в семье, не надо забывать, — Морис, «потому что это настоящая девочка». Что касается отца, его моральное отсутствие тотально. Он не играет никакой роли в жизни семьи — лишь роль немого и озабоченного банкира.

В таких аффективных условиях нормальный эдипов комплекс у Марселя был невозможен. Такой отец не позволял идентификацию; соперник в доме — это женоподобный брат, грустный, занудливый и скрупулезный, всегда в беспокойстве за Марселя, которого он счи-

¹ [Дистиреоза — синдром одновременного проявления гипер- и гипотиреоза (гиперфункциональной и недостаточной активности щитовидной железы).]

тает немного как *minus habens*². А кастрирующая мать играет роль фаллической матери. Эдипову комплексу пришлось с необходимостью поменяться местами, и Марсель сильной конституции должен был соперничать посредством пассивности с деликатной комплекцией Мориса, фаворита матери. Отсюда — торможение агрессивности во всех планах и формирование Сверх-Я, запрещающего усилие, каким бы оно ни было.

Сохранить объект материнской любви Марсель мог, культивируя свой мазохизм: отсюда — пощечины, постоянным получателем которых он охотно был, в то время как не позволял себе уйти от юбки матери.

Это установка мальчика, стагнирующего на пассивной анальной стадии, т. е. с вытеснением садизма.

Мальчику было необходимо заменить интерес к экскрементам вкусом к работе в саду. И этим призыванием к сельскому хозяйству он делал попытку идентификации с «отцами», почувствовав, что они его любят (фермер, школьный учитель). И в плане этой идентификации мать его кастрировала: это призывание казалось ей бесчестием.

Лишенный права на садистическую анальную агрессивность, с одной стороны, и на объект интереса либидо, с другой стороны, он ощущал любое усилие не только как бесполезное, но как вредное для бессознательного аффективного комфорта. Результаты в учебе должны были быть нулевыми. Но этот факт усиливал чувство неполноценности Марселя по отношению к его брату, блестящему ученику в школе. Чтобы не страдать от этого, Марсель невротически регрессировал на преданальную стадию.

То, что мать называла *эгоизмом*, было лишь *оральной пассивностью*, к которой, как мы хорошо видим, Марсель бессознательно был вынужден регрессировать.

В простодушной установке безразличного Будды жаждущий любви по захватническому типу, неспособный вынести отсутствия своего объекта, он искал с уверенной бдительностью — и умел провоцировать — крики, упреки, пощечины, шлепки, ценой которых, наконец, им бессознательно обладала мать.

² [Minus habens (лат.) — малая власть.]

Психоаналитическая терапия имела целью сначала получить перенос матери — это было необходимо, настолько, что я предпочла риск никогда не принимать того и другого, чем не быть откровенной при первой беседе, которая у меня была исключительно с матерью, хотя мальчик присутствовал. К счастью, поразмыслив, она смогла признать часть нее самой в своем сыне и привела его нам снова. *Вооружившись переносом матери, мы стали стремиться получить перенос Марселя* и, благодаря этому переносу, вернули в его глаза ценность его призвания сельскохозяйственного труженика, т. е. разрешили символические фантазмы анальной стадии. Ребенок принес нам в следующий раз рисунок с четырьмя фруктами — один рядом с другим, хорошо раскрашенные и аппетитные. (Он нам сделал подарок своего орального эротизма). Чувство неполноценности уменьшилось, благодаря нашему отношению, а также успеху в домашних заданиях без постоянного вмешательства его матери.

Марсель меняется и смеется. В этот день он мне принес двух котиков, которые восхищаются другим (он нам отдает свою оральную пассивность); и он позволяет себе в игровой и вербальной формах несколько агрессивных попыток относительно своего брата.

Мы попытались тогда поддержать его общую агрессивность (справиться самому, чтобы нам доставить удовольствие) и стимулировать его борьбу с братом ценой ссор, во имя которых мы добились отдельной и новой кровати, что купила ему мать.

Начиная с этого момента, успехи в школе дают о себе знать. В независимости по отношению к матери не было больше сомнений, амбивалентность по отношению к эдипову объекту, брату, разделалась в отношении любви и восхищения к школьному учителю и нескрываемую враждебность по отношению к брату, когда тот его провоцирует.

С точки зрения либидо Марсель еще не очень продвинулся, и наша терапевтическая роль не завершена; но с точки зрения практической дома от него «хорошо брату и матери», и в школе он не чувствует себя больше отстающим.

Добавим, что он оставил идею о сельском хозяйстве и думает о торговой школе, потому что «он хочет зарабатывать деньги и стать богатым», и он добавил: «я сделаю, может быть, как папа — буду

коммивояжером запасных частей для автомобилей, это приносит хороший доход».

Его мимика еще бедная, ограничивается ртом на лице, он не делает жестов и совсем не экспансивен. Но, спокойный и вдумчивый, он говорит, что хочет сказать, и взвешивает свои слова. Он производит впечатление солидного мальчика со здравым смыслом, наблюдательного и немного «нормандца». И именно благодаря этому малопроницаемому характеру он сопротивляется атмосфере, полной волнения, которой его окружает мать.

Оставим ему его латы; ибо в настоящее время он доволен — он мне об этом сказал спонтанно. Он хотел бы успешно сдать экзамен на сертификат и думает о своем будущем. Мы далеко от того мальчика, который год назад не понимал, «для чего нужно работать, когда хочешь стать фермером, это не стоит *труда*». Такой, какой он есть, он на том же уровне, что многие дети его возраста: они становятся взрослыми, они очень хорошо приспосабливаются, т. е. «нормальные», хотя они никогда не достигают генитальной стадии с объектной точки зрения, что означает, что их сексуальная активность может быть взрослой, но с детской эффективностью и объектом любви, выбранным по бессознательно гомосексуальному эдипову типу: фаллическая женщина, властная и фригидная.

ЗАМЕТКИ, КАСАЮЩИЕСЯ МАРСЕЛЯ

В 1967 году Марселю проездом во Франции удалось найти мой след. В Бретонно не знали; во врачебной коллегии ему сказали о смерти д-ра Пишона и дали ему мою фамилию в замужестве и мой адрес. Он никогда не забывал — тому уже тридцать лет, — что мы его вытащили из жуткого маразма. Затем была война. Они остались в провинции. Он получил высшее коммерческое образование и решил поехать далеко в новые страны. Он женился в 29 лет, счастлив в браке, у него трое детей: сын Жан, с которым он пришел теперь, и две девочки. У него положение в торговле, имеющей отношение к сельскому хозяйству в Африке. Он вполне успешен. Его отец на пенсии. Его мать все такая же, — активная, хорошая бабушка, — когда они встречаются в отпуске. Его жена хорошо ладит с ней. У его брата хрупкое здоровье, женился после него; у его жены

и детей проблемы со здоровьем; у него хорошее положение, остался с родителями.

Он, Марсель, пришел с Жаном, чтобы я ему сказала, все ли хорошо с ним. Его сын подходит к тому же возрасту, когда он чуть не стал идиотом, вместо того, чтобы развиваться. Он не хочет, чтобы его сын подвергался тому же риску. Марсель стал высоким мужчиной, крепким, у него больше никогда не было алопеции. Он спокойный, не пьет, это опасность в Африке. Он сам, его жена, дети чувствуют себя хорошо и хорошо переносят климат.

Он думает, что хрупкое здоровье его брата и его семьи в значительной степени идет от морального состояния, и он хотел бы быть уверен, что с моральным состоянием его сына дела обстоят хорошо. У Жана достаточно хорошие успехи в школе, у него есть друзья, ему больше нравится на улице, чем дома, где он много ссорится со своими сестрами. Он даже иногда злой с ними, как будто он ревнует. Помимо этого у него нет больших недостатков, но бывают дни, когда не знаешь, с какой стороны подойти. Мне на мой вопрос, что он думает о том, что говорит отец, Жан отвечает: «Мама и папа всегда считают, что они правы! И всегда мне нужно уступать, тогда с меня хватит! Я предпочитаю оставаться у бабушки, по крайней мере, меня оставят в покое! Я не говорю, что хочу от них уйти... но всегда виноват я». Он сказал тоном жертвы.

— Это тебя не расстроит, что уедешь из Африки, бросишь друзей?

— Расстроит, конечно, но ба! У меня будут другие. Мои сестры — я не говорю, каждая сама по себе добра со мной, но вместе они только и делают, что действуют на нервы, и всегда неправ я!

Жан живой и умный. Единственный мальчик, старше на пять лет сестер, младших и близких по возрасту, он сожалеет о своем детстве единственного сына. Две маленькие людоедки создают ему суровую жизнь. Папа и мама не отдают себе в этом отчета. Он предпочитает своих приятелей и даже вновь обрести жизнь единственного сына у бабушки, которая заявляет, что так будет лучше для его учебы и для врачебного присмотра («Он нервный... такой возраст»). Мы — его отец, он и я — разговариваем о них и о нем; у его отца не было сестры, у его матери не было брата; мы говорим о его месте в семье, не очень выгодном с рождением непрошенных гостей.

«Однако, говорит он, я был доволен, когда у меня родились сестры. Это потом я бы хотел маленького брата».

Жан в конце периода латентности. У него — желание сохранить жизнь ребенка и обрести воображаемое спокойствие вдалеке от конфликтов полового различия с сестрами и вдалеке от родителей, которые его «не понимают». У бабушки он будет главарем — больше нет эдиповых трудностей.

Жан считал, что его меньше любят, чем сестер. Но он понимает из этого посещения и всего, что он слышал, что отец интересуется им, что отец хочет ему помочь.

Отец и сын уходят очень счастливые от этого посещения докторши, которая помогла отцу в том же возрасте. Мы говорили втроем о прошлом, настоящем, будущем, о генитальной сексуальности и ее скором наступлении у Жана. Уходя, отец мне сказал: «Так что же нам делать с новым учебным годом?»; я поворачиваюсь к Жану: «Что ты об этом думаешь?» Он смотрит на отца и говорит: «Теперь я хочу лучше остаться с вами, я скажу бабушке, что переменяю мнение». Я ему говорю: «Да, но твои сестры?» Он смотрит на меня со смехом и говорит: «О, они маленькие, и потом я не буду к ним приставать...»

Перенос Марселя на консультацию в Бретонно его поддержал — у него была необходимость, чтобы я его подтвердила в его успешности мужчины, в значимости его сына, в его способностях отца в момент, когда заявляет о себе пубертат Жана, вместо того, чтобы передать воспитание матери. Марсель никогда не чувствовал себя сыном своего собственного отца.

Марсель — это единственный из случаев Бретонно, описанных в этой работе, об эволюции которого я узнала впоследствии.

12. Тот

Четыре года три месяца

Фрагмент жизни девочки, называемой нормальной.

У меня на лечении ее брат 11 лет по поводу сильного отставания в школе. Торможение в поведении и полное торможение во всем, что не является рисованием, где он проявляет себя очень способным; и их мать также рисует хорошо.

Тот чувствует себя несчастной, потому что отныне этот брат больше не уступает ей во всем. Когда он ее достает, она ему говорит, что скажет маме; но теперь он повторяет: «Ну и иди говори», — вместо того, чтобы тут же уступить, как раньше. Она становится грустной, плачет по пустякам. Она заболела — сильный насморк. Но тогда она вновь становится, как маленькая, нужно, чтобы мама от нее не уходила; она мастерит револьверы из бумаги и убивает «других» (папа и ее брат).

Выздоровев, она хранит револьвер у себя, и когда папа шевелит газетой, она говорит: «Пах», и, если он перестает шевелить, она торжествует: «Получилось, я его убила». Во время этой болезни она вновь принялась еще больше сосать большой палец. Она приобрела эту привычку в прошлом году в 3,5 года по время отита, от которого она очень страдала.

Однажды вечером мама укладывает Тот спать и видит, что она возвращается к своей одежде. Тот говорит матери: «Но у меня его забрали! Где он?» — «Что?», — говорит мать. Тот не отвечает, роется в своем белье, в штанишках, смотрит на полу вокруг себя, изображая человека, который что-то ищет. — «Что же?» — говорит мама. Тот оставляет ее без ответа, продолжает искать, потом отвечает: «Но мой кран? Он был у меня в штанишках, он у меня был, и больше я его не нахожу. Это ты у меня его взяла, скажи?» (с ласковым видом). Ее мать, сначала ничего не понимая, потом, развеселившись, ей объясняет: но нет же, что ты, я у тебя ничего не брала. У тебя ничего не было. — «Было, было», — и она принимается плакать. Мать пытается объяснить ей различие полов. «Это было так», и она добавила, потому что сама когда-то страдала от комплекса вирильности, все еще не разрешенного: «Что ты хочешь, моя бедная девочка, это так, нужно с этим свыкнуться, когда девочка, даже если это неприятно».

В четыре с половиной года Тот сосет палец, когда ей скучно, со времени своей болезни. Однажды, когда она помогла матери убрать что-то, что давало плохой вкус пальцу, она вскричала в расстройстве: «Мама, мой палец больше невкусный», как будто мир был лишь одно расстройство. Мать ей сказала: «Возьми другой». — «Нет, другой палец никогда не был хорошим, есть лишь один хороший».

Несколько дней спустя, Тот говорит: «Я хотела бы иметь маленький кран, как Мишель (ее брат). Я хочу писать стоя». Мать ей

говорит, что девочки сделаны, не как мальчики, и что у мам нет так же крана, как и у нее. У нее есть маленький карман в животе, какого нет у мальчиков, — это чтобы иметь детей.

На той же неделе она говорит матери: «Я не хочу, чтобы папа тебя целовал, даже, чтобы он тебя трогал, чтобы поцеловать. Я хочу, чтобы он тебе посылал поцелуй, вот так» (и она делает жест послать поцелуй пальцем на губах). «Почему?», — говорит мать. «Я хочу, чтобы ты была моя, а не его». (Был ли этот ответ искренним?)

На той же неделе она просит у матери большую куклу, которую ей подарили 6 месяцев назад, но она сочла ее слишком большой. Она говорит на этот раз: «Мои малышки слишком маленькие, чтобы играть с ней». И она начинает действительно «играть» с большой куклой: говорит с ней, раздевает ее, одевает, сажает, кормит.

На следующей неделе Тот, открыв окно, неожиданно замечает зеленые листья на каштане напротив. Она вскрикивает и идет к матери: «Мама, на нашем дереве полно салата!» Мать ей объясняет про почки: они открываются и оттуда выходят листья. Тот говорит: «Так это как цыплята».

В тот же самый день она спрашивает у матери: «Будут ли у меня тоже толстые животы (груды), как у тебя? Вырастет ли вот это?» Мать ее успокаивает и говорит, что да.

Несколько дней спустя Мишель возвращается с берега моря и рассказывает, что видел маяк, и он объясняет, что это такое: он видит на всем море, и когда море плохое, он не дает морякам потеряться или утонуть. Тот слушает, не подавая вида, и вдруг, так как Мишель больше ничего не говорит, она говорит: «Красивую историю ты тут рассказываешь, «мой брат» (!) (sic) («мой брат», как говорят взрослые).

На этой неделе она пригласила отца и мать очень церемонно на полдник. Папа нарядился, чтобы «пойти к ней в 4 часа». Тот все больше и больше старается польстить отцу. На следующей неделе Тот убивает свою мать из бумажного револьвера и говорит: «Я не люблю тебя больше».

Однажды, вернувшись, она говорит матери:

— Когда я буду большой, я выйду замуж за папу.

Мать ей отвечает:

— А я что?

— О, ты... ты, о, это не имеет значения.

— Ну нет, говорит мама, у тебя будет другой муж, папа — это муж для меня.

Тот не отвечает.

В день, когда она весело играла с папой весь вечер, мама ее раздевает, укладывает. Она говорит тогда своему отцу, который пришел попрощаться с ней: «Нет, уходи, я тебя не люблю», и отказывается его поцеловать. И она говорит рассерженно матери несколько минут спустя: «Я больше не люблю папу». Затем помолчав со страстью: «Он слишком хороший! Я хотела бы пожениться с ним, я так бы хотела!»

На следующей неделе она плачет, чтобы Мишель от нее не уходил. Это отчаяние. «Ты вернешься!» Она становится все более милой с ним и кокетливой с папой. В дом приходят друзья, господин и дама. Тот говорит: «Он приятный, этот господин, мне он нравится, но папа гораздо лучше. Ты знаешь, папа, больше всего я люблю тебя».

В то же время она более не умеет одеваться. Если ей дать делать самой, это будет продолжаться два часа. Она остается на месте, ждет маму, она не может.

Несколько дней спустя к большому удивлению матери, так как Тот не особенно интересовалась своей одеждой, она говорит матери: «Я не хочу надевать вчерашнее платье, хочу другое; в школе у девочек новые платья; а мое уже больше не красивое».

Тот — здоровая девочка, этот фрагмент наблюдения это доказывает, но она проживает в четыре с половиной года то, что должна была прожить в три года. Без лечения своего старшего брата она стала бы, как ее брат, страдающей неврозом девочкой. Отец морально отсутствует в воспитании своего сына, который его разочаровал. Он казался нормальным матери до рождения его сестры, мягким и спокойным. Он не задал ни одного вопроса относительно беременности матери и различия полов. Он не выказал ревности — скорее безразличие и пассивность. Он не посещал материнскую школу, так как мать не работала. Рождение Тот было очень желанным, у матери был самопроизвольный выкидыш, когда сыну было четыре года. Она испугалась бесплодия и прошла лечение. Мишель пошел в большую школу в момент беременности матери. Тот родилась, когда ему было шесть с половиной лет. К его трудно-

стям в учебе, которые потребовали повтор двух подготовительных классов, были очень терпимы; тест на ментальный уровень показал, что у него было мало способностей. Это был послушный ребенок, и, к счастью, он унаследовал от матери дар к рисованию. На него смотрели как на простого дебила: лишь в одиннадцать лет перед лицом усиливающегося торможения, трудностей его контакта с товарищами и заметного депрессивного состояния учитель посоветовал матери отвести его в консультацию д-ра Пишона. Мишель страдает неврозом навязчивости, оставшимся до сих пор незамеченным. Его случай, который находится в стадии лечения, здесь не отражается. Я думаю, что влияние этого лечения старшего на развитие его маленькой сестры — еще здоровой — заинтересует читателя.

13. ДЕНИЗ

Шесть лет

Приведена по поводу энуреза. Она мочится в кровать 3 или 4 раза в неделю, по меньшей мере, и на уроках — примерно раз в две недели; ей случается просить выйти в момент, когда она начинает мочиться.

Хорошее общее состояние, рефлекс в норме. Внешние генитальные органы в норме. Позвоночник также.

Ребенок спит в другой комнате, не с родителями, в одной кровати со своей сестрой Жанин, на два года старше нее, и она никогда не мочится в постель. Это большая кровать, и Дениз спит у стены.

С точки зрения характера Дениз милая и ласковая, как малыш; впрочем, дома ей говорят «малыш»; она играет с детьми, меньше ее. Дениз произносит «t» вместо всех твердых «с» (или «qu»). Она скажет: «te j'ui dis» вместо «que je lui dis»¹. Но школьная учительница довольна ею, она умеет писать и начинает читать.

Я не оставляю Дениз одну, потому что она слишком малыш и в особенности крайне застенчива. Я советую, чтобы она не спала у

¹ [В слове «que» звук к заменяется на t. Далее в переводе мы будем обозначать эту особенность речи Дениз через «то» вместо «что». — Прим. перев.]

стены и чтобы ей ставили ночной горшок в ее распоряжение рядом с кроватью. Пусть мама ее поднимает один раз до того, как ляжет спать сама, и особенно пусть она хвалит за успехи: жить, как девочка. Я советую, чтобы ее проконсультировали по поводу ее глаз; я вижу, что они уставшие и краснеют при малейшем усилии (рисование). Мать крайне близорука. (1 марта)

8 марта:

Дениз ни разу за неделю не обмочилась ни в постель, ни в штанишки на уроках. Ей нужно всего один раз подниматься ночью, и она это делает сама, она даже полностью не просыпается.

Девочка несколько раз заметила своей матери, что «М-ль Маретт» несколько раз сказала, что я больше не малыш». Родители довольны. Дениз никогда еще не была столь очаровательна. Не было ни одного инцидента с характером на этой неделе. Врач сказал, что зрение у нее хорошее.

Наедине со мной она рисует мне трубку, яблоко, птицу и аэроплан, подписывая под каждым рисунком, что на нем нарисовано. У нее больше не красные глаза.

22 марта:

Мать приводит ее ко мне, чтобы поблагодарить. Больше не идет речи в течение уже трех недель о малейшем недержании мочи, и Дениз становится «живой», хотя еще немного робеет. Мы остаемся вдвоем. Она мне рассказывает «Белоснежку», говорит со мной о песнях. Она хотела бы быть школьной учительницей, потому что они пишут на доске, могут иметь детей (в школе есть ясли) и у них ученики «делают то, что им скажут»².

29 марта:

Было происшествие в кровати на этой неделе! Дениз расстроена, у нее в моем присутствии сконфуженный вид. Характер по-прежнему отличный. Хорошее поведение дома и на уроках.

¹ [Девичья фамилия Франсуазы Дольто. Доктор Франсуаза Маретт вышла замуж за доктора Бориса Дольто в 1942 году.]

² То же желание, что у Зази в «Зази в метро» Р. Кено.

Ее сестре 8 лет. Она, наоборот, становится ревнивой и реагирует, ложно обвиняя в сексуальных играх и бранных словах девочку из школы. Она признается затем во лжи, потому что другая защищается, но она лжет также из-за ерунды дома. Мать и отец считают, что Дениз выздоровела, несмотря на инцидент на неделе. Ее больше ночью не поднимают, даже один раз, как в начале лечения.

19 апреля:

Мать приходит снова. Это было отлично до пасхальной недели, но вот уже в течение недели Дениз сделала три раза в постель.

Единственная новая вещь, которая появилась у нее в жизни, — то, что она играла с мальчиком-ровесником Бернардом. Родители хотели бы, чтобы Дениз poslали в деревню, потому что она бледновата.

Дениз остается одна со мной. Она рисует маленького мальчика. Она пишет наверху: «мими». Однако Мими — мальчик, с которым она не играла, но которого она видела и «которого я считала красивым, потому что он был весь кудрявый, а я не кудрявлю локоны». (Дениз очень кокетничает своим бантом на голове). Она мне рассказывает подряд, что она испугалась ширмы в больнице, которая чуть не упала на голову недавно, как она испугалась!... потом, продолжая осматривать кругом комнату, она долго смотрит на умывальник, потом говорит: «В школе не так, так¹ здесь, у мальчиков там есть краны, но не так, так у тебя, — поменьше и не такие высокие (она хочет сказать — писсуары с низкой кюветой), а у девочек есть кабинеты, чтобы садиться — без этого они делают (*sic*) в туфли; есть дверь с маленькой дыркой, совсем маленькой». (В кабинетах девочек, конечно).

Следует, что она хотела бы быть мальчиком, «чтобы у нее был кран, так (как) это. Папа тоже (подразумевается, имеет такой), но мама не хочет, чтобы туда пойти, потому что нужно спускаться по лестнице. И потом у них (девочек) не будет зада так это, тогда это невозможно. И потом папа говорит — что мальчики не такие хорошие. Он больше любит девочек, о, это да!»

[В речи Дениз звук *k* в словах *comme* (как), *cabinet* (кабинет) заменены на /]

Что интересно и забавно — это язык с двойным смыслом, реальным и переносным. Кран = писсуар мальчиков (и папы тоже); и кабинет девочек — этот последний термин служит, чтобы символизировать также половой орган, потому что дверь кабинета девочек описана, как будто ребенок хотел объяснить интерес кабинетов для девочек через эту маленькую дырочку в середине двери в компенсацию привлекательных «кранов мальчиков», и по ассоциации понятно, что то, что папа предпочитает, — это половой орган девочек половому члену мальчиков.

Несмотря на предпочтение папы к девочкам, Дениз боится, как бы Жанин, самая старшая, не одержала победу в доме, и что теперь, как она становится большой девочкой, ее больше не будут так же любить.

Действительно, Дениз продолжает болтать в то время, как я делаю заметки на ее карточке, и говорит мне, что Жанин хочет ее бить все время: «Она завидует, что я расту», но ничего больше не поделает — Дениз защищает: «Ах, да, конечно же!».

Я говорю матери, что будет совершенно противопоказано отправлять ее сейчас в деревню.

И я поддерживаю Дениз в ее праве расти, не чувствуя себя виновной по отношению к Жанин, потому что очевидно, что есть проекция ее собственной интенции на ту, что она приписывает Жанин, даже если это так, потому что Жанин об этом не говорила и не допускает, несомненно, факта своей ревности к Дениз.

Я говорю, что прямые волосы так же красивы, как кудрявые, особенно когда девочка кокетлива и у нее красивый бант, как у Дениз.

Дениз спрашивает у меня, сохранила ли я трубку (рисунок), который она мне раньше дала: я говорю «да» и показываю его.

29 апреля:

Дениз сделала только раз. Она попыталась встать, но было слишком поздно; однако в эту ночь папа потребовал, чтобы она снова спала не у края (у стены) под предлогом, что она бьет ногами сестру и сильнее выбивает одеяло с внешней стороны. У Дениз дела лучше, она больше не бледная и очень в настроении.

Она мне рассказывает сновидения, в которых она видит отца: он ест и потом уходит от нее, не попрощавшись.

— Это ночью и это как будто я видела.

Я отвечаю:

— Но ты хорошо знаешь, что папа тебя любит и не сделал бы это.

— Да, я знаю.

С тех пор все идет хорошо. Энурез закончился, и Дениз нормально развивается.

Заключение

Отличный прогноз. Клиническое выздоровление, вероятно, будет длительным.

Интерес в случае Дениз состоит в рецидиве после более чем месячного выздоровления. Симптом вернулся по случаю нового запроса страха кастрации (отсутствие пениса) в соединении со страхом расти (потому что это означает соперничать со старшей сестрой, которая будет ревновать — перемещенная эдипова ситуация) и в совпадений с желанием родителей удалить ее под предлогом, что у нее нет больше энуреза (важная и классическая преграда при отсылке детей в летний лагерь).

Высказывания Дениз, умышленно приведенные здесь слово в слово, интересны, потому что в них виден способ, каким ребенок рассуждает в своей глобальной мысли. Деталь обозначает все, и объект обозначает часть тела, для использования которого он предназначен. В этом случае понимание психоаналитика, который слушает и отвечает тем же естественным тоном: «ах, да, ты думаешь, как, конечно», — на нерациональные слова ребенка, и тот отвечает на это тем же тоном, имеет терапевтический эффект. Эти слова с двойным смыслом были богаты скрытым чувством вины по причине запретных тем, на которые они намекают, и желания пениса, которые они выражают. Свободный «разговор» со взрослым дает выход страху, скрытому под видом чувства неполноценности вследствие состояния фаллической кастрации девочек; и с успокоением страха ребенок может видеть более объективно преимущества быть девочкой, особенно с матерью, которая оказывается не фаллической. Симптом (энурез), появившийся вновь, был

вызван страхом, исходящим из комплекса Эдипа. Аффективная неполноценность по отношению к эдипову объекту, выраженная тревожным сновидением (папа, который ей одной не говорит «до свидания»), после того как она была пройдена с докторшей сквозь сито правдоподобия, также исчезает: «Папа никогда так не сделает». Симптом, следовательно, не был больше востребован аффективной нагрузкой либидо. Он исчезает. Что касается либидо, оно может направиться снова нормальным образом, т. е. связаться с эдиповыми фантазмами без опасности для Сверх-Я, которое уже начинает гармоничное вытеснение. Мы видим, впрочем, что у Дениз есть реальные возможности для сублимаций и что нежность к папе поощряется даже матерью. Соперничество с Жанин вместо того, чтобы вызывать вину, становится достойным похвалы в глазах родителей, и Дениз, несмотря на естественную ревность своей старшей сестры, не принуждена более бессознательным чувством вины на торможение самонаказанием.

Добавим, что вопрос в конце лечения Дениз, когда она спрашивала меня, сохранила ли я «трубку», которую она нарисовала пятью неделями раньше, ясно показывает роль позитивного переноса по отношению к докторше в отказе от симптома вирильного уретрального протеста; этот вопрос символически скрывал следующий: «Отдаешь ли ты отчет в значимости того, что я тебе дала: мое выздоровление, мой отказ быть мальчиком? Если ты отдаешь в этом отчет, значит, ты — мама, которая любит меня так же, как если бы я была мальчиком, позволяя мне любить папу больше, чем тебя».

14. Клодин

Шесть лет и девять месяцев

Девочку привели в больницу Бретонно из-за ее нервозности и дневного недержания мочи.

Она худая, и у нее проявления полимикроденопатии К Рефлексы в норме. Внешние генитальные органы в норме. Позитивная

¹ [Полимикроденопатия — злокачественная опухоль, развивающаяся из лимфоидной ткани.]

кожная реакция. На рентгене правый гилус немного обложенный. Имеются также слева застарелые парагилусные отложения извести.

У родителей хорошее здоровье. Два дяди (один — с отцовской линии, другой — с материнской) умерли от легочного туберкулеза до рождения ребенка.

В анамнезе мать не отмечает ничего особенного, помимо сильных насморков и инцидентов с туманной симптоматологией, где преобладают нарушения сна, анорексия и нервность. У Клодин есть брат 12 лет, Даниель, здоровый.

До прошлого года Клодин мочилась в постель каждую ночь, а в штанишки — днем. Мочеиспускание днем происходит в школе или менее часто — в доме своих родителей — и это бывает чаще всего по поводу замечания.

Прошлым летом девочка была в летнем лагере, где она писала каждую ночь. Вернувшись домой, с октября ребенок мочится в постель лишь в исключительных случаях, потому что мама ее поднимает два раза ночью.

Но каждый день она мочится несколько раз в штанишки. Испускание мочи не терпит отлагательства и бывает на уроках, на перемене, дома — даже тогда, когда ребенок только что помочился несколькими минутами раньше. Школьная учительница жалуется. Она теперь против того, чтобы давать ребенку выходить, потому что ей надо выходить все время и это мешает классу; кроме того, даже эти ранее терпимые выходы не исключали неожиданного мочеиспускания. Дома, как только Клодин ругают, она принимается кричать с тревожным видом «пипи» и, неспособная двигаться, остается неподвижно на месте. Если мать не приходит к ней на помощь, чтобы увести в туалет, бросив все дела, она делает в штаны.

Какое поведение Клодин дома? В школе?

Дома нужно различать часы приема пищи и другие.

Во время приема пищи у Клодин почти нет аппетита. Это «комедии», по обычному выражению родителей.

Клодин отталкивает тарелку, плачет, хочет выйти из-за стола, говорит, что больна, ей настоятельно нужно «пипи». Папа сердится, мама ее уводит, потом приводит, разогревают еду, ее умоляют, она соглашается на две ложки супа, и все повторяется. Они беспокоятся.

Она худая, она будет болеть, они говорят о деревне, парижский воздух ей совсем не годится. «Это как ее дяди», микстуры, лекарства, врачи, обсуждается все. Семейные обеды испорчены, мама озабочена, папа нервничает. Даниель со своей стороны ее дразнит, смеется над ней; ситуация обостряется.

Одним словом, мать умоляет нас сделать, чтобы у Клодин появился аппетит (заметим, что Клодин не ест почти никогда между приемами пищи).

Вне часов приема пищи Клодин дома — образцовый ребенок при условии, что Даниеля нет. Она уступчивая, веселая, добрая, любящая с родителями — больше с отцом, который ей платит тем же. Но если брат дома, дела совсем не идут. Мать говорит, что он ужасно насмешлив с сестрой и что она ему не дается. Это крики, ссоры между ними, вспышки гнева, требования каждого из детей к родителям, чтобы они вмешались. Как только Даниель уходит, Клодин становится вновь нежной и хорошей.

Она *в школе* с октября. Если бы не энурез, учительница была бы ей вполне довольна. Из-за неусидчивости нужно заниматься ею, чтобы она хорошо успевала. Несмотря на это, она уже умеет читать и немного писать. Она хорошо ладит со своими одноклассниками.

В присутствии ребенка мы советуем:

На ночь: ставить горшок у кровати Клодин, и пусть маму не беспокоит больше поднимать ее. Она достаточно большая и не испытывает необходимости в маме все время. Тем хуже, если у нее не получится сразу. Ее не будут ругать, но она доставит удовольствие папе, показав, что она становится большой девочкой.

Для приема пищи: не заставлять Клодин — пусть она ест, что хочет, и оставляет остальное. Я уговариваю маму не иметь к этому совершенно никакого интереса — по меньшей мере, три дня. Бывают случаи, когда детей, еще более худых, чем она, помещают на диету. Клодин хорошо себя чувствует, она может выдержать и обойтись при случае без полного обеда, что — я об этом предупреждаю мать — может делаться в качестве бессознательного шантажа; пусть она мне пообещает не волноваться из-за этого. И я убеждена, говорю я матери, что большей частью из-за бессознательного желания

играть в малыша, которым все должны заниматься, она постепенно привыкла к этим ритуальным сценам. Ей нужно помочь становиться большой. Едят, когда голодны. Перестают, когда больше не голодны. Это не представляет интереса для других. Мать, немного обеспокоенная, обещает следовать моим советам. Я предписываю, кроме этого, капли Аппетила, их нужно давать перед едой — это чтобы морально поддержать ребенка и особенно чтобы помочь матери не считать себя виновной, что она пренебрегает здоровьем Клодин. Я прошу мать настоятельно попросить в школе, чтобы учительница позволяла Клодин выходить столько, сколько она попросит, в течение нескольких недель.

Я оставляю только Клодин и прошу нарисовать, что хочет. Она делает для меня свой портрет и портрет Даниеля на двух разных листах. Мы разговариваем о ее куклах; у нее две любимые — Морис и Белоснежка. Так они названы: Белоснежка — по сказке, которую она любит, Морис — потому что это красивое имя. Но у нее нет знакомых Морисов. Я спрашиваю у нее, ладят ли Морис и Белоснежка друг с другом. Она смеется и говорит: «Не всегда, они ссорятся». Я говорю: «Ну что же, Белоснежке — она такая ловкая и грациозная в домике гномов — нет причины ревновать к Морису, даже если он старше ее».

— Но она не ревнует — *они* дразнят друг друга, тогда я их ругаю. Но *они*¹ все же хорошие. Я их люблю обеих.

— О, ты знаешь, говорю я ей с внимательным видом, когда куклы не ладят, это как люди — как ты и Даниель.

«Объясни Белоснежке, что прекрасный принц приедет не для Мориса, а для нее, на своем красивом коне и увезет ее в свой красивый замок. И тогда завидовать надо будет Морису. И тогда скажи Белоснежке утешить Мориса, а не сердиться. А потом объясни Морису, что ему нет смысла быть плохим с Белоснежкой, потому что ты их любишь одинаково».

¹ [У Ф. Дольто два раза выделено «они», в первом случае ils — местоимение множественного числа мужского рода, оно заменяет имена мужского или мужского и женского родов; во втором случае это elles — местоимение множественного числа женского рода, оно заменяет имена только женского рода. — Прим. перев.]

Мы договариваемся встретиться на следующей неделе. И если куклы не поймут, Клодин тогда нужно мне их принести. Я буду рада их видеть, и мы им вместе объясним.

Мы расстаемся хорошими друзьями. (22 февраля)

1 марта:

У Клодин большие успехи. Мама довольна. Клодин ни разу не сделала ни в постель, ни в штанишки. Мама поднимает ее один раз вечером перед тем, как самой лечь спать. Клодин вставала сама несколько раз по ночам, в другой раз у нее не было в этом необходимости.

Днем она очень часто бегаёт в туалет, но сама.

Во время еды: она мало поела в первый день, почти ничего на завтрак на следующий день, но наверстала за ужином, и с тех пор она ест нормально.

В школе учительницу удивляет, что часто и неотложно у нее пипи, но она этому больше не противится.

Но есть еще «эта нервность, которая меня беспокоит», говорит мать — «состояния, в которые она иногда впадает, особенно когда ругают Даниеля или наказывают его. Клодин рвет на себе волосы, царапается, топает ногами, плачет, кричит, умоляет, она становится вроде сумасшедшей, ее невозможно успокоить, затем она никакая, усталая на остаток дня». Как раз на это неделе была такая сцена.

Наедине со мной Клодин гораздо более спокойная; она не принесла своих кукол (я ей ничего об этом не говорю). Она мне рисует дом. «Это папин дом». Она мне говорит, что «есть краны» в доме, «как ваш», и показывает умывальник в зале. «Работает ли вот тот?» Я отвечаю: «Пойди, посмотри». Она не идет и говорит мне: «Иногда они сломаны, тогда их поправляют». Я соглашаюсь.

Я ее поздравляю с успехами, она становится большой девочкой. Я говорю с ней о ее большом гневе на неделе, она «больше ничего не помнит после», говорит она мне.

Я объясняю ей, что если она чувствует такое потрясение, когда наказывают Даниеля, то дело может быть в том, что в глубине, не говоря никому, она ему желает плохого. Он больше нее, это досадно, он хочет, может быть, строить из себя умника иногда, чтобы показать Клодин, что она дурочка, но это неправда. Когда Клодин

будет 12 лет, она будет такой же умной, как он. Она отвечает мне, что Даниель гораздо меньше дразнится сейчас. — «Это может быть потому, что ты тоже меньше его дразнишь», и я продолжаю: «Иногда можно завидовать и думать, что это везение быть мальчиком. У меня есть знакомые — очень хорошие девочки; они хотели писать, как мальчики, и не могли. Это их оскорбляло, они думали, что сделаны не такими, как все. Это потому, что они думали, что у дам, мамы, докторши — такой же кран, как у Даниеля. Он есть у мальчиков, у пап — тоже. Но у мам его нет, у девочек никогда не бывает, иначе они не могли бы стать красивыми дамами и мамами, и папы бы их не любили. Это было бы некрасиво, если бы у мамы и м-ль Маретт были бы усы, борода и грубый голос».

(Клодин смеется.) — Ах нет, тогда я не хотела бы быть такой. Я хотела бы быть красивой, как мама.

— Но так и будет, когда ты станешь большой, и Даниель будет, как папа.

5 марта:

Клодин мочится гораздо менее часто днем. Но этой ночью она в первый раз за месяц пописала в постель. Мать не очень сердита за это происшествие, потому что она ее не подняла сама перед тем, как лечь спать, и, с другой стороны, вчера у Клодин выскочил большой фурункул на ягодице, который назревал несколько дней, и это потребовало, чтобы она оставалась в комнате.

На этой неделе не было приступа гнева. Клодин и Даниель меньше ругаются, у них бывают маленькие ссоры, но они разбираются сами, не ябедничая друг на друга и не зовя на помощь папу или маму.

Наоборот, вот уже несколько дней (с тех пор как у нее фурункул) Клодин все время просит что-нибудь — особенно попить, глоточек, или сахар, или конфету.

Оставшись со мной, Клодин делает рисунок (С. 173) с фаллическим символизмом. Она мне объясняет, что это военный корабль на море, что есть «штуки», флаги и господин, «который смотрит в большую штуку».

Я спрашиваю у нее, кто эти два персонажа.

«Это те, кто остались». Я говорю: «Это, может быть, ты и Даниель». Она смеется и говорит: да. (Она — это персонаж слева, «тот», у кого нет ничего, чтобы смотреть вдаль).

Я объясняю Клодин, что ей трудно становиться большой девочкой. «Это трудно, страшно, что мама не будет больше заниматься вами, но мама не сердится — наоборот». Я советую не принимать больше Аппетил, который приостановили на время фурункула, но это не привело к проблемам с едой.

Я предлагаю привести ее ко мне через две недели.

Но, прежде чем уйти от меня, Клодин снова берет свой рисунок и карандаш и перечеркивает его крестом. Я у нее спрашиваю: почему? Она смеется и отвечает: «Потому что», затем возвращает его мне.

22 марта:

У Клодин дела идут очень хорошо. У нее больше нет срочных вызовов к мочеиспусканию. Она сидит на уроках от начала до конца и не просится выйти. Она гораздо более послушная, у нее не было больше приступов гнева после того, о котором мы рассказали 1 марта.

Появилось даже новое в этом пункте: несколько дней назад папа угрожал ее брату плеткой, которую он держал в правой руке, в то время как другой он не давал Даниелю убежать, и Клодин было забавно, она осталась посмотреть, «потому что они были смешно кружили друг за другом», и она рассмеялась, «потому что папа всегда ворчит, но никогда не бьет по-настоящему».

Клодин делает рисунок (С. 174): вся семья держится за руки, она помещает себя обдуманно со стороны папы, между ним и мамой — Даниель. У нее уже не такая, как вначале, большая голова — наоборот; она рисует себя такой же большой, как Даниель, ради компенсации, но отказывается от мамы. Более того, объясняя мне свой законченный рисунок, показав мне мамину сумку, она дорисовывает сумку себе самой; она уже не такая, как на предыдущем рисунке («тот, у кого ничего нет»), в то время как у господина и Даниеля есть «штуки»; она высказывается за свою женственность и дает себе «сумку, как у мамы, но поменьше».

29 марта:

Мать приводит всю розовую от гордости Клодин, чтобы поблагодарить меня, ибо она уже действительно не та же самая. Она очень хорошо себя чувствует. Она больше не нервная, у нее больше нет приступов гнева. Она хорошо спит и ест. Нет больше нарушений в мочеиспускании. Папа, мама и школьная учительница очень довольны.

Вернувшись с последней консультации, говорит мать со смехом, Клодин пошла искать плетку в шкафу и выбросила ее в мусорный ящик. «Вот так, Даниель, тебя больше не будут бить».

Сегодня Клодин говорит мне застенчиво и с торжеством, что ей будет 7 лет в час дня. Я ее искренне поздравляю: «Ты — по-настоящему большая девочка».

Заключение

Читая это наблюдение, нельзя не поразиться — и я сама была поражена, — сравнивая улучшения от одного сеанса к другому и минимальное терапевтическое вмешательство, которое потребовалось. Аналитик достигал всякий раз максимум того, на что он мог надеяться. Нужно сказать, что мать Клодин — женщина женственная и ни разу не оказала сопротивления, что редко, и что отец прекрасно справляется с ролью главы семьи: строгий, но не злой «по-настоящему». У него есть престиж, он — любящий.

Симптомы Клодин передавали отказ принять отсутствие пениса. Она оставалась маленькой и, пользуясь этим средством, занималась шантажом. Неотлагательное пипи обезоруживало маму и служило мстью в школе против фаллической матери. Но этот агрессивный симптом с необходимостью требовал свое инфантильное следствие — потребность, чтобы кормила мама, вызывать у нее жалость.

Принятие агрессивности по отношению к отцу, отказ от мамы для кормления вернули ей возможность расти. Заметим, что в случае Клодин ни она, ни мать (у которых я спрашивала об этом) никогда не делали намека на мастурбацию, ни я тоже, разумеется. Желание пениса выразилось в намерении навести справки о краине у докторши (в больнице). В следующий раз она отказывается от

больших «штук», оставаясь около корабля; затем, перечеркивая рисунок, она отказывается от этого типа фантазмов.

Наконец, посредством сумки Клодин показывает, каким образом у девочки есть интуитивное понятие о вагине, и она кладет сумку между собой и папой.

Она вступает аффективно в комплекс Эдипа с нормальным поведением без симптомов. Эпизод с плеткой должен, вероятно, быть проинтерпретирован как нормальное мазохистическое проявление сексуальности, в особенности женской, и как символическая попытка кастрировать злого отца, чтобы он не занимался больше Даниэлем (единственный получатель плетки). Тогда она сможет нежно любить его и дать ему без опаски свою сумку.

15. ФАБЬЕНН

Тринадцать с половиной лет

Девочку привела мать, женщина относительно в возрасте, снисходительная с ней и в беспокойстве за ее здоровье из-за общего весьма посредственного состояния и особенно из-за появившихся недавно и все более частых приступов псевдоэпилептического вида.

Никогда не было эпилептиков в семье. Состав семьи:

- мать — самочувствие хорошее, пожилого вида;
- отец — моложе матери, «очень нервный», комиссованный на 10 %, больше не работает давно;
- Андре, 31 год, здоров, женат;
- Симона, 24 года, здорова, замужем;
- Рэмон, 20 лет, здоров, на воинской службе;
- Рене, 18 лет, здоров, рабочий;
- Одетт, 16,5 лет, здорова, швея;
- и Фабьенн, пациентка, 13,5 лет, последняя.

В анамнезе Фабьенн ничего особенного. Развитие на раннем этапе, кажется, было нормальным. Не было заметных болезней. У нее еще нет месячных. Первый приступ случился дома, и не смогли найти тому никакой причины. С той поры эти «недомогания» случаются лишь в школе.

Девочка начинает себя плохо чувствовать, она дрожит в течение всего обморока, который иногда длится полчаса. Это не клинические судороги, а нечто вроде дрожи. Приступ наступает внезапно, у девочки начинает кружиться голова.

Нет первоначального крика, нет закусенного языка и непроизвольного испускания мочи, падение никогда не бывает резким. Не бывает сумеречного состояния, ни интенсивной цефалии после приступов.

Напротив — ежедневные головные боли, мимолетные или упорные в разные дни. Девочка худая, у нее отсутствует аппетит, она восковой бледности, невыразительный взгляд, общее выражение грустное, унылое.

Обследование и осмотр наших коллег-терапевтов дали отрицательный результат, и они ее направляют к нам.

По тесту Бине — Симона ребенок дает умственный уровень 8,5 лет, но, говорит м-ль Ашар, тест плохо проведен, и у ребенка реальный уровень, несомненно, выше этого числа. (26 июня)

6 июля:

Я ее вижу в первый раз. Робость чрезвычайная. Когда с ней говорят, губы у нее дрожат перед тем, как ответить, и она произносит, заикаясь, несколько монослогов.

Имеет место значительное отставание в школе. Учеба в школе никогда не была отличной, но до 9 лет она «успевала». Сейчас, каким бы ни был класс, куда ее помещают, она неспособна успевать.

Она учит уроки очень сознательно и пересказывает матери достаточно хорошо, но на следующее утро она не может даже вспомнить, что что-то учила, ни даже о каком уроке идет речь.

Орфография может быть очень плохой или хорошей для нескольких строчек. Фабьенн пишет иногда с ошибкой слово, которое она нормально написала несколькими строчками раньше.

Считает отвратительно. В нашем присутствии ей удается делать очень простые примеры на сложение и вычитание, но и для этого ей нужно, прежде чем написать число, которое она робко говорит (не веря тому), все время смотреть на взрослого и чтобы он согласил-

ся. Что касается умножения и деления, трудность непреодолимая. Фабьенн знает таблицу умножения, если ее попросить рассказать полностью, но она неспособна пользоваться ею, чтобы совершить действие. «В 30 сколько раз будет по 6?», она повторяет этот вопрос беззвучным голосом и принимается плакать и дрожать. Если у нее спросить, сколько будет 6 умножить на 5, она говорит: 30, но она не может установить никакой связи между этим решением и вопросом, который она задала себе перед этим.

Одним словом, Фабьенн оставалась три года в том же классе с детьми 10 лет, в котором она не может успевать, и на переменах она играет только с еще более младшими (6–8 лет).

Дома она ведет себя, как маленький ребенок, любит садиться на колени к матери или свернуться клубком у нее на руках. У нее был период, когда она была спорщицей, дерзкой и негативисткой с матерью, которая была вынуждена принять строгие меры. Это враждебное отношение прекратилось во время появления приступов.

Дома к ней относятся, как к маленькой. Она никогда не участвует в разговорах. Иногда она хочет что-то, что у брата в руках, тогда она кричит, идет жаловаться к матери, которая заставляет старшего уступить, «потому что она маленькая» и также потому, что ее отец, постоянно присутствующий дома, не желает шума.

Отец — нервный, тревожный мужчина, с войны он всегда больной, на ней он вроде бы отравился газами. Он был комиссован на 10%, и состояние его легких кажется подозрительным. Но у него никогда не бывает температуры, не было настоящей болезни. В этой многодетной семье они ни с кем не видятся: отец запрещает, чтобы они водились даже с соседями. Он терпит только по просьбе владельцев, чтобы их дочь играла с Фабьенн во дворе. Владельцы, богатые, хорошо одетые, имеющие машину, производят впечатление на отца. Он озлоблен: в его высказываниях звучит зависть против них всякий раз, как Фабьенн упоминает о них. Он считает, так сказать, хорошей политикой позволять детям играть вместе. Но на самом деле он очарован, когда эти люди с ним говорят и не признается себе, что глубоко польщен.

Помимо этого, отец совершенно не занимается Фабьенн, так же, как, впрочем, и другими. Одним словом, его поведение характерно для невроза.

Есть еще один мужчина в доме — Рене. Ему 18 лет, и у него, мы это видели, с Фабьенн лишь отношения ребяческих поддразниваний, и он всегда уступает. Впрочем, он нечасто бывает дома, только во время принятия пищи.

Что касается сестры-швеи, Фабьенн говорит о ней как о существе, которое она любит и восхищается ею, но никак не проводя сравнения с собой. Она составляет часть «взрослых».

Такова в целом ситуация, проясняющая аффективное отставание. Нарушения — на вид истерического происхождения, и из-за них она освобождается от школы на несколько дней и даже на целые недели по совету директора школы, потому что зрелище Фабьенн во время приступа вызывает беспокойство у детей и вызвало вмешательство некоторых родителей.

Я забираю Фабьенн, ибо в присутствии матери она не может отвечать и смотрит на нее с видом терпящей бедствие, зовущей на помощь. Вначале она держит голову все время опущенной, она отвечает тихо и вежливо, как воспитанная и безразличная девочка: «Да, мадам, нет, мадам», — отрывистыми слогами.

Затем, когда я оказываю ей моральную поддержку, эмоция выходит наружу: глаза полны слез, руки и губы дрожат, она остается бледной и не может на меня смотреть.

Когда я у нее спрашиваю, давно ли она стала грустной, она смотрит на меня с выражением, что ее это тронуло, плачет, и контакт устанавливается. Начиная с этого момента, она мне мило отвечает, и постепенно позитивный перенос устанавливается.

Я кратко записываю на ее карточке шаг за шагом, что узнаю о ней.

Ее «недомогания» наступают в школе, когда она делает что-то «плохое». Примеры: опоздания на урок, невыученные уроки. «Тогда это у нее кружится, говорит она, она не в своей тарелке», и она приходит в себя лишь, когда видит людей вокруг себя. Или еще недомогания наступают в рекреации, «когда играют в плохие игры», например: «играть в вора, играть в догонялки», даже когда играют другие, и она смотрит на них. Нужно, объясняет она, «чтобы она на них не смотрела». «Недомогания» — это как «страх, который превышает всего», и он «сильно действует», «это меня раздавливает». *Нельзя лучше выразить страх.*

Фабьенн мне говорит, что со времени ее приступов — меньше конфликтов с матерью, она ее нежит теперь. Были конфликты между ее двумя братьями, на 6 и 4 года старше нее, с их раннего детства. Вот уже год как конфликтов меньше, «потому что они большие».

Ее моральная депрессия, ее грусть происходят из-за беспокоящей ее озабоченности «несчастными случаями в жизни, которые могут произойти с ее братьями». В прошлом году у Рене была скарлатина (это было до ее приступов), это было серьезно, они беспокоились. Теперь «мама прячется, чтобы плакать из-за Рэмона, который скучает с тех пор, как солдат». Она сама, мама, скучает везде теперь, но «особенно, потому что он у берегов Испании на корабле. Если будет война, его убьют». И когда она узнала, что он уезжает в Испанию, у нее случился первый приступ. Она не знает, впрочем, что такое испанская война и кто там воюет.

Большая агрессивность — в которой она признается лишь для прошлого — против своих двух братьев. Постоянные сцены, взаимная ревность, удары, слезы Фабьенн — это заставляло мать вмешиваться, чтобы мальчики уступили под предлогом, что она «маленькая».

Но от этого она не стала больше любить мать, потому что до первого приступа она систематически и беззастенчиво протривилась матери из-малейшего пустяка; такое поведение провоцировало разговоры и пощечины.

Во время этой беседы, особенно вначале, Фабьенн допускает ляп за ляпом. В двух фразах она говорит: «torpetlume» вместо portepume (она не может более следить за беседой, когда ее недомогания начинаются), «Гаппёе prochaine» (в будущем году) вместо Гаппёе derniere (в прошлом году), ее первый «приступ начался», ее братья ее «задрнили» все время... и т. п. Словом, интерверсии согласных вторых слогов на место первых.

Я успокаиваю немного ее страх вины из-за «прошлой агрессивности» против Рэмона: может быть, она чувствовала себя несчастной от того, что последняя; от того, что не на его месте. Я говорю ей, что у дурных мыслей нет отзвука в реальности.

Я говорю матери, что Фабьенн может ходить в школу, нет смысла держать ее дома, но это имеет мало значения, потому что до летних каникул всего лишь неделя.

Нужно, чтобы она помогла Фабьенн взрослеть, заниматься делом, говорить с ней, как женщина.

13 июля:

Приступа не было. Но Фабьенн ходила в школу.

Это последняя консультация в учебном году.

Разговариваю с матерью и даю ей понять, что необходимо психотерапевтическое лечение; нужно, чтобы она к нам водила ребенка с октября раз в неделю в течение нескольких месяцев.

Оставшись со мной, Фабьенн говорит громче и смотрит в лицо, она гораздо менее эмоциональна, чем в последний раз.

По поводу разговора, который я веду в ее присутствии с двумя другими врачами отделения по другому случаю, она мне говорит (на мой вопрос: «Что ты думаешь обо всем этом?»), что она не слушала, потому что это было не для нее. Я пользуюсь этим и объясняю, что правила вежливости, которые призывают к деликатности, предназначены сделать жизнь более приятной для всех, включая того, кто этому подчиняется. Воздерживаются от того, чтобы доставлять неприятности другим, не говоря им, например, неприятных вещей, но это не мешает иметь свое мнение внутри себя. Когда говорят в твоём присутствии о том, что тебе не предназначено, это не мешает тому, чтобы слушать, при условии не повторять этого другим.

Она мне признается тогда, что она все-таки немного слушала, но думала, что это очень плохо. «Вещи, которые не для меня, я думала, нехорошо их слушать, даже если их говорят в моем присутствии».

Фабьенн улыбнулась (!); на мой вопрос: «Как дела?», она отвечает: «Я чувствую себя более счастливой в жизни, мне это забавно. Я всегда была раньше грустной!»

В ее речи еще много детского. Пример: на каникулах она собирается играть с подругами и много других аналогичных инфантильных выражений. Она больше не переставляет слоги.

12 октября:

В целом лето прошло хорошо. Ни одного приступа. Фабьенн не ездила в деревню, она проводила целые дни в компании одиннадцатилетней девочки, к которой она хорошо относится (дочь владель-

ца). У нее иногда бывали головокружения, одни — при пробуждении, другие — после еды, но не более того. Она садилась, и это проходило.

Она гораздо менее эмоциональна, часто улыбается; еще робкая, но без дрожи; она немного краснеет, но смотрит мне прямо в лицо.

Она была еще очень грустной в момент событий конца сентября \ Она плакала вечером в постели, она смотрела газеты, чтобы понять (а ведь мне сказала однажды, что плохо смотреть газеты, это не для детей), и в целом она поняла события. Следовательно, поведение, отличное от поведения Рэмона, по поводу испанского побережья.

Она придет снова через неделю.

Она мне прислала открытку летом, но не написала адреса, и я не могла ответить. Это ее огорчило. Она боялась, как бы я ее не забыла. Мы говорим о ее промашке — может быть, думает она, это неправда, что я к ней хорошо отношусь. (Я говорю ей это по причине механизма проекции).

19 октября:

Мать считает, что ей «скорее лучше, то есть ничего не скажешь».

Хорошее начало в школе.

Она мне признается в открытии: есть разные школы, она никогда на это не обращала внимания, но сейчас знает, что есть обычная школа и свободная школа, где есть монахини.

— Какой ты религии?

— Христианка, говорит она (но она не знает, что это такое).

Она «причащается», но также не знает, что это означает: «Одеваются в белое, есть свеча, и это праздник».

Во всех разговорах чувствуется, что она пытается найти «книжный» ответ, что она чувствует себя виноватой, что не выучила или не помнит ответа. То, что она может рассуждать с помощью того, что она может воспринимать органами чувств, кажется выше ее понимания.

Я пытаюсь посредством многочисленных примеров стимулировать ее доверие к своим собственным суждениям. Например: «Из чего сделаны вещи, которые ты видишь?» — «Из де-

Захват Чехословакии. Мюнхен.

рева». — «Где его берут?» — «В подвале». — «Как оно попадает в этот подвал?» — «Его туда положили». — «Где его взяли?» — Внимательная и униженная Фабьенн отвечает: «Я не знаю, я не выучила». — «Ладно, говорю ей я, ствол деревьев, что это?» — «Это деревья». — «Но это из дерева». — «А! Так это то, когда рубят деревья?» — «Да, затем их отвозят на распил, чтобы делать доски, а доски складывают на склад и продают мастерским, где работают рабочие». Я ее учу рассуждать таким образом о многих предметах: плитках, соломе, металле, шторах.

Фабьенн рассказывает мне тогда о своей кухне — ей 16 лет, и она учится «всем вещам в жизни по своей книге, которая говорит обо всем этом» (sic), «как нужно воспитывать детей и привязывать ручки малышей, чтобы они не терлись» (?).

Я отвечаю: «А, да, это должно быть интересно. Если есть что-то, что ты хотела бы знать и о них и чего нет в этой прекрасной книге, пожалуйста, спрашивай у меня о них. Я тебе это объясню».

Затем мы переходим к счету, и я рассказываю о деньгах при сдаче, пытаюсь переместить вопрос со школьного плана на план адаптации к жизни. Фабьенн не знает стоимости денежных монет. «У меня никогда нет денег. О нет, я никогда не хожу в магазин, я слишком маленькая. Нет, хожу за хлебом, но продавщица записывает «на счет». Я ей преподаю стоимость монет, показывая ей их, и я ей говорю: «Вот, что нужно давать булочнице за 1 кг хлеба; вот, что стоит литр молока и т. д.».

В конце мы делаем фиктивные покупки — сложения, вычитания су и подсчет сдачи. Вначале в ответах была уйма ошибок. Терпеливо я начинала вновь.

Типичным ответом Фабьенн был такой (на мой вопрос: «1 франк минус 13 су?»): «Шесть су, нет?».

Все ответы даются немедленно, без размышления и сопровождаются: *нет*.

2 ноября:

Фабьенн говорит, что чувствует себя хорошо.

В школе она разговаривает со всеми; в прошлом году она не разговаривала и не играла ни с кем, и, если с ней заговаривали, она принималась плакать — настолько она была робка.

У нее значительное отставание, но теперь на переменах она играет с девочками своего возраста, из старших классов. Она еще очень инфантильна, любит ласкаться с мамой, сидеть у нее на коленях.

Мы вновь возвращаемся к фиктивным покупкам. Мы проводим четверть часа на половине от пяти франков, пять франков представлены четырьмя монетами по одному франку и двумя по пятьдесят сантимов. Какие угодно даны ответы, кроме двух франков пятидесяти сантимов, и это даже вопреки всякой очевидности, когда были поделены на две одинаковые группы шесть монет.

В конце концов, по истечении четверти часа (в течение которых терпеливо я подбадриваю), после того как она почти дошла до слез, ей удается внезапно до этого дойти, она полностью ошарашена, что раньше об этом не догадалась. Я ей объясняю, что все, о чем я ее прошу, такое же легкое, и что она может до этого дойти.

Я у нее спрашиваю, есть ли у нее идея о том, чем она будет заниматься позже. У нее есть идеи — она хотела бы быть продавщицей, потому что любит играть в магазин. Я ей говорю: «Почему нет?», и показываю, как практически добиться этого: сначала научиться давать сдачу, затем научиться делать пакеты и найти магазин, где взяли бы ученицу. «Это скоро, в будущем году, тебе скоро 14 лет! Через 4 года ты сможешь выйти замуж». Все это абсолютно ново для нее. Она хочет быть продавщицей, как маленький мальчик хочет водить паровозы или стать генералом. Мысль об осуществлении ей кажется необычной.

8 целом большой прогресс в поведении. Есть некоторый фон ментальной дебильности, однако, учитывая прогресс с июля, можно надеяться адаптировать Фабьенн к приемлемой социальной жизни.

9 ноября:

У Фабьенн был обморок. С тех пор она не ходит в школу. Я с ней встречаюсь специально очень быстро, лишь чтобы сказать ей в присутствии матери, что это меня абсолютно не волнует, что она боится расти и, не делая того нарочно, хочет поиграть в маленькую девочку. Я запрещаю матери брать ее к себе на колени, как малышка. Мы поговорим вместе на следующей неделе, я с ней встречу, если у нее не будет приступа.

Ей надо снова с сегодняшнего дня после обеда ходить в школу. Все это я говорю твердым тоном, но обняв нежно Фабьенн за плечи.

16 ноября:

Будучи нездоровой, я не присутствую, и в мое отсутствие м-м Годе принимает ее и записывает: «Хорошее состояние, недомоганий нет на этой неделе. Гораздо более хороший вид, чем шесть месяцев назад, когда я ее увидела».

23 ноября:

Фабьенн гораздо лучше выглядит, чем 15 дней назад.

Нет новых недомоганий.

Она мне рассказывает об ужасах перед тем, как заснуть.

Она «видит большие головы». Эти большие головы не уродливые, не гримасничают, не ужасные, но «я закрываю лицо локтем, и мне очень страшно».

Я не говорю ничего, и Фабьенн продолжает: «Ночью еще я пересказываю себе уроки, а утром я их не помню. Меня называют конопляночьей головой». Я у нее спрашиваю:

— Что это означает?

— Я не знаю, говорит она, это плохо, это что-то плохое.

— Ты думаешь? А что такое коноплянка?

— Маленькая птичка.

— Ну тогда конопляночья голова?

— Ах да, это означает «голова птички».

— Ну да. И когда ты боишься больших голов, то это потому, что они тебя упрекают в том, что ты не можешь запомнить своих уроков, как будто «это плохо», как будто ты это делаешь нарочно. Коноплянка — милая и умеет достаточно много, чтобы сделать гнездо, высидеть яйца, ухаживать за птенцами, которые не умеют вылетать из гнезда, у нее есть сердце, которое умеет любить так же, как и большие звери, у которых большая ученая голова.

Она мне говорит, что часто устает до приема пищи, потому что очень голодна и не может наесться в достаточной мере, чтобы не устать до следующего приема пищи. Она не принимала никаких лекарств с июня-месяца.

14 декабря:

У нее все хорошо, она порозовела и говорит, что стала сильнее. Не было никаких инцидентов ни со здоровьем, ни с характером с 23 ноября, *вечерние ужасы прекратились*.

Фабьенн рассказывает мне мельчайшие происшествия в школе с той же живостью, что в рассказах девочек пансионата. Это новое.

«...Я ей говорю... а она отвечает... что она расскажет учительнице... они говорят... что делают и т. п.». В целом у нее все признаки хорошего самочувствия.

Мы снова занимаемся подсчетом денег. Результат лучше, чем вначале, и затем — хороший. До сих пор речь шла лишь о франках и су. Я отваживаюсь терпеливо объяснить ей соответствия между сантимами и су. Она понимает, но ей не удается еще считать в сантимах.

После чего Фабьенн спрашивает у меня, может ли она сказать мне что-то, о чем она хотела бы знать. Я отвечаю:

— Да, конечно.

— А как делают детей?

Я у нее сначала спрашиваю, что она думает.

Она мне говорит, что думает, что вмешивается мужчина, но она не знает, как; может быть, «наноса рану», и дети рождаются со стороны живота, «это разрывается или же мужчина или врачи делают большой разрез ножом, чтобы открыть живот. Это называется родами, это ужасно, и очень часто умирают».

Мои объяснения без умалчивания вызывают ее внимание и, как кажется, очень разубеждают и даже доставляют удовольствие. Я объясняю ей также, что означает по ее поводу термин «несформированная», который ее мать часто употребляет по поводу Фабьенн. Она говорит мне тогда, что она думала, что это была «плохая вещь» и что «это не для детей».

Фабьенн признается, что она хотела спросить у меня правду, потому ей обо все этом сказала кузина, столь просвещенная в жизненных делах. Она понимает теперь, что со своим знающим видом она совсем не знала. Она благодарит меня и очень довольна.

Отведя ее к матери, я говорю той, что ее дочь стала большой девочкой, и я думаю, что ей больше нестрашно расти.

Мать довольна и говорит мне, что на самом деле Фабьенн больше не такая, как раньше: она интересуется хозяйством, слушает радио.

25 января:

У Фабьенн еще больший прогресс с последнего раза; это даже преобразование в моральном плане и, кроме этого, с физической точки зрения у нее нормально прошли первые месячные, без слабости и боли, она была этим очень горда.

Наедине со мной у нее довольный и спокойный вид. Она улыбается. Мы разговариваем о будущем годе. Она заканчивает школу. Она по-прежнему хочет быть продавщицей, и есть галантерейщица, где делает закупки ее мать, и она возьмет ее — может быть, она принимает девушек, которые начинают как ученицы. Она пойдет попросить ее.

Значительный прогресс в счете. Она очень хорошо сдает сдачу и даже делает простые расчеты в уме. Она говорит мне, что часто просила мать давать сдачу понарошку, и, «когда я научилась, я сказала маме, что буду ходить в магазин, она охотно согласилась».

И дома поведение значительно лучше.

Что касается Рене, ее огорчает, что он недобр к ней.

Она пишет Рэмону, чтобы он меньше скучал. Она больше не думает о войне. «Посмотрим, никто не знает».

В школе не очень хорошо, кроме шитья. Она шьет не так хорошо, как Одетта, портниха, но Одетта говорит, что хорошо. Фабьенн любит вязать и шить.

Я беру с нее обязательство сделать что-то (шарф или свитер) для Рене на день рождения. Так он увидит, что она стала девушкой; может, станет добрее с ней.

Я советую ей также ходить на патронаж по воскресеньям. Она мне говорит, что как раз есть один, куда ходят ее одноклассники. «И когда хорошая погода, идут в лес на пикник». Я об этом говорю ее матери, она совершенно согласна. «Придется пойти против воли папы, но тем хуже», — говорит мать.

После 25 января. Я встречаюсь с Фабьенн только, если что-то не будет ладиться. Я больше с ней не встречалась. Впрочем, на пос-

леднем сеансе у нее было по-настоящему адаптированное поведение, несмотря на недостаточный ментальный уровень.

Заключение

Видно в этом случае, с одной стороны, чувство неполноценности, с другой — страх; желание могущества (большие головы) и господства над братьями — это лишь зависть к пенису.

Чувства неполноценности, уже законные, были усилены самонаказательным торможением по причине возврата к ребенку пожеланий смерти, изначально направленных на ее братьев: тяжелая скарлатина для Рене и война в Испании для Рэмона, казалось, подтверждали магическое всемогущество.

Страх кастрации привел к тому, что затормозил в целом развитие девочки — запретил «смотреть», «слушать», «думать», потому что навязчивое заражение растекалось и вызывало фобию всего, что по ассоциации идей могло быть квалифицировано как «эпилепсия».

Девочка, следовательно, была вынуждена регрессировать до пассивной оральной стадии, чтобы удовлетворить принципу удовольствия на самом легком и рудиментарном уровне (дать себя ласкать на коленях матери).

Эдипова агрессивность по отношению к матери, выражавшаяся в вызывающем поведении, с необходимостью была вытеснена вторично под угрозой Сверх-Я и уступила место мазохистическому и инфантильному поведению в приступах истерии, которые обезоруживали и беспокоили мать и учительницу. Приступы возникали всякий раз, когда «эпилепсия» (агрессивная игра или констатация своего отставания в школе) входила в резонанс с комплексом кастрации.

16. Моники

Четырнадцать с половиной лет

Это тот ребенок, о котором окружение не имеет понятия, что она больна, и она сама менее, чем другие.

Ко мне приходят проконсультироваться, чтобы я осмотрела и сказала, способна ли она или нет продолжать учебу до получения

удостоверения, потому что ее классная руководительница ее от этого отговаривает и предсказывает ей только неудачу, если та сделает попытку. Мысль привести ее к нам в Бретонно пришла по причине лечения ее кузена, страдающего тиком, который лечится у нас в консультации по средам, и у него — значительное улучшение. Родители считают Моник нормальной. Мы увидим, что она серьезно больна неврозом.

Мать Моник — медсестра; умная, ясного и чистого вида, женственная лицом и кокетством, хотя она и одета очень строго, слегка по-мужски. Внешне она спокойная, предупредительная; речь неторопливая, она производит впечатление, что очень желает успеха своей дочери, с которой она разговаривает очень мило.

Моник — девочка уже с месячными, тело слегка сформированное, плохо ухоженное, с черными ногтями, грязными руками, которые она подносит при разговоре к лицу со стеснительным видом.

У нее сальные волосы, плохо расчесанные, зачесанные назад и скрепленные сзади грязным бантом. У нее достаточно красивые глаза, но взгляд непостоянный, улыбка гримасничающая и стеснительная; она смеется ради приличия, поворачивая голову направо-налево, обнажая грязные зубы; на платье нет нескольких пуговиц; воротник грязный и наполовину распорот.

Она мне рассказывает о ситуации в классе и своих затруднениях с памятью — не в учебе, но в текущей жизни (она не может пойти за двумя покупками и не забыть про одну из них). Я обращаю внимание, что она не может сказать фразу и не посмотреть на мать, как чтобы ее проконтролировали и молчаливо одобрили.

Она сдала экзамены на сертификат в июне прошлого года в 13,5 лет, хотя она была в предпоследнем для сдачи сертификата классе. Их было пятеро в одинаковых условиях. Одна из них проявила инициативу пойти сдавать на сертификат, четверо других последовали за ней, и все пятеро успешно сдали. Но в школе к ним отнеслись очень сурово, кажется, и на дополнительных занятиях их «невзлюбили».

Классная руководительница считает, что Моник неспособна перейти во второй класс средней школы.

Но Моник хотела бы стать учителем физкультуры; для этого необходимо удостоверение. Она мне принесла свои тетради. В противоположность ее внешнему виду они содержатся в порядке.

Тест Бине – Симона показывает нормальный ментальный уровень, но есть трудность оставить одно дело, чтобы адаптироваться быстро к следующему, что м-ль Ашар выражает как «глискроидный ребенок», с запутанными ответами, часто на плохом французском; колеблющаяся в выборе значения ответов». Общая котировка испытаний дает итог в 14 лет и 4 месяцев ментального возраста для реального возраста в 14 лет и 6 месяцев. Но детальное наблюдение заданий теста и их результатов в особенности интересно для подтверждения того, что мы сказали об уровне ментального возраста и интеллекта, с одной стороны, и невротического интеллекта – с другой.

Хорошо ответив на все вопросы возраста 9 лет, Моник неуспешна в двух из пяти вопросов 10 лет, успешно выполняет все задания 12 лет, четыре из пяти заданий возраста 15 лет и два из пяти возраста, называемого взрослым.

Рассматривая тест в целом, мы видим, что Моник не справляется с заданиями, требующими важного участия чувств, практической памяти и суждения, где должны вмешиваться объективность и дух инициативы, т. е. здравый смысл.

Вот с чем она не справляется:

- расставить по порядку 5 весов (10 лет);
- воспроизвести по памяти два рисунка (10 лет);
- интерпретировать гравюру (15 лет); она ее описала так, как в 10 лет;
- задание на вырезание (взрослые);
- восстановление треугольника (взрослые);
- различие абстрактных слов (взрослые).

Напротив, она успешна в вопросах, где необходимы книжные знания (3 рифмы; король и президент), где вмешивается вербальная память (повтор чисел, фраз). Интеллектуальная хитрость и философская рефлексия о жизни ей также доступны (трудные вопросы, мысль Эрвьё¹).

¹ [Глискроидия – от греч. Gliskhros – вязкий, в психиатрии – ментальная установка эпилептиков, характеризующаяся в частности особой эффективностью (называемой адгезивной) и замедленностью психических реакций.]

² [По-видимому, речь идет о Поле Эрвьё (Hervieu) (1857–1915) – члене Французской Академии, писателе, драматурге, адвокате и дипломате.]

В поведении Моник те же лакуны обнаруживаются в другом плане. Аналогично тому, как она остается в течение долго времени привязанной к незавершенному рассуждению, она остается в позиции либидо старшего детства, из которого ей трудно выйти.

В беседе, что я имела один на один с девушкой, она мне рассказала, что занимается туризмом уже давно, но раньше это было не так, «как сейчас». Она мне говорит, что мальчики их (девочек) дразнят, «когда они вместе». – «Мальчики бегают за ними», и при выходе из школы «они им делают гадости и говорят такое». «Нет покоя». «Не они же виноваты» (девочки). Подружки смеются, убегают, не спорят, иногда немного ворчат, но ее это сводит с ума! Она «боится, что люди подумают, что ей это нравится, что ее увидит консьержка и скажет соседям или матери». Словом, она воюет против мальчиков, она им в ответ говорит глупости в ярости, она их лупит, затем ищет укрытия, затравленная, на черных лестницах и убегает на незнакомые лестницы; и особенно она не осмеливается выглядеть, как девушка: она грязная, и у нее мальчишеские ухватки.

Она начинает быть «просвещенной в жизни», говоря словами других, признается мне она, краснея, но она страшно боится своей матери, она никогда не смогла бы у нее ничего попросить, отвечает мне она, когда я ей говорю, что та могла ей дать необходимые ей объяснения.

По разговору, что у меня состоялся с матерью, у меня вовсе не было впечатления, что та одергивала свою дочь, – наоборот. Тогда после немалой борьбы с Моник, я добиваюсь, чтобы ее мать пришла поговорить в ее присутствии. Моник дрожит, умоляет меня, затем уступает с большим недоверием. Но, как я и ожидала, мать проявила абсолютное понимание и стала говорить с Моник, в точности как я, по поводу историй с мальчиками. Мать мне сказала, что мальчишеские ухватки и неухоженность ее дочери очень ее расстраивают, и именно поэтому она ее подталкивает к занятиям туризмом в смешанных группах, чтобы она научилась общаться с мальчиками и стала бы немного кокетливой. Она смеется над страхами Моник и говорит, что ей надо гордиться, что молодые люди ее дразнят, и смеяться над этим.

Но мать, повернувшись ко мне, добавляет: «Я всегда говорила ее отцу, что он неправ: он хочет, чтобы его дочь была спортив-

ной, чтобы она была смелой, жесткой, он всегда хотел, чтобы даже я не следила за собой, чтобы не пользовалась пудрой; он любит, чтобы его дочь была такой.

Иногда я ему говорю: «Но ведь она уже большая, ты к ней относишься, как к мальчику, а ведь она скоро будешь женщиной, она не умеет даже шить, и ничто домашнее ее не интересует». Он отвечает: «Она знает уже достаточно, и я надеюсь, она не будет в такой степени глупой, чтобы стать, как эти маленькие гусыни, которые наряжаются киноактрисами». В общем, отец любит ее по-своему, он ею много занимается, он ее подбадривает стать учителем физкультуры, но он хочет видеть в ней лишь качества мальчика, и добавляет мать: «Он нервный и требовательный с ней, всегда недоволен».

Такова психоаффективная картина этого случая. В поведении Моник выражается типичный невроз.

Очевидно, что интеллектуально Моник очень способная и сдаст экзамены на удостоверение и другие экзамены, где задания по дисциплинам «чистого усвоения» наиболее многочисленны, и более чем вероятно, что неблагоприятное мнение руководительницы продиктовано определенной предвзятостью, имеющей сама по себе свои мотивации. Но чтобы поступить, особенно при конкурсе, есть не только письменные испытания или высказывания при устных испытаниях. Есть индивидуальные примечания, касающиеся способа представляться, говорить, поведение — дух товарищества и представления, — и все это отнимает преимущество у Моник и будет в социальной жизни серьезным гандикапом. Очевидно, что поведение Моник невротично, т. е. плохо адаптировано к реальности¹.

С точки зрения диагноза речь идет о неразрешимом эдиповом комплексе из-за бессознательного враждебного отношения отца по отношению к женщинам; и совокупность реакций «Я» дает место синдрому вирильности².

Моник была вынуждена регрессировать к прегенитальной стадии; для нее наиболее подходящей является анальная садистическая стадия. Она тогда была в инфантильной ситуации гневного неприятия перед мышечным и фаллическим превосходством мальчиков, на

¹ Отметим, что реальность не является синонимом реального.

² Ср. С. 107.

которую она реагирует приданием ценности учебе и агрессивным поведением. Но оно иррационально, и бессознательный протест не меняет реальности, результатом его является страх, панический ужас, который принуждает ее к трагикомическим укрытиям в незнакомых домах. Преследование мальчиков бессознательно *спровоцировано* этим смешным и эксгибиционистским поведением восставшей слабости, и это пробуждает виновность по отношению к Сверх-Я. «Люди подумают, что она это сделала нарочно» и «скажут соседям и матери». Здесь — вхождение в резонанс страха кастрации, страха абсолютно иррационального, если знать ее мать! Это не ее, не соседок боится ребенок, — это ее собственное Сверх-Я, которое говорит в качестве фаллической матери, всемогущей и магической. Это Сверх-Я — это мать такая, какой ее себе представляют все девочки на анальной садистической предэдиповой стадии: снабженная, помимо всего, ревностью, которую ей приписывает ребенок вследствие начала Эдипа, но на самом деле это не что иное, как собственная ревность девочки, спроецированная на свою мать.

Поскольку Эдип не разрешен, у Моник по отношению к внешнему миру — сугубо субъективное отношение, проистекающее от архаического отношения анальной стадии, что есть, мы это знаем, амбивалентность.

Все женские существа уравниваются с матерью. «Мать» не может быть таковой просто-напросто, она должна быть «хорошей» и «плохой» одновременно — в разных пропорциях позитивного и негативного в амбивалентности.

По отношению к учительницам, субститутам плохой матери, Моник ведет себя, как фрондер, — наглая, непокорная из чувства неполноценности, что влечет с необходимостью выговоры. Девочка тогда слишком довольна, тогда оправдываются ее претензии путем рационализации, она говорит «учительница меня невзлюбила» и идет жаловаться «хорошей» матери (своей матери). Но даже к ней отношение не абсолютно позитивное, и ребенок ее боится, потому что бессознательно она (ребенок) ей враждебна. Это доказывается ее мазохистическим поведением: инфантильное подчинение и потребность в постоянном одобрении за малейшие слова и малейшие инициативы. Это необходимое поведение, учитывая бессознательную амбивалентность, уравнивает другое, агрессивное садис-

тическое поведение по отношению к учительницам и директрисам школ.

Параллельно объекты любви выбираются Моник по латентному бессознательному гомосексуальному способу, который сплачивает ее дружбу с «подобными ей» девочками, т. е. движимыми теми же самыми конфликтами (четыре бунтарки, которых невзлюбили).

По отношению к другим девушкам дружеские отношения, связанные в детстве, распадаются, потому что они реагируют на атаки мальчиков по-другому и отдают странную и мало ухоженную Моник ее печальной судьбе отсталой в аффективном плане. Образуется ров между Моник и другими девочками ее поколения, увеличивая еще больше ее чувства неполноценности по отношению к женщинам.

Моник, следовательно, не вооружена для жизни. Какой бы умной она ни была, ей не хватает здравого смысла, и она может быть успешной лишь на границе нормы. Ею владеет огромное чувство неполноценности. Она не сумеет бороться в социальной жизни, чтобы одержать победу над женщинами. Более того, бессознательная преграда для свободной игры ее агрессивности — даже когда она не на службе табуированной женственности — делает ее неспособной быть успешной в борьбе за сексуальную жизнь без механизма неудачи.

Мы увидим далее прогноз, который следует рассматривать в этом случае без психоанализа. Но психоанализ не может быть рекомендован Моник в настоящее время, потому что ни родители, ни девочка не могут понять серьезности случая, особенно отец, который противопоставит непреодолимое сопротивление. Пока его дочь будет легально в его власти, нет возможности ее лечить и избежать того, чтобы поместить ее человечески в ситуацию, слишком болезненную для того, чтобы вынести.

Мы, следовательно, не произнесли ни слова о психоанализе, мы использовали единственное оружие, которое нам оставалось: ответить на вопрос, ради которого они пришли у нас проконсультироваться, воспользовавшись этим случаем, чтобы иметь прямое действие на Сверх-Я, столкнув его с реальностью: не фаллическая мать, не ревнивая, не кастрирующая. Сами мы ее полностью разубеждали относительно ее ментального уровня (мы — «женщина-доктор»,

которая «командует» медсестрами), стало быть — о том, кто должен быть «фаллической женщиной мужского типа» и «максимально опасной», мы говорили словами, исполненными здравого смысла и простоты, о перебранках с мальчиками. Мы стимулировали ее кокетство, детально обсуждая естественные элементы ее персоны, которые она бы могла показать, не прибегая даже к губной помаде и к пудре, добавили мы. «Ибо есть очаровательные и женственные женщины, которые не пользуются ухищрениями туалета».

Мы ее *хвалим* за бунтарскую инициативу относительно школьного сертификата и высказываем гипотезу, что в том, как ее «невзлюбили» учительницы, она была, может быть, ответственна. Не было ли это неловким должеством, чтобы «отомстить»; разве по-настоящему сильной позицией не было бы скорее, будучи уверенной в успехе, сыграть скромность? Этот аргумент вызвал у нее смех, потому что он мог найти плодотворный отзвук в защитном механизме, дозволенном садистическим анальным Сверх-Я, «хитрости». Кроме того, наша объективная, бесстрастная манера говорить о ее отце и ее очевидной ревности к женщинам не могла шокировать Моник. И сотрудничество с матерью, несмотря на то, что ужас к ней оказался необоснованным, сотрудничество, о котором мы попросили в конце беседы, будет иметь, возможно, благоприятный корригирующий эффект на Сверх-Я девушки.

Однако в глубине души мы сомневаемся в этом. Прогноз в случае Моник нам кажется очень плохим. Психотерапия сможет дать лишь поверхностный и временный результат. Слишком поздно. По-настоящему нужен психоанализ, но это возможно лишь, когда у Моник не *будет* отца.

Такие девушки не смогут без психоанализа стать женщинами со здоровым поведением. Если им удастся быть, как все, или по любой другой причине социального значения или освобождения от семьи «приобрести» любовника или выйти замуж, они фригидны в нормальных отношениях (вагинальная нечувствительность), может быть, даже полностью фригидные и презирающие «дела пола», к которым они будут относиться (по выражению относительно экскрементов) как к «непристойности». Это зависит от степени их чувства бессознательной вины от узурпации места другой женщины.

Их непреодоленная агрессивность по отношению к мужскому полу делает их невыносимыми и *кастрирующими* по отношению к мужчинам, которых они выбирают предпочтительно ниже себя (среда, состояние, ум). Если это мужчины вирильного поведения или значимости явно выше их, они пытаются «кастрировать» их во всех планах, сделать их импотентами (вагинизм) или социально поставить их в смешное положение (ссоры в общественных местах, промахи, расходы, напоказ внесупружеские связи). Если им не удастся снизить их витальность, они проецируют тогда на них весь свой садизм и будут разыгрывать жертву, болезни, раздавленных, обманутых, игрушку в их руках, подвергаемых садизму, разоренных, бессознательно провоцируя по своей воле обстоятельства или благоприятствуя им, что удовлетворяет их мазохизм.

Если у этих женщин есть дети, они будут инвестированы не материнской любовью облативной генитальной стадии, но амбивалентной, собственнической и авторитарной «любовью» — знаком садомазохистических объектных отношений анальной стадии. У этих женщин могут быть по отношению к своим детям, в зависимости от социального класса, к которому они принадлежат, утонченные проявления жестокости — презирать их учителя или плохо судить об их отце, ставя себя в позу «жертвы», которой они обязаны всем и которую будет преступлением бросить ради своей аффективной и сексуальной жизни здоровых мужчин и женщин.

Вот и еще один красноречивый пример того, что мы называем семейным неврозом. В случае Моник мы видим тяжесть ответственности отца-невротика — который сам враг женщин и гомосексуалист, который о том не знает. Однако не будем его слишком быстро осуждать. Он сам, возможно, переносит на свою дочь страдание, которое ему было навязано в юности фригидной матерью или кастрирующими сестрами, против них он не смог реагировать, и им бессознательно он никогда не простит. Впрочем, мы знаем, он страдает, потому что, несмотря на уступчивый невроз своей дочери, он «никогда не удовлетворен девочкой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Эдипов комплекс неизбежен в ходе индивидуального развития человека.

— Он воздвигает подводные камни на жизненном пути многих из нас.

— Во всех случаях, когда эдипов комплекс не был разрешен мы присутствуем при аномалиях (преградах или крайностях) агрессивных и пассивных тенденций либидо, свободное взаимодействие которых необходимо для социальной адаптации.

— На самом деле страх кастрации навязывает три установки.

Одна — подчинение, т. е. разрешение эдипова комплекса, является единственным удачным и адекватным решением для социальной поведения, называемого нормальным.

Две другие: одна — это бегство перед лицом страха кастрации, другая — протест и открытая борьба против нее.

— В случае бегства субъект выражает его либо полным торжеством своей активности, либо нестабильностью — ментальным бегством, либо реальным бегством (мы не привели тому примеров, потому что эти дети поступают прямо к психиатрам).

— В случае яростного протеста бессознательного перед лицом жестокой дилеммы, навязанной ему, субъект выражает его нарушениями в характере, сопровождаемыми регрессией к стадиям архаичной организации сексуальности. И это более-менее сильные проявления необщительности и перверсий. Из-за инцестуозных эффектов, которые они нацелены защитить, эти сатисфакции, хотя и регрессивные, вызывают бессознательную вину. Она должна быть умиротворена под угрозой страха. Если наказание не наступает, страх становится невыносимым, самонаказательная неудача необходима. Но если наказание состоялось, оно усиливает еще больше чувство неполноценности и бунта; они приведут, в свою очередь, к новым агрессивным проявлениям. Видно, таким образом, в какую «гонку к смерти» может быть тогда вовлечен субъект.

Случай Жана — тому красноречивый пример. Они могут также привести субъекта к делинквентности.

— За этими симптомами, внешне похожими у девочек и мальчиков, существует реальное различие между комплексом кастрации у девочки и комплексом кастрации у мальчика.

Страх кастрации мальчика — это страх фаллической кастрации. Он вплетается в эдипов комплекс.

Страх кастрации девочки проходит в два этапа: на первом — страх фаллической кастрации проходит в предэдиповой атмосфере; на втором — страх утеро-овариально-вагинальной кастрации единственно вплетается в эдипов комплекс; это страх наказательной эвисцерации женского генитального желания.

Эта работа не позволила затронуть весьма многочисленные вопросы, возникающие по поводу комплекса кастрации. Ее цель — заинтересовать наших коллег-непсихоаналитиков этим фундаментальным моментом, каким является Эдип в истории развития индивида, и его ролью в этиологии функциональных физических симптомов и нарушений в поведении.

Пусть она сможет показать терапевтический интерес психоанализа в его применении к проблемам физиологического, характерологического и ментального развития детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Berge, A. Education sexuelle et affective. — Paris: Scarabee, 1948. — 172 p. — 10.

Dolto, F. Rapport pour les journées d'Amsterdam sur le destin féminin de la libido genitale. = *Dolto, F.* La libido genitale et son destin féminin. // *Psychanalyse*. — 1964. — Vol. 7. — 103.

Deutsch, H. Ein Frauenskicksal — George Sand. // *Imago*. — 1928. — Bd. XIV. — S. 334—357. — 128.

Favez-Boutonier, J. La Psychotherapie. // *Psychologie de l'enfant, de la naissance à l'adolescence, sous la direction de Maurice Debesse,...* par D. Anzieu, A. Berge, Ch. Bried, H. Brule, J. Chateau, R. Cousinet, ... {etc.} — Paris: Bourrelier, 1956. — 10.

Freud, S. Totem und Tabu (1912—13a) // *G. W.* — Bd. 9. — 37.

Lagache, D. La Psychanalyse. — Paris: P. U. E, 1955. — 127 p. — 10.

ЛИСТ СОКРАЩЕНИИ

G. W. = *Freud, S. Gesammelte Werke.* — Bd. I—XVIII.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Бернхейм, Ипполит* [Bernheim] (1840—1919) — французский врач. — 17.
- Верн, Жюль* [Verne, Jules Gabriel] (1828—1905) — французский писатель-фантаст. — 207.
- Даррэ, д-р* — 6; 125.
- Годе, м-м* — 218.
- Дойч, Хелен* [Deutsch, Helene] (1884—1982) — немецкий и американский психоаналитик. — 128 прим.
- Кено, Рэмон* [Queneau, Raymond] (1903—1976) — французский писатель. — 230 прим.
- Кляйн, Мелани* [Klein, Melanie] (1882—1960) — немецкий и британский психоаналитик. — 156 прим.
- Маретт = Дольто, Франсуаза* [Dolto, Françoise] (1908—1988) — 242.
- Пишон, Эдуард* [Pichon, Edouard] (1890—1940) — 137 и прим.; 144; 146; 186; 206; 212; 215; 220; 226; 232.
- Санд, Жорж* [Sand, George] (1804—1877) — французская писательница. — 128 прим.
- Фрейд, Анна* [Freud, Anna] (1895—1982) — австрийский и британский психоаналитик. — 156 прим.
- Фрейд, Зигмунд* [Freud, Sigmund] (1856—1939) — австрийский психиатр, создатель психоанализа. — 5; 15; 17; 18; 25; 26; 37 прим.; 108; 158.
- Эрвье, Поль* [Hervieu, Paul] (1857—1915) — французский романист и драматург. — 259.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

Будда — 225.
Зази — девочка, персонаж романа (1959 г.) и одноименного фильма (1960 г.)
«Зази в метро» [Zazie dans le metro). — 234 прим.
Гиньоль — персонаж лионского театра перчаточных кукол. — 95 и прим.

ЛИСТ ПАЦИЕНТОВ И УПОМЯНУТЫХ ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Ален — мальчик 8,5 лет, энурез. — 200–202.
Ашар, м-ль — 179; 243; 256.
Бернар — мальчик 8,5 лет, энурез. — 121 прим.; 187–191.
Г. — 56.
Взрослый импотент, 25 лет — 162.
Гюстав — мальчик 3 года. — 175–179.
Дениз — девочка 6 лет, энурез. — 100; 229–234.
Дидье — мальчик 10,5 лет, отставание в школе. — 202–212.
Даниель — брат Клодин. — 235–237; 239; 240; 241.
Жан — мальчик 11 лет. — 142–149; 223–225; 264.
Жаннин — сестра Дениз. — 229; 232; 234.
Жерар — мальчик. — 120 прим.
Жозетта — девочка 3,5 года. — 6–8.; 141; 144; 149.
Клодин — девочка 6 лет 9 месяцев. — 46; 73; 120 прим.; 171–174; 234–242.
Мальчик — 10 лет, энурез. — 168.
Мальчик — 11 лет, энурез. — 73.
Марсель — мальчик 10,5 лет — 213–225.
Мишель — брат Тот. — 72; 226–229.
Моник — девочка 14,5 лет. — 254–262.
Морис — брат Марсея, 15 лет. — 213; 215; 219; 220; 221.
Морисетт — девочка. — 169; 170.
Одетта — сестра Фабьен. — 242; 253.
Патрис — мальчик 10 лет. — 81; 191–196; 199.
Поль — мальчик 14 лет. — 125–132.
Рэмон — брат Фабьен. — 242; 246; 248; 253; 254.
Рене — брат Бернара, 4 года. — 188–190.

р... _ брат Фабьен. — 242; 245; 246; 253; 254.

Ролан — мальчик 8 лет, энурез. — 120 прим.; 196—200.

Себастьян — мальчик. — 179—187.

Тот — девочка 4 года 3 месяца. — 46; 72; 100; 225—229.

Фабьенн — девочка 13,5 лет. — 242—254.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Агрессия/агрессивность* — 28; 44; 46 прим.; 61; 65; 73; 79; 81; 83; 84; 87; 88; 93; 102; 104; 110; 111; 114; 117; 120; 122; 125; 128; 129; 130; 144; 160; 177; 191; 202; 210; 219; 221; 222; 241; 246; 254; 260; 262.
- анальная — 32.
 - выгеснение — 93.
 - запрет на — 108.
 - и пассивность — 104.
 - мышечная — 33; 95; 125.
 - торможение ее — 86; 221.
- Агрессивные влечения* — 28; 37; 85; 86; 89; 94; 95; 96; 101; 102; 111; 112; 113; 117; 129; 130; 143.
- выгеснение их — 131; 202.
 - сублимация — 101.
- Адаптация* — 32; 50; 58; 60; 61; 62; 63; 67; 82; 89; 117; 123; 220; 249; 263
- трудности/нарушение в — 3; 26; 151.
- Алкоголизм* — 131.
- Алопеция* — 213; 218; 224.
- Амбивалентность* — 31; 33; 36; 37; 89; 93; 95; 100; 107; 110; 111; 117; 145; 147; 149; 195; 211; 222; 259; 262.
- Анально-садистический период/стадия* — 39; 114; 145; 156; 261.
- Анальная стадия/период* — 26; 30; 34; 36; 37; 43; 44; 55; 56; 66; 87; 98; 110; 112; 114; 144; 211; 222; 259; 262.
- мысль на — 36—37; 52; 53.
 - садистическая — 55; 56; 93; 95; 258; 259.
 - пассивная — 121; 190; 221.
 - активная — 191.
- Анальная эрогенная зона* — 30; 61; 62; 69.
- реинвестирование — 109.
 - символическая мастурбация — 110.
- Анальный эротизм* — 61.
- Анорексия* — 6; 8; 29; 109; 235.
- Анус* — 32
- интерес к — 34.
- Аппетит* — 7; 8; 91; 192; 222; 235; 236; 243.
- Арифметика* — 93 прим.; 206; 209.
- Астения* — 6.
- Аутизм* — 115.

¹ Составители: С.Ф. Сироткин, И.Н. Чиркова, Т.Н. Шикалова

- Аутоэротизм* — 27; 28–29; 31 прим.
- Безопасность* — 49; 97; 120; 153.
- Бессознательное* — 15; 17 и прим.; 18; 22; 29; 32; 34; 37; 47; 48; 52; 61; 80; 83 прим.; 84; 86; 88; 92; 104; 108; 109; 111; 120; 136; 143; 154; 157; 195; 199; 212; 215; 263.
- Бессонница* — 6; 9; 44; 124.
- Болезнь*
- уход в/ регрессия в — 54; 140.
- Боль* — 54; 78; 97; 109; 120; 129; 211; 243; 253.
- Брат/братья* — 222.
- враждебность к — 222.
 - пожелание смерти — 254.
- Буллимия* — 29.
- Бутылочка* — 27; 131.
- «Быть», *удовольствие от* — 28.
- Вагина* — 34; 46; 63.
- мастурбация ее — 63.
 - понятие о — 242.
- Вагинизм* — 262.
- Вагинальная эрогенная зона/эрогенность* — 100; 106; 107; 111; ИЗ; 115; 118.
- инвестирование ее — 100; 106; 109; ИЗ.
- Вина, чувство* — 58; 63; 80; 81; 82; 83; 92; 97; 100; 101; 102; 103 прим.; 104; 108; 110; 112; 113; 119; 121; 128 и прим.; 129; 130; 140; 143; 148; 149; 150; 169; 187; 192; 198; 202; 210; 233; 234; 261; 263.
- Вирильность* — 78; 84; 86; 90; 111; 117; 258; 262.
- комплекс — 107; 108; 111; 112; 114 прим.; 117; 226.
- Витилиго* — 213 и прим.
- Взрослый*
- как кастратор — 71; 91; 128.
 - проекция агрессии ребенка на — 122.
 - как всемогущий и всеполюый — 128 прим.; 129.
- Влечение* — 15; 16; 19; 21; 23 и прим.; 25; 37; 39; 41; 50; 54; 56; 57; 61; 62; 79; 81; 84; 85; 91; 94; 95; 96; 108; 118; 119; 140; 141; 143; 149; 153; 154; 159; 161.
- конфликт между агрессивными пассивными — 130.
 - либидо — 47; 50; 53; 54; 58; 69; 123.
 - пассивное — 85; 89; 94; 95; 101; 112; 131.
 - сексуальное — 61; 130; 132.
- Влечение к смерти* — 54.
- Власть* — 31; 33; 89; 113.
- Воображение* — 3; 24.
- Воспитание* — 33; 44; 55; 59; 60; 61; 65; 66; 101; 109; 232.
- и вина — 68.
 - сексуальное — 66.
 - чистоплотности — 66.
- Воспитатель/ница* — 65.
- генитальная стадия у него — 62.
 - и советуемые сексуальные ограничения — 66 прим.
 - невроз у него — 62.
 - недостаточность его — 114.

- фригидная — 64.
 - строгость его — 114.
- Враждебность* — 102; 103 прим.; 222.
- Врач*
- как кастрирующий родитель — 119.
- Всемогущество* — 43; 91; 254.
- мысли — 129.
- Вытеснение* — 20; 22 и прим.; 23; 38; 47; 50; 51; 61; 84; 86; 92; 100; 131; 140; 149; 161; 202; 221; 234; 254.
- Галлюцинации* — 30; 43.
- Гедонизм* — 16; 25; 26; 50; 55; 61; 69; 79; 94; 95; 121.
- мышечный — 63.
 - экскрементный — 66.
- Генитальная эрогенная зона* — 175.
- Генитальная стадия* — 26; 49; 51 и прим.; 52; 53; 59; 62; 106; 116; 118; 151; 157; 223; 262.
- мысль на 52.
- Генитальный эротизм* — 68; 117.
- Гипноз* — 17; 18.
- Гипотириоз* — 213 и прим.; 214; 218; 220 прим.
- Глискроидия* — 256 прим.
- Гнев* — 56; 179; 186; 196; 236; 238; 239; 240; 241.
- Гомосексуальность/гомосексуализм* — 34; 35; 83; 84; 86; 87; 108; 110; 122; 195; 211; 212; 223; 260; 262.
- женская — 84 прим.
- Горе* — 41; 65; 66; 77; 78; 111; 145; 197.
- Грудь матери* — 27; 28.
- Девияция* — 37.
- Девочка*
- борьба против страха кастрации — 97.
 - вина по отношению к матери — 103 прим.; 104.
 - восхищение и доверие к отцу — 101.
 - враждебность по отношению к матери — 102; 103 и прим.
 - дезинвестирование (либидо) матери — 101; 108.
 - доверие к себе — 99; 101; 103; 106; 108.
 - желание завладеть любовью отца — 45.
 - идентификация с мальчиком — 111; 112.
 - идентификация с матерью — 45; 101; 107; 111; ИЗ; 114.
 - инвестирование матери — 115.
 - зависть к грудям матери — 100.
 - зависть/желание к пенису — 96; 100; 233; 241; 254.
 - кастрация у — 107.
 - комплекс кастрации 98 и прим.; 99 прим.
 - любовь к матери — 101.
 - неспособность соперничать с другими женщинами — 109.
 - отделение от матери — 106.
 - отношение к отцу — 45.
 - отсутствие пениса, переживания — 72; 73; 74; 76; 99; 123; 233; 241.
 - понятие о вагине — 242.

- Девочка (продолжение)
 – соблазнение отца — III.
 – соперничество с матерью — 105; 107.
 – страх кастрации — 254.
 – фаллическая неполноценность — 107.
 – фиксация на матери — 110; 111.
 – фиксация на отце — III.
 – центрирование либидо на отце — 45.
 – Эдипов комплекс — 103; III; 118.
 – Эдипово соперничество — 102; 103 и прим.
- Дети см. Ребенок
- Дефекация — 38; 39.
- Двигательность — 23.
 – трудности в — 3.
- Дебильность — 50.
- Дезинвестирование
 – клитора у девочки — 108.
- Делинквентность — 124; 264.
- Депрессия/депрессивное состояние — 6; 9; 213; 214; 229; 246.
- Дефлорация — 115.
- Диарей — 61.
- Дистирриоз — 220.
- Дисфагия — 130.
- Доверие — 3; 48; 64; 76; 79; 91; 99; 101; 103; 106; 108; 120; 121; 137; 139; 147; 153; 158; 220; 248.
- Драчливость — 70.
- Эда — 30.

- Желание — 17; 22; 23 прим.; 31; 34; 36; 38; 42; 47; 54; 96; 99; 100; 112; 119; 230 прим.; 233; 236; 241; 264.
- Женскость — ИЗ.
- Женственность — 174; 260.
- Женщина
 – кастрирующая — 262.
 – фаллическая — 223; 261.
 – фригидная — 223.
- Жестокость — 262.
- Зависимость — 36; 38; 65; 75; 77; 96; 119; 138; 262.
- Зависть — 56; 87; 107.
 – к грудям матери — 100.
 – к пенису — 99; 233; 241; 254.
- Заикание — 44; 124; 243.
- Запор — 32; 61; 67; 109; 117.
- Запрет(ы) — 15; 19; 20; 28; 32; 38; 39; 58; 62; 64; 66; 90; 91; 100; 108; 116; 130; 145; 211.
- Зачатие — 104 прим.
 – роль женщины — 49.
 – роль мужчины/отца — 46, 49.
- Защита/защитные механизмы — 23; 60; 62; 71; 90; 91; 92; 107; 109; ИЗ; 116; 118; 122; 123; 128 и прим.; 129; 131; 156; 158; 261.
- Здоровье — 3; 6; 36; 54; 58; 60; 67; 71; 116; 151; 155; 202; 223; 224; 235; 242; 252.
- Зрелость — 51; 71.
- Зубы — 28; 104; 188.
- Игра — 32; 42; 43; 45; 76; 77; 78; 89; 121; 129; 136; 141; 177; 178; 200.

- агрессивная — 45; 260.
 – безразличие к — 6–7.
 – в папу и маму — 45.
 – в куклы — 101.
 – метод терапии — 136.
 – различие мальчиков и девочек — 95–96.
 – сексуальная — 40; 231.
- Идеал
 – влечение к — 118.
- Идентификация — 27; 28; 29; 32; 33; 36; 37; 39; 45; 76–77; 82; 83; 84; 97; 101; 107; 111; 112; 114; 115; 122; 127; 128; 130 прим.; 131; 211; 220; 221.
- Идиотия — 65.
- «Иметь», удовольствие от — 28.
- Импотентность/импотенция — 35; 84; 107; 162; 212; 262.
- Имбецильность — 67; 183.
- Инвестирование — 108; 116.
 – анальное — 102 прим.
 – уретральное — 102 прим.
 – вагинальной зоны — 106; 108; ИЗ.
 – тела у девочки — 107.
 – и запрет на мастурбацию — 117.
- Интеллект — 3; 50; 51; 61; 121; 161; 203; 210; 256.
 – гипертрофия — 50.
- Интерес
 – сексуальный — 47; 50.
 – интеллектуальный — 50.
- Интерпретация — 23 и прим.; 74; 136; 139; 143; 147; 159; 177; 178; 187.
- Интроекция — 122.
- Инфантилизм — 113; 259.
- Инфантильная сексуальная теория — 39.
- Инцест — 82.
 – табу/запрет на — 48; 66 прим.
- Инъекции Шоэ — 219.
- Ипохондрия — 36; 130 прим.
- Ипохондрический механизм — 131.
- Истерия — 18; 36; 254.
- Кал
 – недержание — 121; 187.
 – сдерживание — 31.
- Кастрация — 15; 16; 66; 90; 107; III; 129; 130; 131; 148; 166.
 – анальная — 87.
 – аффективная — 125; 131.
 – вагинальная — 103 и прим.; 104; 118.
 – комплекс — 10; 15; 47; 54; 71; 75; 86; 87; 92; 93; 97; 98; 103; 117; 120; 121; 122; 123; 131; 132; 135; 166; 170; 174; 177; 191; 192; 195; 196; 200; 211; 212; 254; 264.
 – мышечная — 131.
 – фаллическая — 97; 98; 107; 109; III; 112; ИЗ; 114; 116; 233; 264.
 – висцеровагинальная — 98 прим.
 – угроза — 66; 144.
 – утероовариальновагинальная — 264.
- Клитор — 38; 40; 63; 69; 70; 99; 100; 108.
 – инвестирование его — 108.
 – мастурбация его — 63.
- Кожа — 15; 56; 176; 213 прим.; 235.

- Коитус* — 46 прим.; 84.
- Кокетство* — 70; 120; 255; 261.
- Кокаин* — 5.
- Колит* — 115; 124.
- Контрввлечение* — 154.
- Конфликт (ы)* — 5; 8; 10; 15; 22; 44; 47; 49; 52; 53; 56; 57; 58; 74; 81; 89; 93; 101; 102; 116; 118; 122; 130; 141; 143; 144; 148; 155; 157; 159; 162; 191; 206; 217; 220; 225; 246; 260.
- аффективные — 6.
 - между либидо и запретами — 20.
 - между Сверх-Я и Оно — 20.
- Кормление грудью* — 25; 39.
- Кошмары/ужасы (ночные)* — 8; 89; 93; 186; 199.
- Кровь*
- менструации — 46.
- Кусание* — 28; 56; 63; 142.
- Латентности фаза* — 26; 47; 48; 49; 51; 71; 75; 85; 88; 102; 104; 108; 117; 121; 144; 225.
- Либидо* — 4; 16; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 27 и прим.; 28; 29; 31; 33; 34; 36—40; 43—45; 47; 49 прим.; 50; 51; 53 прим.; 5—61; 63; 69; 70; 76; 78; 82; 86; 89; 92—94; 99; 100; 106—108; 111; 114—116; 118; 119; 123; 129; 141; 149—151; 158; 176; 195; 221; 222.
- агрессивное — 95; 98; 105; 263.
 - анальное — 31 прим.; 50.
 - влечения — 69; 85.
 - генитальное — 52; 53; 54; 82; 103 прим.; ПО; 152.
 - диффузное — 31 прим.
 - инвестирование объекта — 67; 87; 88.
 - инвестиция фаллоса — 63.
 - нагрузка симптома — 234.
 - нарциссическое — 76.
 - оральное — 31 прим.; 50.
 - отступление в латентности — 85; 104.
 - пассивное — 96; 98; 105; 263.
 - перенос нагрузки на дружбу — 121.
 - регрессивное перемещение/регрессия — 91; 104; 108; 114.
 - реинвестирование личности в целом — ИЗ.
 - уретральное — 50.
 - фаллическое — 50; 211.
 - фаллическое напряжение — 67.
 - фрустрация — ПО; 130; 131.
 - эротическое — 82; 83.
- Лицо*
- реинвестирование его 114.
- Любовь* — 24; 29; 34; 52 прим.; 94; 103; 141; 143; 146; 223.
- захватнический тип — 221.
- Любовь-привязанность* — 27; 30; 54; 61; 68; 69; 77; 87; 88; 89; 92; 95; 103; 111; 112; 114; 116.
- торможение — 92.
- Любопытство* — 47; 70; 89; 92.
- сексуальное — 39; 63; 92.
 - запрет на — 63.
- Мазохизм* — 31 и прим.; 33; 34; 40; 61; 91; 107; 145; 221; 254; 262.
- Мазохистическая установка*
- 131; 156; 195; 202; 211; 220.
- Мальчик*
- борьба против страха кастрации — 76.
 - зависть к девочке — 177.
 - игра — 45.
 - идентификация с отцом — 76—77; 82; 130 прим.
 - освобождение от зависимости от матери — 77.
 - пассивное соблазнение матери — 178.
 - рыцарское отношение к матери — 79.
 - соблазнение отца — 84—85.
 - соперничество с отцом — 80 и прим.; 82; 83; 88.
 - триумф над отцом — 83.
 - фиксация на матери — 83; 84.
 - чувство вины перед отцом — 83.
 - эмоциональная борьба с отцом — 45.
- Мания* — 23.
- Мастурбация* — 38; 39; 40; 48; 49; 56; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 76; 90; 93; 96; 99; 108; 113; 119; 122; 176; 181; 182; 190; 191; 201; 241.
- вагины — 63; 113.
 - грудных сосков — 100.
 - запрет на — 63; 64; 66; 70; 90; 91; 117; 145; 146; 211.
 - как навязчивая потребность — 70.
 - клитора — 63; 99; 100; 108.
 - [советы для воспитателя] — 68.
 - фаллическая — 109; 117; 202.
- Материнская грудь* см. *Грудь матери*
- Мать* — 27; 28; 30; 31; 32; 40; 41; 44; 45; 60; 73; 81.
- агрессивность ее — ПО; 130 прим.; 254.
 - беременность ее — 175; 196; 199; 228.
 - вера в существование пениса — 40.
 - и генитальное Сверх-Я мальчика — 82.
 - идентификация с — 28; 132.
 - как объект завоевания по агрессивному типу — 87.
 - как объект любви — 76.
 - кастрирующая — 48; 90; 93; 108 и прим.; 131; 221; 262.
 - невротичная — 64; 115.
 - оральная фиксация — 132.
 - собственническая любовь к детям — НО.
 - фригидная — 146; 262.
 - фаллическая — 147; 168; 210; 221; 241; 259; 260.
 - хороша и плохая — 259.
- Меланхолия* — 29; 86; 110.
- Менингит* — 125.
- Менопауза* — 115; 116; 118.
- Менструация/месячные* — 46; 49; 105; 115; 242; 253; 255.
- Мигрень* — 117.
- Мимика* — 30 прим.; 56; 136; 223.
- Младенец*
- желание остаться им — 8.
- Могущество, чувство* — 35.
- Моча* — 182; 196.

- недержание — 38; 121; 187; 189; 200; 230; 234.
- сдерживание — 31.
- Мочепускание* — 38; 235; 240; 241; 243.
- Мутизм* — 129; 160.
- Мутиляция* — 40 прим.; 90; 91; 122; 178; 200; 202.
- Навязчивость* — 215.
- Нагрузка, аффективная* — 18; 19; 20.
- Наказание* — 28; 92; 94; 100; 121; 263.
 - поиск — 39.
 - потребность в — 33; 110.
 - телесное — 65.
- Нарциссизм* — 29; 35; 36; 53 прим.; 110; 111; 112; 115.
 - женский — 104.
- Невроз* — 18; 22 прим.; 29; 30; 36; 46 прим.; 49; 50; 58; 59; 60; 62; 70; 81; 82; 86; 93; 96; 100; 103; 104; 105; 114; 118; 119; 124; 130; 140; 151; 155; 220; 228; 229; 244; 255; 258; 262.
 - профилактика — 9.
 - семейный — 108 прим.; 112; 146; 262.
 - травматический — 53.
- Невроз навязчивости* — 36; 229.
- Невроз характера* — 22; 107; 112.
- Невроз страха* — 114 прим.; 122.
- Негативизм* — 92; 141; 187.
- Ненависть* — 24; 131.
- Неполноценности, чувство* — 49; 73; 75; 76; 79; 83; 84; 87; 88; 91; 93; 94; 97; 99; 100; 107; 108; 112; 113; 116; 122; 123; 125; 127; 128; 140; 146; 149; 177; 191; 215; 220; 221; 222; 233; 254; 259; 260; 263.
- Нервность* — 7; 235; 238.
- «*Нервозность*»
 - у ребенка — 46 прим.
- Обидчивость* — 107.
- Обладание* — 34.
 - садистическое — 46 прим.
 - у девочки — 46 прим.
 - обладание матерью — 66
- Обморок* — 125; 160; 243; 250.
- Обучение* — 153; 207.
 - трудности в — 3; 202.
- Объект (ы)*
 - потеря — см. Потеря объекта
 - сексуальный — 35; 50; 83.
 - фекальный — 43.
 - Эдиповы — 121; 195; 222; 234.
- Объект инцестуозный* — 67; 84.
- Объект либидо* — 36.
- Объект любви/привязанности* — 26; 27; 28; 30; 51; 54; 61; 68; 77; 84 прим.; 88; 92; 112; 117; 212; 221; 223; 260.
- Объектные отношения* — 29; 131.
 - садомазохистические — 262.
- Одиночество* — 66; 76; 89; 108; 111; 116.
- Оно* — 16; 17 и прим.; 21; 22; 69; 143; 144.

- конфликт со Сверх-Я — 20.
- Оральная пассивность* — 222.
- Оральная стадия/период* — 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 38; 61; 91; 94; 114.
 - активная форма — 28; 55.
 - пассивная форма — 28; 29; 55; 211; 254.
 - мысль на — 52.
- Оральная (ротовая) эрогенная зона* — 27; 30; 62.
 - реинвестирование — 109.
- Оральный эротизм* — 222.
- Оргазм* — 53; 67; 106.
- Орфография* — 92; 191; 209; 213; 217; 218; 219.
- Ответственность* — 3; 4; 44; 58; 59; 77; 114 прим.; 139; 150; 187; 211; 262.
 - за плодовитость — 3.
 - за сексуальность — 3.
- Отвращение* — 32; 110; 219.
- Отец* — 44.
 - агрессивность к — 241.
 - и агрессивность мальчика — 81.
 - идентификация с — 221.
 - инвестирование его девочкой — 116.
 - как кастратор — 66 прим.; 128.
 - как объект завоевания по пассивному типу соблазнения — 87.
 - кастрированный — 66.
 - кастрирующий — 54; 66.
 - невротичный — 262.
 - привязанность ребенка к — 44.
 - роль в зачатии детей — 46.
- Отлучение от груди* — 27; 28 и прим.; 62.
- Отрочество* — 71; 212.
- Пассивность* — 35; 62; 94; И3; 117; 221; 222; 228.
 - и агрессивность — 104; 117.
- Педагогика* — 3.
- Яенис* — 38; 40; 42; 65; 69; 72; 73; 74; 76; 96; 99; 100; 107; 123; 128; 176; 177; 211; 233; 241; 254.
- Перверсия* — 22; 34; 65; 101; 212; 263.
- Первосцена* — 46 прим.; 162; 167.
- Перенос* — 23; 119; 122; 137; 138; 147; 151; 152; 158; 192; 222; 225; 234; 245; 262.
- Письмо*
 - трудности в — 5.
- Плодовитость* — 3; 49 и прим.
- Пляски Святого Витта* — 213 и прим.; 214.
- Повторение* — 25.
- Полимикроаденопатия* — 234 и прим.
- Потеря объекта* — 29; 44.
- Прегенитальные стадии* — 26; 258.
- Предсознательное* — 17.
- Принцип удовольствия* — 57; 79; 149; 254.
- Провокация* — 39.
- Проекция* — 33; 37; 73; 80; 87; 94; 97; 104; 110; 122; 144; 147; 156; 190; 232; 248; 262.

- Проститутка* — 35.
- Психоанализ* — 6; 10; 16; 18; 20; 22 и прим.; 24; 26; 46 прим.; 71 прим.; 72; 112; 136; 137; 140; 147; 152; 153; 154; 155 и прим.; 156; 157; 158 и прим.; 159; 161; 260; 261; 264.
- и развитие интеллекта — 3.
 - и развитие характера — 3.
- Психоз* — 132.
- Психосоматическая медицина* — 3.
- Психохимия* — 6.
- Пубертат* — 20; 26; 48; 49; 51; 57; 58; 63; 71; 82; 84; 85; 89; 103; 105; 108; 111; 115; 117; 121; 212; 219; 220; 225.
- Различие полов* — 226.
- Разрядка* — 20; 56; 69; 100; 143; 153.
- агрессивная — 130.
 - игровая опора для — 69.
 - при мастурбации — 67.
 - сексуального влечения в игре — 79.
- Рационализация* — 18; 56; 128; 130; 155; 259.
- Реактивное образование* — 22.
- Реальность* — 24; 43; 46; 51; 53; 54; 64; 78; 79; 80; 82; 91; 99; 102; 122; 123; 141; 147; 148; 151; 193; 246; 256; 258; 259; 260.
- объективная — 37.
 - субъективная — 37.
- Рвота* — 109.
- Ребенок*
- адаптация к социальной жизни — 32; 62; 63.
 - аффективная власть над матерью — 31.
 - грудной — 28; 30; 38; 114.
 - и власть взрослого — 33.
 - и запрет взрослых — 64.
 - идентификация с матерью — 28.
 - идентификация с родителем того же пола — 47.
 - невротичный — 47; 70.
 - «нервозность» у — 46 прим.
 - открытие различий между полами — 74.
 - потребность во взрослом — 36.
 - присутствие при сексуальных отношениях родителей — 46.
 - психически здоровый — 63; 70.
 - развитие и чувство вины — 63.
 - с трудным характером — 3.
 - со школьными проблемами — 3.
 - соперничество с братьями и сестрами — 44.
 - соперничество с отцом — 44.
 - соперничество с родителем того же пола — 46.
 - чувство вины — 81.
 - чувство неполноценности перед взрослым — 73; 76.
- Ревность* — 56; 79; 80; 86; 101; 110; 112; 116; 146; 169; 188; 191; 228; 232; 234; 246; 259 — 261.
- Регрессия* — 29; 49; 53; 54; 63; 91; 93; 104; 107; 108; 109; 116; 117; 119; 149; 218; 221; 254; 258; 263.
- либидо — 29; 104; 108; 114.
- Речь*
- трудности в — 3.
- Рисование* — 191; 225; 229; 230.

- Рисунок, детский* — 72; 101; 135; 136; 137; 138; 148; 159 прим.; 162; 163; 166—171; 186; 188; 201; 216; 222; 230; 232; 239; 240; 242.
- Родители*
- кастрирующие — 75; 119.
 - конфликты — 44.
 - отделение от — 8.
 - пассивное соблазнение родителя того же пола — 120.
 - патогенная роль — 91.
 - сексуальные отношения — 46.
 - тайна интимности — 46.
- Рождение* — 44; 46; 54; 92; 103; 104 прим.; 105; 202; 224; 228; 235.
- Садизм* — 32 прим.; 33; 40; 61; 73; 89; 131; 262.
- вытеснение — 221.
- Садистическое удовольствие* — 32.
- Самосохранения, инстинкты* — 52; 53 и прим.
- Самобийство* — 203; 210.
- Сверх-Я* — 16; 17 и прим.; 19; 21; 23; 29; 38; 48; 57; 58; 64; 79; 81; 84; 88; 92; 100; 102; 104; 111; 115 прим.; 118; 121; 130; 132; 139; 140; 143; 144; 147; 161; 187; 195; 202; 221; 234; 254; 259; 260; 261.
- анальное — 35; 66; 261.
 - гомосексуальное — 35.
 - ригидность — 19; 20.
 - конфликт с Оно — 20.
 - суровое — 22; 196.
 - генитальное — 67; 82.
 - и мастурбация — 108—109.
 - садистическое отношение к Я — 112.
 - у женщин — 115.
 - мужчины — 117.
 - коллективное — 150.
 - материнское — 212.
- Сверх-Я: формирование* • 19; 20; 117; 221.
- Свободные ассоциации* — 135.
- Сексуальность* — 3; 16; 25; 29; 31; 48; 54; 60; 67; 70; 74; 75; 76; 77; 88; 89; 94; 95; 97; 98; 104; 110; 130; 242.
- аудиторная — 63.
 - вытеснение — 100.
 - генитальная — 51; 84; 108; 109; 225.
 - женская — ИЗ; 115; 117.
 - ольфактивная — 63.
 - отличие в развитии женской и мужской — 117.
 - перверсная — 49.
 - прегенитальная — 84; 263.
 - различие мальчика и девочки — 95.
 - тактильная — 63.
 - фаллическая — 90; 100.
- Сексуальность, детская* — 5.
- примат генитальной зоны — 63.
- Сексуальные инстинкты* — 25.
- Сексуальные отношения*
- как садистический акт — 46.
 - родителей — 46.
- Семья* — 3.
- Сестра(ы)*
- кастрирующие — 262.
 - рождение — 228.
 - соперничество с — 234.
- Символизация* — 49 прим.

Символизм — 37; 55; 73; 102; 127 прим.; 136; 170; 187; 211.
 — кастрационный — 121.
 — кастрирующий — 211.
 — сновидений — 46 прим.
 — фаллический — 145; 239.
 — фантазмов — 46 прим.

Симптом — 7; 8; 9; 19; 20; 21; 22 и прим.; 26; 30; 45; 51; 53; 56; 91; 100; 109; 117; 119; 120; 121 и прим.; 123; 124; 126; 128—130; 139—144; 148; 153; 157—160; 177; 178; 189; 195; 202; 220; 233; 234; 242; 264.
 — невротик и здоровый — 51.

Скупость — 34.

Слезы — 15; 129; 143; 182; 197; 215; 245; 246; 250.

Смерть — 4; 18; 32 и прим.; 42; 44; 48; 54; 65; 76; 78; 89; 130; 131; 174; 204.
 — открытие — 42—43; 125.
 — пожелание ее — 128; 129; 210; 211; 254.

Сновидение — 10; 22 прим.; 27; 46 прим.; 54; 72; 104; 130; 136; 137; 162; 163; 175; 177; 198; 199; 200; 208; 211; 233; 234.
 — страшное — 121; 191.

Соблазнение — 68; 76; 82; 83; 84; 89; 105; 111; 113; 120; 178; 195.
 — пассивное — 33; 85; 87.

Совесть — 66; 79; 143; 150; 180.

Сознательное — 15; 16; 17; 18; 20; 21; 82.

Сомнамбулизм — 212.

Сон — 8; 30; 54; 131; 162; 175; 176.

— нарушение — 235.

Соперничество — 44; 47; 71; 80; 82; 83; 86; 88; 92; 98 прим.; 105; 107; 109; НО; 111; 120; 122; 178; 195; 234.
 — Эдипово у девочки — 102; 103 прим.

Сопrotивление — 9; 10; 18; 21; 23 и прим.; 96; 104; 117; 137; 139; 142; 147; 155; 159; 195; 209; 260.

Сосание — 25; 27; 31; 55.
 — большого пальца — 38; 226.

Соска — 27; 100.

Сохранения инстинкт — 25.

Спазмы — 6; 109.

Сперма — 46.

Страх — 3; 6; 8; 9; 19; 20; 22; 35; 37; 39; 51; 57; 58; 62; 71; 72; 74; 80; 82; 83; 85; 86; 87; 91; 92; 93; 98; 100; 101; 104; 108; 110; 112; 113; 116; 120; 121; 122; 125; 127; 129; 130; 132; 140; 143; 144; 152; 153; 158; 160; 161; 162; 177; 178; 182; 183; 198; 199; 200; 205; 210; 211; 233; 234; 245; 246; 254; 257; 259; 263.
 — первичный — 20.
 — вторичный — 20.
 — невротический — 132.
 — отличие от комплекса — 75 прим.
 — эвисцерационного изнасилования — 103.

Страх смерти — 125; 127; 130.

Страх кастрации — 42; 53; 71; 72; 74; 75; 76; 83; 84; 90; 91; 96; 97; 98; 103; 107; 109; 111; 112; 113; 114; 116; 117; 118; 122; 123; 125; 127; 129; 130; 132; 159; 163; 169; 187; 195; 233; 261; 254; 259.

— защита от — 91.
 — и комплекс кастрации — 75.
 — и открытие смерти — 44.
 — у девочки — 254.

Стыд — 78; 100; 104.

Сублимация — 21; 22; 34; 47; 50; 51; 62; 66 прим.; 79; 82; 83; 84; 85; 86; 88; 105; 108; 112; 116; 121; 153; 156; 158; 195; 212; 234.
 — способность к — 47; 156.

Сфинктер — 60.
 — экскрементный — 30; 31; 32.
 — анальный — 38.
 — мочево́й — 38.
 — дисциплинирование/воспитание — 61; 62.

Сфинктерная эrogenная зона — 121.

Счет — 92 и прим.; 163; 217; 249; 253.

{Творчество — 51.

Тело — 3.
 — границы — 25.
 — реинвестирование его — 114.

Тест Бине-Симона — 179; 203; 243; 256.

Тик — 44; 91; 124; 142; 143; 145; 255.

Торможение — 21; 50; 86; 92; 112; 117; 221; 225; 229; 234; 254; 263.

Тотемизм — 37 и прим.

Травма — 63; 127.
 — психологическая — 9; 10.

Трудности
 — в адаптации к закону — 3.
 — в двигательности — 3.
 — в письме — 3.
 — в речи — 3.
 — в школьном обучении — 3.

Туберкулез — 65; 203; 235.

Тицеславие — 56.

Удовольствие — 16; 25; 27; 28; 29; 30; 31 и прим.; 32; 33; 38; 41; 54; 55; 57; 65; 69; 94; 105; 120; 121; 141; 194; 201; 209; 222; 236; 252.
 — принцип — 149; 252.

Умственная отсталость — 43.

Уретральный протест — 234.

Уретральная стадия/фаза — 91; 211.

Уретральная садистическая стадия — 119.

Учеба
 — трудности в — 204; 228—229; 255.

Учитель
 — восхищение к 222.

Фаллическая стадия/фаза — 26; 38; 43; 45; 46 прим.; 49; 51; 60; 62; 63; 67; 94; 95; 96; 96; 116; 117; 119; 144; 146.
 — мысль на — 40—47.

Фаллическая эrogenная зона — 38; 61; 62; 99; 176.

Фаллический эротизм — 84.

Фаллос — 63; 73; 76; 97; 100; 111; 177; 184.

Фантазм (ы) — 29; 32; 40; 41; 43; 46 прим.; 49; 54; 55; 56; 67; 72; 73; 77; 78; 91; 96; 123; 130; 202; 242.
 — агрессивный — 146.
 — амбициозные — 120 131.
 — анальный — 222.
 — вагинальный — 100; 102; 113.
 — воинственный — 76; 80.
 — женского честолюбия — 101.
 — магической силы — 79.
 — мастурбационные — 96; 99; 102; 146.
 — об убийстве матери — 102.
 — победителя — 68.
 — романтические — 105; 115.
 — сексуальный — 71.
 — соблазнения — 68.
 — табуированной матери — 185.
 — убийства — 127; 130.
 — устрашающие — 104.
 — фаллические — 101; 131.
 — честолюбивый — 146.
 — Эдиповы — 79; 101; 146; 161; 234.
 — эякуляционные — 67.

Фекалии
 — интерес к — 34; 38.

Феминности, комплекс — 85; 86.

Фетишизм — 37.

Фиксация — 21; 29; 34; 36; 51; 52; 63; 82; 84; ПО; 121 прим.; 137; 153.
 — анальная — 112.
 — генитальная — 52.
 — оральная — 131.
 — Эдипова — 116.

Фобия — 37; 93; 132; 147; 160; 254.
 — к лошадям — 163.
 — смерти — 132; 159.

Фригидность — 29; 35; 107; 108; 113; 116 прим.; 117; 146; 261.
 — и запор 67.

Фрустрация — 16; 28; 29; 50; 62; 87; 92; 110; 111; 125; 131.
 — анальная — 86.
 — зрения — 130.
 — либидо — НО; 130; 131.
 — материнской отцовской любви — 130.
 — оральная — 116.
 — пространства — 130.
 — трогания — 130.
 — фаллическая — 98; 101; 109.

Характер — 3; 6; 7; 29; 35; 36; 55; 56; 62; 69; 70; 223; 229; 230.
 — захватнического типа — 29.
 — нарушение его — 100; 112; 117; 120; 121; 135; 142; 196; 203; 219; 263.
 — собственнический — 34.
 — формирование на анальной стадии — 34.

Честолюбие — 42; 43; 52; 93; 101; 146.

Чистоплотность — 30; 32; 38; 66; 109; 122; 190; 196; 197.

Чтение
 — трудности в — 3.

Школа — 225; 228.
 — отставание в — 180; 202; 225; 243; 254.
 — успехи в — 222.

Экскременты — 31; 32 и прим.; 34.
 — интерес к — 61; 221; 261.

Эгоизм — 214; 221.

Эгоизм — 94; 116; 118.

Экгибиционизм — 96; 109; 259.

Энокпрез — 44.

Энурыз — 7; 8; 44; 73; 91; 119; 120; 122 и прим.; 122; 123; 141; 149; 162; 187; 188; 189; 196; 197; 198; 200; 202; 229; 233; 236.

Эдипов комплекс — 5; 47; 48; 52; 54; 71; 80; 81; 84; 86; 88; 111; 118; 120; 121; 122; 123; 135; 144; 178; 191; 195; 211; 212; 220; 221; 264.
 — вытеснение — 86; 121.
 — и комплекс кастрации — 75; 117.
 — негативный — 212.
 — неразрешенный 120; 122; 124; 258; 259; 263.
 — разрешение его — 52; 75; 82; 84; 86; 88; 89; 92; 102; 118; 121 и прим.; 123; 135; 263.
 — у девочки — 102; 103; 107; 111.

Эдипов конфликт — 10; 88; 103; 114.

Эдипов период — 45; 67; 98; 210; 259

Эдипова ситуация — 46 и прим.; 52; 53; 99; 107; 120; 192; 196; 233.

Эпилепсия — 254.

Эрекция — 38; 67; 70; 100.

Эрогенная зона см. *Анальная эрогенная зона*. *Оральная эрогенная зона*, *Сфинктерная эрогенная зона*, *Фаллическая эрогенная зона*.

Эякуляция — 49; 67.

Я — 16; 17 и прим.; 19; 20; 21; 22; 23; 29; 35; 38; 48; 57; 58; 64; 66; 67; 79; 81; 82; 84; 88; 92; 100; 102; 104; 108; 109;

111; 112; 114; 115; 117; 118; 121; 122; 130; 132; 139; 140; 142; 143; 144; 147; 150; 161; 187; 195; 196; 202; 212; 221; 234; 254; 259; 260; 261.
 — защита против первичного страха — 62.

Ярость — 193; 195; 257.

Научное издание

Франсуаза Дольто

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Перевод с французского И.Б. Воронцовой

Научный редактор
С.Ф. Сироткин

Корректор — Я.И. Корман
Дизайн обложки — Е.В. Ижболдина
Компьютерная верстка — Н.В. Саранчева, Е.В. Ижболдина

ООО Издательский дом «ERGO»
Директор И.Н. Чиркова

Е-mail: ergo@udm.ru

Сдано в производство 01.04.08. Печать офсетная.
Формат 60/90/16. Гарнитура Academy.
Заказ № 6058. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригиналов заказчика
в ОАО «Ижевская Республиканская типография»
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13

Отпечатано в России

ISBN-13: 978-5-98904-032-2